

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 3 / 2022

Том 28

DOI: 10.19181/nko.2022.28.3

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК.
Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва • 2022

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, младший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и государственного управления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, МосГУ.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Junior researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladmir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Miroљub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, ISPR FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Moscow University for the Humanities.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franс E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Гуселетов Б. П.

Итоги парламентских выборов во Франции и их влияние
на российско-французские отношения 8

Дибирова А. П.

Мнение жителей СКФО о возможном финансовом и политическом
влиянии иностранных государств на политическую и социальную
обстановку в Северокавказском регионе 22

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Забузов О. Н., Шушпанова И. С.

Информационно-пропагандистское противодействие терроризму:
взгляд молодого поколения 36

Ильичева Л. Е., Лапин А. В.

Доверие к власти и социально-политическая консолидация общества 50

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Монд Д.

Теория услуги – теория социального капитала 68

Харченко В. С.

Использование анализа решений для достижения желаемого
образа будущего. 81

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Крошилин С. В.

Цифровая трансформация российских ВУЗов в период пандемии. 93

Сорокин О. В.

Переосмысление отношения к сфере образования в культурном
пространстве молодежи 111

Шевченко П. В.

Московская школа: итоги реформ 122

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Туманов А. И.

Социально-политические особенности и перспективы становления
российского кинематографа в призме отечественного и мирового опыта
киноиндустрии 137

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Сухарькова М. П.

Кадровый потенциал китайской олимпийской волонтерской программы
«Пекин 2022» 152

СЛОВО МОЛОДЫМ

Тутынина Е. А.

Влияние эмоциональной компетентности на выбор стратегий совладающего
поведения у специалистов экстремального профиля. 165

IN MEMORIAM

От редакции

Памяти Э. М. Андреева 181

© ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2022
© ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, 2022

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

Guseletov B. P.

Results of the parliamentary elections in France and their impact
on Russian-French relations 8

Dibirova A. P.

The opinion of the Northern Caucasus Federal District residents
on the foreign states' possible financial and political influence on the political
and social situation in the region 22

POLITICAL CULTURE

Zabuzov O. N., Shushpanova I. S.

Information and propaganda counteraction to terrorism: the view
of the younger generation. 36

Ilicheva L. E., Lapin A. V.

Trust in the authorities and social consolidation of society 50

SOCIOLOGY OF SCIENCE AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Mond D.

Favor theory – theory of social capital 68

Kharchenko V. S.

Using decision analysis to achieve the desired image of the future 81

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Kroshilin S. V.

Digital transformation of Russian universities during the pandemic 93

Sorokin O. V.

Rethinking attitudes towards education in the cultural space
of young people. 111

Shevchenko P. V.

Moscow school: results of the reforms 122

RESEARCH OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN CIVIL SOCIETY

Tumanov A. I.

Socio-political features and prospects for the development
of the Russian movie industry through the prism of the history of soviet cinema
and international film industry experience. 137

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Sukharkova M. P.

Human resources of the China Olympic volunteer program «Beijing 2022». . . . 152

FLOOR TO THE YOUNG

Tutinina E. A.

The impact of emotional competence on the coping strategies among specialists of extreme jobs 165

IN MEMORIAM

Editorial note

Andreev E.M. 181

© ISPR FCTAS RAS, 2022
© PUBLIC RUSSIAN ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES, 2022

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI 10.19181/nko.2022.28.3.1

EDN VUUYIQ

УДК 328.1; 329.1

Б. П. Гуселетов^{1,2}

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

² Институт Европы РАН.
Москва, Россия.

ИТОГИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ ВО ФРАНЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены итоги парламентских выборов во Франции, состоявшихся 12 и 19 июня 2022 г. Дано сравнение результатов ведущих политических партий на выборах 2017 и 2022 гг., а также характеристика этих партий, представленных в парламенте в период с 2017 по 2022 гг. Отмечены итоги деятельности правительства Франции, сформированного Президентом страны и лидером партии «Ренессанс» (до 05.05.2022 г. – Вперед Республика!) Э. Макронем по итогам выборов 2017 г. Выявлены причины сохранения рейтинга этого правительства и его влияние на ход избирательной кампании. Рассмотрено как пандемия коронавируса и действия правительства по преодолению её последствий повлияли на ход и результаты предвыборной кампании. Дана оценка деятельности основных оппозиционных партий страны. Рассмотрен ход проведения избирательной кампании, её основные темы, а также позиции политических партий и коалиций, которые по итогам этих выборов прошли в парламент: коалиция «Вместе! Президентское большинство», во главе с Председателем Национального собрания Р. Ферраном, объединившая партии «Ренессанс», «Модем» и «Горизонт»; коалиция «Новый народный экологический и социальный союз» (ННЭСС) во главе с лидером партии «Непокоренная Франция» Ж.-Л. Меланшоном, объединившая социалистическую и коммунистическую партии и партию «Европа. Экология. Зеленые»; партия «Национальное объединение» Марин Ле Пен, которую возглавил депутат Европарламента Ж. Борделла, и коалиция «Союз правых и центристов» во главе с лидером партии «Республиканцы» К. Жакобом, в которую также вошла партия «Союз демократов и независимых». Представлены позиции этих партий. Проанализировано состояние российско-французских отношений и дан прогноз, как итоги выборов повлияют на отношения между РФ и Францией.

Ключевые слова: выборы, парламент, политические партии, правительство, Франция, РФ.

Для цитирования: Гуселетов Б.П. Итоги парламентских выборов во Франции и их влияние на российско-французские отношения // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 8-21. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.1. EDN VUUYIQ

12 и 19 июня 2022 г. во Франции прошли очередные парламентские выборы, на которых были избраны 577 депутатов нижней палаты парламента. Франция является одной из немногих стран Евросоюза, руководство которой в последние годы стремилось сохранить добрососедские отношения с РФ. Поэтому анализ результатов этих выборов представляют большой научный и общественный интерес для российского экспертного сообщества.

Партийно-политическая система Франции. Парламент Франции является двухпалатным и состоит из верхней палаты – Сената, включающего 348 сенаторов, назначаемых на 6 лет на основе всеобщего косвенного избирательного права коллегией депутатов региональных, департаментальных и муниципальных советов¹, и нижней палаты – Национальное Собрание (НС). В НС входят 577 депутатов, избираемых на 5 лет по мажоритарной избирательной системе в два тура.

Депутаты НС избираются в 577 округах (556 в департаментах метрополии, 10 в заморских департаментах и 11 для французов, проживающих вне Франции). Чтобы быть избранным в первом туре, кандидат должен набрать не менее 25% голосов зарегистрированных избирателей. Если таковых нет, проводится второй тур, где участвуют кандидаты, набравшие в первом туре не менее 12,5% голосов. Если такой кандидат лишь один, то право баллотироваться дополнительно получает кандидат, занявший в первом туре второе место.

Отметим, что во Франции партии получают государственное финансирование, пропорциональное количеству голосов, поданных за её кандидатов, набравших минимум 1% голосов не менее чем в 50 избирательных округах. В среднем 1 избиратель приносит партии € 1,64 в год, а избранный депутат НС еще € 37.400.

По итогам предыдущих парламентских выборов, состоявшихся 11 и 18 июня 2017 г., в НС были представлены 7 партий:

- либеральная партия Э. Макрона **Вперед Республика! (ВР)**, основанная им в апреле 2016 г. и являющаяся членом европартии «Альянс либералов и демократов за Европу» [1, с. 48]. Ее фракция насчитывала 267 депутатов;
- оппозиционная консервативная партия **Республиканцы** во главе с депутатом НС К. Жакобом, являющаяся членом Европейской народной партии [1, с. 29]. Имела фракцию в составе 101 депутата;
- центристская партия **Демократическое движение (Модем)** депутата НС Ф. Байру, поддерживающая Макрона и являющаяся членом «Европейской демократической партии» (ЕДП) [1, с. 95]. 57 депутатов;
- оппозиционная левоцентристская **Французская социалистическая партия (ФСП)**, во главе с депутатом НС О. Фором, являющаяся членом «Партии европейских социалистов» [1, с. 38]. 28 депутатов;
- центристская партия **Действовать, конструктивные правые (ДКП)** во главе с Ф. Риестером, министром-делегатом при министре Европы и иностранных дел, поддерживающая Макрона. 22 депутата;
- оппозиционная центристская партия **Союз демократов и независимых (СДН)**, во главе с депутатом НС Ж.-К. Лагардом, являющаяся членом ЕДП [1, с. 95]. 19 депутатов;
- оппозиционная леворадикальная и популистская партия **Непокоренная Франция (НпФ)**, во главе с депутатом НС Ж.-Л. Меланшоном, является членом «Партии европейских левых» (статус наблюдателя) и европартии «Теперь народ» [1, с. 80, 115]. Имела 17 депутатов.

Франция – президентско-парламентская республика, президент избирается раз в 5 лет всенародным голосованием с правом переизбрания еще один раз. Он является главой государства, верховным главнокомандующим, назначает премьер-министра и по его представлению утверждает членов правительства, председательствует на заседаниях правительства и может после консультации с премьером и председателями палат объявить о роспуске НС.

¹ Welcome to the French Senate – Sénat. URL: www.senat.fr (дата обращения: 20.07.2022).

Нынешний президент Эммануэль Макрон (лидер партии «Ренессанс», до 05.05.2022 г. ВР!) был переизбран 24.04.2022 г., набрав во втором туре 58,5% голосов и опередив лидера «Национального объединения» М. Ле Пен [2].

Социально-экономическая ситуация в стране накануне выборов. Когда в 2017 г. Макрон был избран президентом, Франция была не в лучшем экономическом состоянии, отмечался высокий уровень социальной напряженности, включавший в себя негативное отношение граждан к представителям политической элиты. Поэтому одной из первых реформ стал запрет членам правительства, депутатам и должностным лицам всех уровней нанимать на работу своих родственников и ограничение уровня служебных и представительских расходов.

При поддержке фракций «Вперед Республика!» и «Модем», имевших абсолютное большинство в НС, Макрон приступил к модернизации экономики за счет поощрения предпринимательской активности, снижения налогов на компании и капитал, выделения субсидий для инновационных стартапов и ограничения влияния профсоюзов на трудовые отношения. Главой правительства Макрон назначил Э. Филиппа², который начинал политическую карьеру в ФСП (1990-2002 гг.), но потом сменил ее на консервативный «Союз за народное движение» Н. Саркози, преобразованный в 2015 году в партию «Республиканцы».

Особое внимание Макрон и его правительство уделили поддержке цифровой отрасли экономики, капитализация которой за 3 года (2017 – 2019 гг.) выросла с 53,9 млрд до 153 млрд евро за счет принятия специальных госпрограмм. Другой приоритет – реформа компаний с госучастием, имевших низкую эффективность из-за раздутых управленческих штатов и чрезмерные льготы для сотрудников, особенно высшего руководства. Началась она с Национального общества железных дорог, сотрудников которого лишили статуса госслужащих. В ответ французские железнодорожники провели серию забастовок, и Макрону пришлось пойти на уступки, но все-таки он довел реформу до конца.

Далее планировалась реформа системы социальной защиты за счет изменения порядка назначения пособий по безработице и унификации пенсионной системы. Последнее вызвало негативную реакцию французов, недовольных повышением пенсионного возраста с 60 до 62 лет, проведенным Саркози в 2010 г. Кроме того, с 2012 г. пенсии фактически не повышались. Эта реформа вызвала мощные протесты и правительству пришлось её отложить. Разрыв между ожиданиями и отсутствием реальных улучшений в жизни рядовых граждан продолжал расти, что в дальнейшем и привело к неудачам пропрезидентской партии ВР! на муниципальных выборах 2020 г. и департаментских и региональных выборах 2021 г. [3, с. 23].

Тем временем, в октябре 2018 г. Францию потрясли акции «желтых жилетов», объединивших представителей разных социальных групп, включая пенсионеров. Эти акции едва не зачеркнули все ключевые реформы президента и правительства, которым пришлось снизить налоговую нагрузку на граждан и усилить поддержку малообеспеченных слоев населения.

Рейтинг Макрона снизился до 24-25%, поэтому в январе 2019 г. он обратился к французам с предложением провести открытые дебаты по 35 вопросам,

² Emmanuel Macron picks centre-right Édouard Philippe as PM // The Guardian. 15 May 2017. URL: <https://u.to/swlFHA> (last request: 20.07.2022).

включая налоговую и пенсионную реформы, реорганизацию госинститутов, миграционную проблему и пр.³ Президент принял в них участие, выслушав немало критики и требования об отставке, но – в итоге это положительно отразилось на его рейтинге. Кроме того, правительство Филиппа выплатило специальную премию в 1000 евро тем, кто получал в месяц менее 3х минимальных зарплат, проиндексировало пенсии, а также повысило размер пособий для малоимущих. В 2021 г. дважды повышалась минимальная зарплата, достигшая 1258 евро. И хотя протесты «желтых жилетов» продолжились, они потеряли массовую поддержку.

Но ситуация в стране оставалась напряженной. В 2017 г. рост ВВП составил 2,3%, в 2018 г. он упал до 1,9%, а в 2019 г. – до 1,8%. Начало 2020 года ознаменовалось пандемией коронавируса, что предвещало новые негативные последствия для экономики. Предложенная правительством стратегия борьбы с COVID-19 и его последствиями включала и жесткие меры, приведшие к закрытию отдельных отраслей экономики, и помощь предприятиям, а также поддержку наиболее пострадавших слоев населения⁴. На это в марте-июне 2020 г. было выделено ~21% ВВП, что стало одним из самых высоких показателей в ЕС. К концу 2020 г. французская экономика начала восстанавливаться, правительство Ж. Кастекса (член партии «Республиканцев»), сменившего Э. Филиппа на посту премьера, приступило к реализации Плана восстановления страны на период до 2022 г., на что было выделено 100 млрд евро, в добавок к уже выделенным 470 млрд на поддержку предприятий⁵.

Все это ослабило социальные последствия пандемии и в 2021 г. во Франции выросло число новых предприятий. Но социальная напряженность сохранилась на высоком уровне из-за роста цен на газ, электричество, продукты питания, моторное топливо и пр. Уровень инфляции вырос в 2021 г. до 2,8%. В результате социальные расходы правительства оказались самыми высокими среди стран ОЭСР. В 2019 г. они составляли 31% бюджета, а в 2020 г. – 35,7%. В 2019 г. дефицит бюджета достиг 3,1%, а в 2020 г. – 9,2%. Госдолг за это время возрос с 55 до 115,7% ВВП⁶. Все это серьезно ограничило возможностей Франции на международной арене [4].

В своей предвыборной платформе 2017 г. Макрон обещал изменить систему выборов в НС, чтобы хотя бы часть его депутатов избиралась по пропорциональной системе⁷. Но это обещание он не выполнил.

Позиции основных политических сил Франции накануне выборов.

• Правящая коалиция «Вместе! Президентское большинство»

Важное значение имели результаты президентских выборов, прошедших в апреле 2022 г. В первом туре Макрон победил с результатом 27,84%, немного опередив М. Ле Пен, набравшую 23,15% голосов. Неожиданными стали результаты остальных участников: третье место лидера НпФ Ж.Л. Меланшо-

³ Grand débat national: la lettre aux Français d'Emmanuel Macron // Le Figaro. 14 janvier 2019. URL: <https://u.to/DgpFHA> (last request: 20.07.2022).

⁴ De Guigné A. 424 milliards d'euros, la facture astronomique du Covid-19 pour la France // Le Figaro. 13 avril 2021. URL: <https://u.to/SApFHA> (last request: 20.07.2022).

⁵ Guarions N. Face au Covid, France championne d'Europe des dépenses sociales // Le Figaro. 23.11.2021. URL: <https://u.to/twpFHA> (last request: 20.07.2022).

⁶ Les dépenses sociales représentent 20% du PIB des pays de l'OCDE // Le point sur les dépenses sociales (SOCX). OCDE, Paris, 2020. P. 1-2. URL: <https://u.to/wQpFHA> (last request: 20.07.2022).

⁷ Elections législatives de 2022: quand la proportionnelle se réinvente dans le débat // Midi Libre. 22 Fevrier 2021. URL: <https://u.to/0QpFHA> (last request: 20.07.2022).

на (21,95%) и четвертое место ультраправого популярного журналиста Эрика Земмура, набравшего с первого раза 7,07% голосов. А вот представители еще недавно ведущих французских партий «Республиканцев» (председатель регионального совета Иль-де-Франс В. Пекресс) и «Социалистов» (мэр Парижа А. Идальго), провалили выборы, набрав, соответственно, 4,78 и 1,75%, что стало худшим показателем для этих партий за всю их историю. Слабо выступили представитель партии «Европа. Экология. Зелёные» (ЕЭЗ) депутат Европарламента (ЕП) Я. Жадо, набравший 4,63%, и глава Компартии Франции (КПФ) Ф. Руссель – 2,28% [5].

5 мая 2022 г. ВР! на предвыборном съезде приняла решение о смене названия на «Ренессанс» и объявила о создании предвыборной коалиции «Вместе! Президентское большинство». Её основу составило существующее с конца 2021 г. объединение пропрезидентских партий «Граждане вместе!», включающую, помимо «Ренессанс» и «Модем», партии ДКП, «Территория прогресса» (ТП; министра правительства Филиппа О. Диссон), «Горизонты» (образована 9.10.2021 г. Э. Филиппом), «Общее» (во главе с муниципальным депутатом Ф. Ардуэном) и «Радикальную партию» бывшего мэра Нанси Л. Энара⁸.

В мае 2022 г. Макрон назначил премьером Элизетт Борн, занимавшую различные посты в правительствах Филиппа и Кастекса. Она стала второй женщиной премьером Франции после социалистки Э. Крессон, занимавшей этот пост в 1991-1992 гг.⁹ Борн является членом партии ТП, которая представляет социал-демократическое крыло пропрезидентской коалиции, и выбрав её Макрон хотел привлечь избирателей левого толка, которые не поддерживали леворадикального Меланшона.

Макрон настаивал на образовании единой партии, но Байру и Филипп не поддержали его. Было решено, что «Модем» и «Горизонты» сформируют собственные парламентские группы в новом составе НС, если каждая из партий будет иметь не менее 15 депутатов. В результате от партии «Ренессанс» было выдвинуто 400 кандидатов, от «Модем» – 100 и от «Горизонтов» – 58.

Основу предвыборной программы коалиции «Вместе!», названной Хартия ценностей, составила программа Макрона, с которой он шел на президентские выборы. В ней говорилось, что «Наша республика является гарантом прав и свобод, хранителем общественных интересов, представляющая интересы всех наших территорий, обладающая опытом и способностью выслушивать разные слои общества... Нам нужна современная модель децентрализации в рамках нового партнерства с территориальными органами власти и Европой. Мы, граждане, демократы, республиканцы, твердо верим, что Франция должна продемонстрировать эту свою модель, как пример для Европы и всего мира» (здесь и далее – пер. автора)¹⁰.

• *Новый народный союз экологов и социалистов*

Основным оппонентом коалиции «Вместе!» оказалось не НО М. Ле Пен, а впервые образованный «Новый народный союз экологов и социалистов» (ННСЭС) во главе с Меланшонам, сумевшим объединить НрФ, ФСП, ЕЭЗ и КПФ¹¹. Представители этих партий в первом туре президентских выборов

⁸ Boichot S. Législatives 2022: LREM devient 'Renaissance', sur fond d'accord Ferrand, Bayrou et Philippe // Le Figaro. 5 May 2022. URL: <https://u.to/fr9KHA> (last request: 20.07.2022).

⁹ Elisabeth Borne: New French PM urges girls to pursue their dreams // Right Wire Report. 17 May 2022. URL: <https://u.to/iB9KHA> (last request: 20.07.2022).

¹⁰ Charte des valeurs. URL: <https://ensemblecitoyens.fr> (last request: 20.07.2022).

¹¹ France: leftist alliance ahead of parliamentary elections // Eurotopics. 9 May 2022. URL: <https://u.to/qB9KHA> (last request: 20.07.2022).

2022 г. совместно набрали 30,61% голосов. Все партии нового Союза левых сил накануне выборов занимали разные и по некоторым вопросам даже противоположные позиции, но понимание того, что в одиночку (кроме НпФ) не смогут провести необходимое число своих кандидатов в НС, заставило их объединиться и принять общую предвыборную программу. Она включала 650 предложений, среди которых: повышение минимальной зарплаты до 1500 евро, выход на пенсию в 60 лет, замораживание цен на предметы первой необходимости, запрет ядерной энергетики после 2045 г., создание не менее 1 млн новых рабочих мест, восстановление налога на имущество, право на неисполнение определенных законов и правил Евросоюза, включая соблюдение Пакта стабильности и роста, право на конкуренцию или Общая сельскохозяйственная политика. Представители ФСП и ЕЭЗ заявили, что согласны с неисполнением европейским норм, если это соответствует принципу верховенства права¹².

- *Национальное объединение (НО)*

После очередного поражения на президентских выборах М. Ле Пен решила взять реванш на парламентских выборах и сформировать в НС собственную парламентскую фракцию минимум из 60 депутатов. Она приняла, казалось, парадоксальное решение выдвинуть на первую роль молодого 26-летнего депутата ЕП Ж. Барделла, который в сентябре 2021 г. сменил ее на посту Председателя НО. В начале избирательной кампании Барделла заявил, что: «Голосование еще не закончено, парламентские выборы – это третий тур. Нельзя оставлять всю власть в руках Макрона»¹³.

Руководство НО отказалось от создания коалиции с радикальным Э. Земмуром, партия которого «Отвоевание», созданная в декабре 2021 г. также участвовала в выборах. М. Ле Пен посчитала, что союз с одиозным правым популистом, выступающим с жестких антииммигрантских и националистических позиций, не даст преимущества ни ей, ни ее партии.

В предвыборной программе НО основной акцент был сделан на повышении покупательной способности населения за счет сокращения с 20 до 5,5%, НДС на топливо и электроэнергию, освобождения от подоходного налога лиц моложе 30 лет, снижения стоимости проезда на общественном транспорте на 15%. Партия также предложила снизить возраст выхода на пенсию до 60 лет. Сокращение массовой иммиграции и восстановление порядка по-прежнему остается приоритетом для НО. Для решения этой проблемы партия предлагает депортировать иностранцев, виновных в совершении правонарушений¹⁴.

- *Союз правых и центристов*

Республиканцы, после того как ряд их влиятельных членов перешли к Макрону, решили возобновить коалицию Союз правых и центристов с их давними союзниками СДН Ж.-К. Лагарда и партией «Центристы-Новый центр» (Ц-НЦ) во главе с Президентом совета региона Нормандии Э. Мореном. 7 мая 2022 г. прошел конгресс Республиканцев, на котором было объявлено, что в соответствии с соглашением их партия будет иметь 457 кандидатов, СДН – 59 и Ц-НЦ – 26. Для сохранения партийного единства было предложено всем

¹² Derœux I. & Geoffroy R. Programme de la Nupes aux législatives : les points de convergence et de désaccord entre LFI, EELV, le PS et le PCF // Le Monde. 30 mai 2022. URL: <https://u.to/riFKHA> (last request: 20.07.2022).

¹³ Louet S. & Melander I. No respite for re-elected Macron as parliamentary elections loom // Swissinfo.cn. 25 April 2022. URL: <https://u.to/bjNKHA> (last request: 20.07.2022).

¹⁴ Sénécals C. Législatives 2022: ce que vous devez savoir du programme du RN. 08 Juin 2008 // Challenges. fr. URL: <https://u.to/kzNKHA> (last request: 20.07.2022).

своим кандидатам подписать Хартию независимости, в которой провозглашалось, что Республиканцы отказываются от союза с партией Макрона¹⁵.

• *Партия «Отвоевание» Э. Земмура*

Э. Земмур после неожиданного успеха на президентских выборах решил привести свою партию «Отвоевание» на парламентские выборы. В области внешней политики эта партия выступает за выход Франции из структур НАТО и ее большую самостоятельность по отношению к ЕС. Земмур открыто возложил главную ответственность за нынешнюю конфронтацию между Западом и РФ за НАТО, который стремится «окружить Россию», и раскритиковал западную политику санкций, вводимых против РФ¹⁶.

Итоги выборов. Согласно опросу общественного мнения, проведенному 17-18 июня 2022 г. институтом изучения мнения и маркетинга во Франции и в мире (IFOP), коалиция «Вместе!» могла рассчитывать на 270-300 депутатских мест, ННСЭС – 160-190, НО – 25-45, Республиканцы с их союзниками из СДН и Ц-НЦ – 50-70, остальные левые – 5-10, остальные правые – 6-8, независимые – 5-9¹⁷.

Итоги выборов оказались несколько неожиданными и не вполне соответствовали предвыборным прогнозам. Хотя пропрезидентская коалиция «Вместе!» одержала победу, но она не получила абсолютное большинство в НС, т.к. будет иметь лишь 245 депутатских мест (- 63 по сравнению с предыдущими выборами 2017 г.) (см. табл. 1).

Серьезной проблемой для Макрона стали поражения на этих выборах ряда ведущих персон из его ближайшего окружения: председателя НС Р. Ферран, руководителя парламентской группы ВР! К. Кастанера, бывшего министра внутренних дел и председателя группы Модем П. Миньолы, а также ряда министров, которые должны будут покинуть правительство в соответствии с неписаным правилом.

Теперь в НС президентское большинство будет представлено тремя фракциями: «Ренессанс», «Модем» и «Горизонты», и Макрону предстоит приложить немало усилий, чтобы сохранить их единство и преодолеть сопротивление правой и левой оппозиции при принятии вносимых правительством законов.

Второе место, как и предполагалось, получила коалиция ННСЭС Меланшона, хотя он сам в выборах не участвовал. Имея 131 депутатское место левые могут претендовать лишь на почетное звание главной оппозиционной силы, которое они отобрали у Республиканцев. Скорее всего, представители ННСЭП создадут в парламенте 4 группы: НпФ, ФСП, ЕЭЗ и КПФ. И вероятно между ними возникнет дискуссия о дальнейшем политическом курсе коалиции. Хотя партии, вошедшие в ННСЭС, в ходе его формирования сумели добиться компромисса, когда выборы завершились, вопрос о выработке новой общей повестки дня для левой коалиции может стать весьма актуальным [6].

На третье место вышла правопопулистская партия НО, получившая 89 мандатов и более чем в 10 раз превысила свой результат 2017 г.

¹⁵Élections législatives de 2022: le parti LR lance sa campagne, le député Robin Reda rejoint la majorité présidentielle // Le Monde. 07 mai 2022. URL: <https://u.to/vTNKHA> (last request: 20.07.2022).

¹⁶Eric Zemmour décline ses thèmes de prédilection pour son premier meeting: immigration, sécurité, identité, haine des medias... // Le Monde. 05 décembre 2021. URL: <https://u.to/yDNKHA> (last request: 20.07.2022).

¹⁷Baromètre des élections législatives – Vague 7 // IFOP. Juin 2022. URL: <https://u.to/zjNKHA> (last request: 20.07.2022).

Республиканцы в союзе с СДН откатились на четвертое место и будут иметь лишь 64 депутатских места.

17 мест получили представители разного рода регионалистских и суверенистских партий, которые могут претендовать на создание собственной фракции в НС.

Не смогли провести своих депутатов в количестве, необходимом для создания фракции партия ДКП «Риестера» и партия Земмура «Отвоевание». При этом ни один из 550 кандидатов, выдвинутых от партии Земмура, включая его самого, не прошел во второй тур, что свидетельствует о слабых перспективах этого политического проекта.

Явка во втором туре составила 46,23%, что почти на 4% больше, чем в 2017 г.

Таблица 1

Итоги парламентских выборов во Франции, состоявшихся 19.04.2022 г. и их сравнение с результатами выборов 18.06.2017 г.

№	Политическая партия или коалиция партий	Число голосов (% голосов)		Число депутатов	
		2017	2022	2017	2022
1.	Вместе! (2022)		8,002,418 (38,57%)		245
2.	ВР! (2017)	7,826,432 (43,06%)	–	308	172
3.	Модем	1,100,790 (6,06%)	–	42	43
4.	Горизонты	–	–	–	27
5.	Республиканцы	4,040,016 (22,23%)	1,447,838 (6,98%)	112	61
6.	СДН	551,760 (3,04%)	64,443 (0,31%)	18	3
7.	Остальные правые	306,240 (1,68%)	231,071 (1,11%)	6	10
8.	НО (в 2017 г. Национальный фронт)	1,590,858 (8,75%)	3.589,465 (17,30%)	8	89
9.	ННСЭС	–	6,556,198 (31,60%)	–	131
10.	ФСП	1,032,985 (5,68%)	–	30	26
11.	НпФ	883,786 (4,86%)	–	17	72
12.	КПФ	217,833 (1,20%)	–	10	15
13.	Остальные левые	348,344 (2,60%)	443.228 (1,97%)	15	21
14.	ЕЭЗ	23,197 (0,13%)	–	1	23
15.	Регионалисты и суверенисты	–	446.101 (2,16%)	–	17
	ИТОГО	18,176,660 (100%)	20,747,470 (100%)	577	577

Источник: Официальные данные Министерства внутренних дел Франции¹⁸.

¹⁸Résultats des élections législatives 2017 // French Ministry of Internal Affairs. Juin 2017. URL: <https://u.to/EzVKHA>; Résultats des élections législatives 2022 // French Ministry of Internal Affairs. Juillet 2022. URL: <https://u.to/JDVKHA> (last request: 20.07.2022).

Подводя итоги выборов, научный сотрудник по европейской политике Chatham House Э. Биллон-Галланд заявила, что «Макрон не привык... идти на компромиссы. Ему потребуется много времени и энергии, чтобы обеспечить консенсус при голосовании за его законопроекты, а это свяжет ему руки. За последние пять лет люди почувствовали, что их голоса не слышны в политике. Это разочарование достигло кульминации в 2018 г. с возникновением “желтых жилетов”. Их демонстрации стали признаком разочарования в политике Макрона, ориентированной на поддержку бизнеса и создавшей ему репутацию “президента богатых”. Результаты выборов могут оживить парламентскую демократию и дать избирателям ощущение, что к ним будут прислушиваться. Может теперь политических баталий будут вести не только на улицах, но и в Национальном собрании»¹⁹.

Профессор Университетского колледжа Лондона Ф. Марльер считает, что «при наличии в парламенте крупных оппозиционных групп, расположенных на противоположных сторонах политического спектра, Макрон окажется между молотом и наковальней. Левые будут подталкивать его к инвестициям в зеленую энергетику и преодоление социального неравенства, а ультраправые будут требовать консервативных реформ. Это будет очень шумная толпа в парламенте из представителей шоу-бизнеса, профсоюзных деятелей, антирасистских активистов, а также женщин-законодателей»²⁰.

21.06.2022 г. Э. Макрон начал в Елисейском дворце серию встреч с лидерами основных оппозиционных партий, включая К. Жакоба, О. Форэ и М. Ле Пен. 28 июня, после того, как большинство депутатов определилось со своим будущим, было объявлено о формировании в НС 10 депутатских групп:

1. Возрождение – 172 депутата, руководитель А. Берже;
 2. Национальное объединение – 89 депутатов, руководитель М. Ле Пен;
 3. Непокоренная Франция–ННСЭС – 75 депутатов, руководитель М. Панот;
 4. Республиканцы – 62 депутата, руководитель О. Марле;
 5. Демократы (Модем и независимые) – 48 депутатов, руководитель Ж.П. Матей;
 6. Социалисты и их союзники-ННСЭС – 31 депутат, Б. Валло;
 7. Горизонты и их союзники – 30 депутатов, руководитель Л. Марканджели;
 8. Экологи–ННСЭС – 23 депутата, руководитель Ж. Байо;
 9. Демократические и республиканские левые-ННСЭС – 22 депутата, руководитель А. Шассень;
 10. Свободные, независимые, представители заморских и других территорий – 16 депутатов, Б. Панчер.
- 9 депутатов НС не вошли ни в одну из групп и остались независимыми²¹.

Влияние итогов выборов на российско-французские отношения. Избрание Макрона в 2017 г. президентом Франции вселило надежду на существенное улучшение российско-французских отношений после Президентства социалиста Ф. Олланде (2012–2017 гг.), которое было одним из самых трудных периодов в отношениях между Москвой и Парижем в основном из-за сирийского и украинского кризисов [7].

¹⁹Barry E. Macron Wants to Lead Europe. Now, He Must Focus on France // Time. 21 June 2022. URL: <https://u.to/RTVKHA> (last request: 20.07.2022).

²⁰Там же.

²¹Répartition des groupes politiques dans l'hémicycle // Assemblée nationale. 6 juillet 2022. URL: <https://u.to/pTZKHA> (last request: 20.07.2022).

Приход Макрона дал шанс сторонам пересмотреть сложившуюся ситуацию благодаря тому, что он проявил готовность обсуждать любые острые проблемы, включая перспективы разрешения украинского кризиса, который приобретал все более глубокий и затяжной характер. Хотя нельзя не отметить, что в ходе выборов Макрон сделал ряд противоречивых заявлений. С одной стороны он выступил за продолжение диалога с РФ, как одной из самых важных партнеров ЕС, а с другой отметил, что Россия продолжает вести «опасную внешнюю политику» и не разделяет основные европейские ценности [8].

В конечном итоге Макрон, вступив в должность 14.05.2017 г., направил президенту РФ В. Путину приглашение посетить Францию. 29 мая Путин стал первым иностранным лидером, который был принят в Париже. Этим Макрон попытался показать, что при нем Франция намерена проводить независимую внешнюю политику, включая возобновление диалога с РФ. В ряде последующих выступлений он объяснил это тем, что формирование новой биполярности в лице США и Китай не отвечает интересам его страны, которая не будет вверять свою безопасность блоку НАТО во главе с США. По мнению Макрона обеспечить европейскую безопасность без РФ невозможно, поэтому Евросоюз должен реформировать политику обороны и безопасности, чтобы привлечь к участию в ней РФ с учетом ее интересов, но при условии, что Россия будет вести себя более «ответственно»²².

Контакты между лидерами двух стран играли важную роль в развитие российско-французских отношений. Кроме того, сохранялось взаимодействие, как по линии Министерств иностранных дел, так и на уровне парламентов²³. В 2019 г. французское руководство поддержало предложение вернуть делегации РФ в ПАСЕ, а в 2021 г. выступило в поддержку предложения Германии пригласить Путина на саммит ЕС.

После избрания Макрона сотрудничество между РФ и Францией в таких областях как: борьба с терроризмом, научные и культурные связи и экономическое сотрудничество, интенсифицировались. В 2018 г. по линии МИДов двух стран была создана Рабочая группа по борьбе с новыми вызовами и угрозами; восстановили работу Совет по вопросам безопасности и российско-французский Совет по экономическому, финансовому, промышленному и торговому сотрудничеству²⁴, в рамках межведомственного стратегического диалога начались консультации по проблемам кибербезопасности.

Что касается объема товарооборота между двумя странами, то за 2017–2021 гг. он заметно колебался, но к 2021 г. вырос почти на 21,5% по отношению к 2017 г. (см. табл. 2).

Основу французского экспорта в РФ составляла продукция авиакосмической и химико-фармацевтической отраслей, машины и оборудование, косметика и бытовая химия. Российский импорт во Францию традиционно был представлен углеводородами²⁵.

²² Macron veut un “aggiornamento complet” de la relation UE–Russie // Reuters. August 30, 2018. URL: <https://u.to/3DZKHA> (last request: 20.07.2022).

²³ Косачев К. И. Россия – Франция: парламентский взгляд в будущее / Совет Федерации : блоги сенаторов. 26.02.2016. URL: <https://u.to/HTdKHA> (дата обращения: 20.07.2022).

²⁴ О заседании российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности с участием министров иностранных дел и обороны // МИД России. 12.11.2021. URL: <https://u.to/JzdKHA> (дата обращения: 20.07.2022).

²⁵ Relations économiques France – Russie // Ministère de l'Économie. 11.03.2021. URL: <https://u.to/XjtKHA> (last request: 20.07.2022).

Таблица 2

Товарооборот между Россией и Францией в 2017–2021 гг. (млн евро)²⁶

Товарооборот/год	2017	2018	2019	2020	2021
Экспорт Франции	5,560	5,317	5,606	5,155	6,431
Экспорт России	7,694	10,009	8,714	5,710	9,678
Общий объем	13,254	15,326	14,320	10,865	16,109

Большое значение играло научно-культурное сотрудничество между странами, заметный импульс которому придал визит В. Путина во Францию в мае 2017 г. по случаю празднования 300-летия установления дипломатических отношений. По его итогам был запущен проект «Трианонский диалог», который должен был усилить российско-французские культурные и общественные контакты²⁷. В научной сфере успешно развивалось сотрудничество в области ядерной энергетики и космических технологиях.

Большой вклад российско-французское сотрудничество внесло в урегулирование разных региональных конфликтов: иранского, ливийского, нагорно-карабахского и др., а также в обеспечении контроля над вооружениями. Руководители обеих стран подчеркивали приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия, поддерживали вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и Договора о запрете производства расщепляющихся материалов²⁸. В 2019 г. в ответ на односторонний выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности Макрон заявил, что это угрожает европейской безопасности, т.к. разрушает механизмы контроля над вооружениями и может привести к зеркальному ответу со стороны РФ²⁹.

Тем не менее, противоречия в отношениях РФ и Франции, существовавшие последние годы и связанные в основном с украинским кризисом, особенно обострились после начала 24.02.2022 г. специальной военной операции (СВО) РФ на территории Украины. При этом Макрон приложил немало усилий для урегулирования этого конфликта: использовал переговоры «нормандской четверки» 9.12.2019 г. в Париже, чтобы склонить Киев к выполнению Минских соглашений; выступил против привлечения к этим переговорам США; отказался включить вопрос о Крыме в повестку «нормандской встречи» и т.д. Вплоть до 7.02.2022 г. французский президент продолжал попытки лично урегулировать украинский кризис, осуществив визит сначала в Москву для встречи с Путиным, а потом в Киев.

Но после начала СВО Франция осудила ее и поддержала украинские власти. Затем Париж присоединился к экономическим санкциям ЕС против РФ и стал оказывать Киеву военную и финансовую помощь. При этом Макрон, один из немногих мировых лидеров, сохранил прямой контакт с Путиным

²⁶Le chiffre du commerce extérieur / La Direction générale des Douanes et des Droits Indirects. URL: <https://u.to/TztKHA> (last request: 20.07.2022).

²⁷Трианонский диалог. URL: <https://dialogue-trianon.ru/> (дата обращения: 20.07.2022).

²⁸Совместное заявление Великобритании, Китая, РФ, США и Франции // МИД России. 29 октября 2018. URL: <https://u.to/fztKHA> (дата обращения: 20.07.2022).

²⁹Macron veut que les Européens soient associés au traité sur les forces nucléaires // Le Figaro. 28.11.2019. URL: <https://u.to/hDtKHA> (last request: 20.07.2022).

и приложил немало усилий для того, чтобы не допустить расширение конфликта и убедить его участников вернуться за стол переговоров.

По итогам парламентских выборов во французском парламенте сформировались две влиятельные группы, – НО и НпФ, – которые известны своим положительным отношением к РФ. И хотя они находятся в меньшинстве, а правящая коалиция поддерживает Макрона, можно предположить, что во французском парламенте будет слышан голос и тех, и других. Макрону придется найти баланс между силами, призывающими пересмотреть санкции против Москвы и восстановить диалог с Кремлем, и теми, кто требует сохранить курс, направленный на политическую и военную поддержку Киева. Но в любом случае дальнейшее развитие российско-французских отношений будет однозначно зависит от того, как завершится горячая стадия конфликта на Украине.

Библиографический список

1. *Гуселетов, Б. П.* *Общеввропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы.* Москва : ИЕ РАН, 2022. 196 с. DOI [10.15211/report2022_388](https://doi.org/10.15211/report2022_388). EDN [jMTRKQ](https://www.edn.ru/jMTRKQ).
2. *Кудрявцев, А. К., Тимофеев, П. П.* Итоги президентских выборов во Франции: переизбрание с пресным послевкусием : актуальные комментарии // ИМЭМО РАН. 29 апреля 2022. URL: <https://u.to/9j5KHA> (дата обращения: 20.07.2022).
3. Современная Франция: между тревогами и надеждами / В. Г. Барановский, А. В. Жидкова, К. П. Зуева [и др.]. Москва : ИМЭМО РАН, 2022. 256 с. DOI [10.20542/978-5-9535-0605-2](https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0605-2). EDN [WUIZML](https://www.edn.ru/WUIZML).
4. *Чернега, В. Н.* Франция перед президентскими выборами 2022 года // Международная жизнь. 2022. № 3. С. 68-81. EDN [HOEkDM](https://www.edn.ru/HOEkDM).
5. *Рубинский, Ю. И., Федоров, С. М.* Первый тур президентских выборов во Франции: итоги, комментарии и прогнозы // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. Выпуск II, № 282. Аналитическая записка №15.
6. *Муравьев, Ю. А., Болдырев, М. О.* Франция: итоги парламентских выборов 2022 г. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 3(27). С. 46-54. DOI [10.15211/vestnikieran320224654](https://doi.org/10.15211/vestnikieran320224654). EDN [LYKUTL](https://www.edn.ru/LYKUTL).
7. Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века : сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (Москва, 07 декабря 2015 г.). Отв. ред. А. В. Кузнецов [и др.]. Москва : ИМЭМО РАН, 2016. 285 с. ISBN 978-5-9535-0460-7. EDN [VZIVUT](https://www.edn.ru/VZIVUT).
8. Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути : Сборник по материалам II Всероссийской научной конференции франковедов (Москва, 13 октября 2017 г.). Москва : ИМЭМО РАН, 2018. 206 с. ISBN 978-5-9535-0525-3. EDN [YVDPDL](https://www.edn.ru/YVDPDL).

Дата поступления в редакцию: 13.07.2022.

Принята к печати: 16.08.2022.

Сведения об авторе:

Борис Павлович Гуселетов, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН. Москва, Россия.

e-mail: bguseletov@mail.ru

Author ID РИИЦ: 899947

ORCID: 0000-0001-6256-5013

ResearcherID (Web of Science): R-4354-2018

Scopus: ID 57202470741

B. P. Guseletov^{1,2}

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

² Institute of Europe RAS.
Moscow, Russia.

RESULTS OF THE PARLIAMENTARY ELECTIONS IN FRANCE AND THEIR IMPACT ON RUSSIAN-FRENCH RELATIONS

Abstract. The article examines the results of the parliamentary elections in France held on June 12 and 19, 2022. The results of the leading political parties in the elections of 2017 and 2022 are compared, and all these parties that were represented in parliament in the period from 2017 to 2022 are characterized. The results of the activities of the French government, formed by President and Leader of party Republic on the March! E. Macron following the results of the 2018 elections. The reasons for maintaining the rating of this government and its influence on the course of the election campaign are revealed. It is considered how the coronavirus pandemic and the government's actions to overcome its consequences affected the course and results of the election campaign. The assessment of the activities of the main opposition parties of this country is given. The course of the election campaign and its main topics, as well as the positions of political parties and coalitions that were elected to parliament following these elections are considered: the coalition Together (For a President Majority), led by the Chairman of the National Assembly R. Ferrand, uniting the Renaissance, Democratic Movement and Horizon parties, the New People's Ecological and Social Union coalition (NPESU) led by the leader of the Unconquered France party J.-L. Melenchon, which also united the socialist and communist parties, and the Europe, Ecology, Greens party, the National Unification Party of Marine Le Pen, which was headed on the eve of the elections by MEP J. Bordella, and the coalition of the Union of the Right and Centrists led by the leader of the Republicans Party, C. Jacob, which also included the Union of Democrats and Independents party. The positions of these parties are presented. The state of Russian-French relations is analyzed and a forecast is given of how the election results will affect relations between RF and France.

Keywords: elections, parliament, political parties, government, France, Russia.

For citation: Guseletov B. P. (2022) *Results of the Parliamentary Elections in France and their impact on Russian-French Relations. Science. Culture. Society. Vol. 28. No 3. Pp. 8-21. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.1*

References

1. Guseletov, B. P. (2022) *Trans European Political Parties in XXI Century: Formation, Development and Prospects*. Moscow, IE RAS. 196 p. DOI [10.15211/report22022_388](https://doi.org/10.15211/report22022_388) (in Russ.).
2. Kudriavtsev, A.K., Timofeev, P.P. (2022) *The results of the French presidential election: re-election: re-election with a bland aftertaste*. IMEMO RAS. April 29, 2022. URL: <https://u.to/9j5KHA> (last request: 20.04.2022) (in Russ.).
3. Baranovskii, V. G., Zhidkova, A. V., Zueva, K. P. [et al] (2022) *Contemporary France: between worries and hopes*. Moscow, IMEMO RAS. 256 p. DOI [10.20542/978-5-9535-0605-2](https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0605-2) (in Russ.).
4. Chernega, V. N. (2022) France before the presidential elections of 2022. *The International Affairs*. No. 3. Pp. 68-81 (in Russ.).
5. Rubinsky, Yu. I., Fedorov, S. M. (2022) The first round of the presidential elections in France: results, comments and forecasts. *Analytical papers of IE RAS*. Issue II. No. 282. Analytical note No. 15 (in Russ.).
6. Muravev, Yu. A., Boldyrev, M. O. (2022) France 2022: parliamentary elections outcome. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. No. 3(27). Pp. 46-54. DOI [10.15211/vestnikieran320224654](https://doi.org/10.15211/vestnikieran320224654) (in Russ.).

7. Kuznetsov, A. V. [et al] (ed) (2016) *France on the Eve of Changes: Economy and Politics at the Beginning of XXI Century*. A collection of articles on the results of the All-Russian Scientific Conference (Moscow, December 07, 2015). Moscow, IMEMO RAS. 285 p. ISBN 978-5-9535-0460-7 (in Russ.).

8. *France under president Emmanuel Macron: at the starting point*. A compendium of materials of the II All-Russian scientific conference of experts in France studies (Moscow, October 13, 2017). Moscow, IMEMO RAS, 2018. 206 p. ISBN 978-5-9535-0525-3 (in Russ.).

The article was submitted on July 13, 2022.

Accepted on August 16, 2022.

Information about the author:

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Sciences, Main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Leading researcher,
Institute of Europe RAS. Moscow, Russia.
e-mail: bguseletov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6256-5013
ResearcherID (Web of Science): R-4354-2018
Scopus: ID 57202470741

DOI [10.19181/nko.2022.28.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.2)

EDN [VBIANK](https://vbiank.ru)

УДК 323.1; 327.8

А. П. Дибирова¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Владикавказ, Россия.

МНЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СКФО О ВОЗМОЖНОМ ФИНАНСОВОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЛИЯНИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И СОЦИАЛЬНУЮ ОБСТАНОВКУ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. В северокавказском обществе есть понимание того, что правительства иностранных государств могут ставить своей целью дестабилизацию политической ситуации в России, ослабление ее влияния на международной арене. Инструментом к этому могут быть избраны неформальные организации и группировки религиозного толка. Согласно данным проведенного исследования, подобные действия приведут к распаду нашего государства, захвату его ресурсов и территории. Абсолютное большинство респондентов республик СКФО не верят в утверждение о том, что иностранные правительства, финансирующие неформальные организации и группировки в их регионе, хотят помочь установлению там демократических ценностей. Среди противников этого утверждения больше единомышленников, чем среди сторонников. Свое твердое несогласие с данным утверждением респонденты выразили в преобладании решительных ответов «не согласен» над уклончивыми «скорее, не согласен». Напротив, их твердое согласие с утверждением о негативных последствиях для России финансового вмешательства иностранных государств в деятельность неформальных группировок выразилось в преобладании ответов «согласен» над «скорее, согласен».

Ключевые слова: Северный Кавказ, полиэтничность, поликонфессиональность, экономическая дестабилизация, политическая дестабилизация, рабочие места, ваххабизм, сепаратизм, неформальные организации, захват ресурсов, некоммерческие объединения, идеологическая борьба.

Для цитирования: Дибирова А.П. Мнение жителей СКФО о возможном финансовом и политическом влиянии иностранных государств на политическую и социальную обстановку в Северокавказском регионе // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 22-35. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.2. EDN VBIANK

Введение. С периода распада Советского Союза Северный Кавказ превратился в самый сложный регион Российской Федерации. Переплетение множества этносов, исповедующих все мировые религии, переизбыток молодого населения при недостатке рабочих мест, стагнация экономики, территориальные притязания соседствующих субъектов – все эти факторы способствовали возникновению нестабильной ситуации в регионе, приводящей к политическим и этнорелигиозным конфликтам, включая крайнюю их форму – терроризм. В условиях невозможности иного сопротивления из-за отсутствия сформированных классов, обнищания народных масс и потери нравственных ориентиров терроризм стал выступать как вид сопротивления несогласных с политическими решениями властей.

Данная ситуация не могла не привести к возникновению и развитию террористических групп и организаций (например, таких как «Имарат Кавказ»), конечной целью которых являлось создание собственного исламского госу-

дарства на всей территории Северного Кавказа с выходом на международную арену [1, с. 26].

Ряд авторов считает, что Северный Кавказ стал зоной интересов мусульманских иностранных государств. Причиной тому послужили следующие обстоятельства:

- ослабление внимания федерального центра к регионам и отсутствие программы развития Северокавказского региона [2];
- неприязнь русскоязычного населения РФ к «лицам кавказской национальности» [3, с. 65];
- высокий уровень эмиграции кавказцев в другие регионы России и за границу, активное присутствие религии в их повседневной жизни [1];
- обременительность псевдонациональных обычаев, разочарование в духовных учителях традиционного ислама [4, с. 44-46; 5].

По мнению М. В. Ремизова, «особенный интерес к Кавказу проявляет Турция, где в среде элит распространена поддержка пантюркистского проекта, целью которого является объединение всех территорий, где население говорит на тюркских языках. Аппетиты Турции распространяются на российские Северный Кавказ, Алтай и Сибирь» [2]. По замечанию М. Ю. Щеглова, инвазии Турции в мусульманские регионы России способствует режим благоприятствования со стороны правительственных кругов российских регионов и представителей строительного бизнеса, открывающих настежь ворота в российскую экономику для притока рабочей силы и инвестиций в строительный бизнес из Турецкой Республики¹.

В свою очередь, А. В. Кудрявцев считает, что «кроме Турции, Северным Кавказом интересуется Саудовская Аравия. Значительную роль в распространении идей исламского терроризма играли интенсивные контакты жителей республик во время паломничества к святым местам и обучения молодых кавказцев в исламских центрах Ближнего Востока и Северной Африки» [6].

В 1995 году власти Дагестана приняли жесткие меры против распространения ваххабизма в республике. Общины ваххабитов в Махачкале, Кизилюртовском, Хасавюртовском, Казбековском, Буйнакском, Гунибском районах проверялись на предмет наличия оружия и арабских наемников. Эти меры сопровождались изгнанием из республики иностранцев, подозревавшихся в распространении «ваххабитских» идей². Ваххабиты имели собственные мечети, около двух десятков медресе и свое издательство. В Кизилюрте действовала станция спутниковой связи, позволявшая поддерживать постоянный контакт с зарубежными и местными реакционными центрами³.

А. В. Кудрявцев предположил, что любая региональная стратегия Турции или Саудовской Аравии, скорее всего, является частью долговременного плана действий США. Все движения сепаратизма внутри России вполне вписываются в стратегию ее дальнейшего окружения кольцом недружественных стран. Также предлагался план раздела России между Польшей, Турцией и Японией.

¹ Щеглов М. Турция союзник или оппонент России? Взгляд из Казани // Агентство политических новостей. 23 мая 2022. URL: https://u.to/_E1KHA (дата обращения: 16.07.2022).

² Источник: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: бюллетень / Институт этнологии и антропологии РАН. май 1997. № 2(13). С. 29. Цит. по: Миронов К. А. Геополитическое значение Северного Кавказа для Российской Федерации // Центр стратегических оценок и прогнозов. 14.11.2014. URL: <https://u.to/QUpKHA> (дата обращения: 16.07.2022).

³ Стародубовская И. В. Как искоренить террор в Дагестане // Новое дело. № 18 от 08.05.2014. URL: <https://u.to/oUpKHA> (дата обращения: 16.07.2022).

Если подобная стратегия увенчается успехом, то центр силы, которым является Россия в рамках многополярного мира, будет уничтожен. Вполне вероятно, что осуществление этих планов начнется с Кавказа.

В экономической сфере перед федеральным центром в отношении Северного Кавказа также имеются проблемы. Десятилетний опыт дотаций не дал положительного результата. Вместо построения сильной экономики в республиках процветает финансовая зависимость от центра. Ярким примером тому является Ингушетия, доходы которой на 90% состоят из дотаций⁴.

Приведенные источники показывают, что внутренние силы сопротивления официальным властям при поддержке дестабилизирующих факторов извне ставят своей целью выведение Северного Кавказа из-под российского влияния, дестабилизацию политической ситуации в России, в конечном итоге, ослабление ее влияния на международной арене и захват природных и территориальных ресурсов.

Северокавказский регион крайне важен для РФ. Через него Москва проецирует свое геополитическое влияние на Ближний Восток, может стать арбитром в разрешении конфликтов в Закавказье, влиять на энергетическую политику стран Каспийского бассейна, вести борьбу с терроризмом совместно со странами СНГ. Однако удержание данной территории сопряжено с большими трудностями. Останется ли Северный Кавказ в составе России в будущем, зависит от действий нашего руководства сейчас. В этом контексте опорой может служить основные постулаты «Стратегии национальной безопасности»⁵ и тысячелетний опыт взаимодействия народов России, их интеграции в общем политическом, экономическом и культурном пространстве.

Уже в течение ряда лет в нашем регионе, несмотря на наличие экономических проблем, держится относительная политическая стабильность. Но события двадцатилетней давности, а именно, каскады терактов, захват заложников в РСО-А, инвазия иностранных наемников в Дагестан с территории Чечни еще свежи в народной памяти. При данных условиях **целью нашего** исследования является выявление мнения населения республик Северного Кавказа о возможном влиянии правительств иностранных государств на неформальные религиозные организации и группировки и степени опасности этого.

Далее, в некоторых проведенных нами исследованиях не выявлено взаимосвязи между количественными данными массового и экспертного опросов и их вероисповеданием [7, с. 60; 8, с. 43]. В других наших исследованиях такая закономерность обнаружена [9]. Поэтому второй **целью** настоящей работы является выявление корреляции между количественными данными массового опроса и характером высказываний экспертов и их религиозной принадлежностью.

Объектом исследования являются жители республик СКФО Чечни (ЧР), Ингушетии (РИ), Дагестана (РД), Кабардино-Балкарии (КБР), Карачаево-Черкесии (КЧР), исповедующие ислам суннитского толка, и население Северной Осетии (РСО-А) и русские и русскоязычные респонденты, поименованные как

⁴ Коннов М. Высокогорный бюджет. Северному Кавказу решили дать еще больше денег. Почему все прошлые планы его развития не сработали? // Lenta.ru. 12 мая 2021. URL: <https://u.to/wUpKHA> (дата обращения: 16.07.2022).

⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 // КонсультантПлюс. URL: <https://u.to/7EpKHA> (дата обращения: 16.07.2022).

православные христиане. Титульные этносы в Дагестане представлены аварцами, даргинцами, кумыками, лезгинами, лакцами, табасаранцами, ногайцами, рутульцами, агулами и цахурами, объединенными в группу «народы Дагестана». Они составили 86,0% от числа респондентов РД. В РИ 77,2% опрошенных отнесли себя к ингушам. В КБР 55,3% отнесли себя к кабардинцам и 11,6% – к балкарцам. В КЧР опрошены 38,5% карачаевцев и 11,2% черкесов. 62,6% респондентов РСО–А назвали себя осетинами. В ЧР доля чеченцев составила 93,4%. Респонденты, назвавшие себя русскими или представителями других некавказских этносов, объединены в группу «русские и русскоязычные», которая составила 14,0% в РД; 22,8% в РИ; 33,1% в КБР; 50,3% в КЧР; 37,4% в РСО–А; 6,6% в ЧР; в среднем по всем республикам – 27,4%.

Методика исследования. Настоящая статья является обобщением части научной работы, проведенной Центром исследования приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН в начале 2020 года⁶. В опросе приняли участие 1200 респондентов (по 200 в каждой республике) и 50 экспертов (журналистов, ученых, чиновников, членов политических партий, работников культуры). Количественные данные массового опроса подверглись обработке путем частотного и сопряженного анализа, а также с помощью процедур факторного и кластерного видов анализа с целью выявления устойчиво взаимосвязанных групп переменных. Данные массового опроса подверглись статистической обработке с вычислением среднего квадратичного отклонения и коэффициента вариации, позволяющих судить о неоднородности переменных – значительной разности данных в зависимости от места проведения опроса и национальной принадлежности его участников.

Для проведения экспертного опроса была разработана анкета (гайд), предполагающая формализованные (закрытые и полукрытые) и неформализованные (открытые) варианты ответов. Гайд нацелен на получение более глубокой информации. Он совпадает со структурой анкеты респондентов, но в него включены вопросы, требующие компетенции эксперта.

Качественные данные экспертного опроса подверглись контент-анализу. Это позволило сравнить полученные в отдельных субъектах РФ (национальных республиках) данные, а также определить их распределение в каждом субъекте/республике. Основной аспект этого подхода состоит в использовании принципов сравнительного анализа, согласно которому поведение людей рассматривается и объясняется через доминирующие в той или иной культуре стереотипы и правила. Методически это обеспечивается за счет комплексного использования массового опроса населения, опроса экспертов, контент-анализа местных СМИ.

В качестве **задачи** исследования был выдвинут следующий тезис: Организацию и финансирование неформальных группировок и организаций зачастую осуществляют иностранные правительства. Как Вы думаете, чем это объясняется? Насколько Вы согласны с утверждениями, что:

- утверждение № 1: «Иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации, стремятся к установлению демократических ценностей во всех странах. Они не преследуют никаких корыстных целей, только выполняют свой моральный долг»;

⁶ В связи с пандемией проведение опросов и, как следствие, обобщение материалов было растянуто во времени. Ценность опроса этого периода повышается за счет отсутствия в ответах респондентов излишней эмоциональной оценки в связи с затянувшейся пандемией или событиями настоящего времени.

- утверждение № 2: «Иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации на Северном Кавказе, стремятся:
 - а) к политической дестабилизации в России с целью ее ослабления на международной арене;
 - б) к распаду России и захвату ее ресурсов
 - в) к распаду России и захвату ее территории».

В качестве **гипотезы** исследования послужил тезис: в обществе есть понимание того, что Северный Кавказ в силу своего географического положения и этнополитических особенностей является зоной интересов «иных государств». Граждане осознают, насколько опасны для единства страны какие-либо инвазии со стороны правительств этих государств. Большинство жителей Северного Кавказа будут оценивать финансирование извне неформальных организаций и группировок в их регионе как негативное явление. Возможен значительный разброс мнений в зависимости от места проведения опроса, основанный на национальном и историческом «бэкграунде» респондентов, а не на их религиозной принадлежности.

Результаты исследования. Результаты исследования сведены в таблицы 1-4, приведены среднее арифметическое и коэффициент варьирования (V, %) от количества ответов на каждый вариант вопроса.

Участникам массового опроса было предложено ответить на вопросы о возможной поддержке иностранными государствами деятельность неформальных группировок и организаций религиозного толка. Экспертам было предложено дать развернутые ответы по обозначенным в таблицах 1-4 вопросам.

Таблица 1

Насколько Вы согласны с утверждением, что иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации в различных странах, имеют цель – установить там демократические ценности.

Они не преследуют никаких корыстных целей, только выполняют свой моральный долг, (в %)

Варианты ответа	Национальность							Среднее арифметическое	Коэффициент варьирования
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы		
Согласен	4,2	11,9	6,1	10,6	1,8	3,1	8,1	6,5	54,1
Скорее, согласен	6,1	15,6	16,7	3,4	2,4	2,3	4,0	7,2	80,1
Всего согласен	10,3	27,5	22,8	14,0	4,2	5,4	12,1	13,8	58,0
Скорее, не согласен	32,7	20,7	42,4	39,1	20,1	29,5	23,7	29,7	61,2
Не согласен	56,3	48,9	34,8	46,9	73,8	58,1	43,9	51,8	22,2
Всего не согласен	89,0	69,6	77,2	86,0	93,9	87,6	67,6	81,6	11,7
Не знаю	0,8	3,0	0,0	0,0	1,8	7,0	20,2	–	–

В среднем твердых ответов «не согласен» было почти в два раза больше, чем уклончивых «скорее, не согласен». В уклончивых ответах «скорее, не согласен» замечен большой разброс мнений респондентов разных республик ($V=61,2\%$), чем в ответах «не согласен» ($V=22,2\%$). Твердых ответов «не согласен» значительно больше, чем в других республиках, было замечено в Ингушетии (73,8%); менее всего – в Карачаево-Черкесии (34,8%) и Чечне (43,9%). Больше всего уклончивых ответов «скорее, не согласен» дали карачаевцы и черкесы (42,4%) и дагестанцы (39,1%), менее всего – ингуши (20,1%) и чеченцы (23,7%).

Подавляющее большинство респондентов (81,6%) не верят в то, что «иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации, стремятся к установлению демократических ценностей и не преследуют никаких корыстных целей».

«Скорее, не согласны» с данным высказыванием в среднем 29,7% респондентов, а 13,8% респондентов – «согласны» данным тезисом. Высокий коэффициент варьирования (58,0%) показывает большой разброс мнений в случае суммарных ответов «согласен».

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что большинство граждан согласны с указанным в заглавии таблицы тезисом.

Таблица 2

Иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации на Северном Кавказе, стремятся к политической дестабилизации в России с целью ее ослабления на международной арене, (в %)

Варианты ответа	Национальность							Среднее арифметическое	Коэффициент варьирования
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы		
Согласен	49,4	34,1	34,8	34,1	56,1	45,3	25,3	39,9	49,9
Скорее, согласен	30,8	31,1	43,9	21,8	31,7	31,3	33,3	32,0	18,6
Всего согласен	80,2	65,2	78,7	55,9	87,8	76,6	58,6	71,9	15,5
Скорее, не согласен	13,7	13,3	18,2	26,8	6,1	7,0	11,1	13,7	47,7
Не согласен	5,7	15,6	3,0	16,8	4,3	7,8	9,1	8,9	56,0
Всего не согласен	19,4	29,9	21,2	43,6	10,4	14,8	20,2	22,8	44,5
Не знаю	0,4	5,9	0,0	0,6	1,8	8,6	21,2	–	–

В среднем разница в ответах «согласен» и «скорее согласен» была минимальной: 32,0% против 39,9%. В ответах «согласен» было большое разнообразие мнений ($V=49,9\%$). Более всего твердых сторонников того, что «иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации на Северном Кавказе, стремятся к политической дестабилизации России и ее ослабления на международной арене», наблюдалось в Ингушетии (56,1%) и среди русских и русскоязычных респондентов (49,4%), осетин (45,3%). Минимальное количество сторонников «твердого согласия» обнаружено в Чечне (25,3%), Карачаево-Черкесии (34,8%) и Кабардино-Балкарии (34,1%).

Варьирование отрицательных ответов «скорее, не согласен» и «не согласен» от одной республики к другой было высоким (47,7% и 56,0%). Более всего было «не согласных» в Дагестане (16,8%), менее всего – в Карачаево-Черкесии (3,0%) и Ингушетии (4,3%). В уклончивых ответах «скорее согласен» было больше единогласия ($V=18,6\%$). Более всех предпочли этот ответ карачаевцы и черкесы (43,9%), менее всего – дагестанцы (21,8%).

Подавляющее большинство респондентов (71,9%) согласны, что «иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации на Северном Кавказе, стремятся к политической дестабилизации России с целью ослабления ее на международной арене». В этой части опроса граждане были наиболее единодушны, так как коэффициент варьирования был минимальный (15,5%). Ответы респондентов распределились в примерно равных долях между вариантами «согласен» (39,9%) и «скорее, согласен» (32,0%), при этом в части ответов «скорее, согласен» было больше единодушия ($V=18,6\%$), чем вариантов «согласен» ($V=49,9\%$).

В среднем 22,8% были «не согласны» с тем, что «иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации на Северном Кавказе, стремятся к политической дестабилизации в России с целью ее ослабления на международной арене», а 13,7% опрошенных оказались «скорее, не согласными» с данным высказыванием. В ответах респондентов этой части опроса обнаружен большой разброс мнений ($V=47,7\%$).

Подавляющее большинство опрошенных считает, что иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки на Северном Кавказе, ставят своей целью сбой политической стабильности России и ослабление ее влияния на международной арене. Разделяющие это мнение граждане были наиболее единодушны. Респонденты Дагестана более других выразили несогласие с этим тезисом: разрыв между «согласием» (55,9%) и «несогласием» (43,6%) был минимальным. Эти же цифры в опросах других республик СКФО отличаются в несколько раз. В среднем количество ответов «согласен» превышало «скорее, согласен» на 10%. Исключение составили данные Чечни: уклончивых ответов «скорее, согласен» было на 10% больше, чем «согласен». Каждый пятый респондент Чечни не ответил на этот вопрос. В ответах «не согласен» и «скорее, не согласен» такая закономерность не наблюдается.

Из таблицы 3 следует, что подавляющее большинство респондентов (76,0%) убеждены, что правительства иностранных государств, финансирующие неформальные группировки на Северном Кавказе, стремятся к распаду России и захвату ее ресурсов.

В среднем менее трети (29,7%) были «скорее, согласны» с данным высказыванием и менее половины опрошенных (46,3%) были «согласны». Каждый пятый (19,0%) был «не согласен» с выдвинутым утверждением, при этом разброс мнений респондентов оказался велик ($V=54,4\%$). В среднем 13,1% опрошенных оказались «скорее, не согласны» с выдвинутым в данной части опроса утверждением.

Твердых ответов «согласен» (46,3%) было значительно больше, чем «скорее, согласен» (29,7%). Коэффициент варьирования обоих вариантов ответа был умеренным (21,7% и 29,8%). С этим высказыванием более других твердо были согласны половина ингушей (57,5%), осетин (56,6%), русских и русскоязычных респондентов (55,0%); менее всего сторонников этого варианта было в Чечне (27,8%). Ответов «скорее, согласен» более всего наблюдалось в Карачаево-Черкесии (45,5%), менее всего – в Дагестане (12,8%). Твердых

Таблица 3

Иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации на Северном Кавказе, стремятся к распаду России и захвату ее ресурсов, (в %)

Варианты ответа	Национальность							Среднее арифметическое	Коэффициент варьирования
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы		
Согласен	55,0	41,0	40,2	46,4	57,3	56,6	27,8	46,3	21,7
Скорее, согласен	28,2	29,9	45,5	12,8	28,0	31,0	32,3	29,7	29,8
Всего согласен	83,2	70,9	85,7	59,2	85,3	87,6	60,1	76,0	15,1
Скорее, не согласен	12,6	14,2	12,1	28,5	7,3	3,1	14,1	13,1	55,8
Не согласен	3,8	9,7	2,3	11,7	5,5	1,6	6,6	5,9	59,0
Всего не согласен	16,4	23,9	14,4	40,2	12,8	4,7	20,7	19,0	54,4
Не знаю	0,4	5,2	0,0	0,6	1,8	7,8	19,2	–	–

ответов «не согласен» было в два раза меньше, чем «скорее, не согласен» (5,9% против 13,1%). Значительное число «несогласных» и «скорее, несогласных» оказались в Дагестане (11,7% и 28,5%), менее всего – в Осетии (1,6% и 3,1%).

Из таблицы 4 следует, что подавляющее большинство (76,2%) убеждены, что правительства иностранных государств, финансирующие неформальные группировки на Северном Кавказе, стремятся к распаду России и захвату ее территорий. Респонденты в данном ответе на утверждение были наиболее единодушны (V=12,0%).

Таблица 4

Иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации на Северном Кавказе, стремятся к распаду России и захвату ее территории, (в %)

Варианты ответа	Национальность							Среднее арифметическое	Коэффициент варьирования
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы		
Согласен	54,8	45,2	33,3	53,6	59,8	53,9	23,2	46,3	26,7
Скорее, согласен	26,2	25,9	52,3	19,0	23,8	28,1	34,3	29,9	33,6
Всего согласен	81,0	71,1	85,6	72,6	83,6	82,0	57,5	76,2	12,0
Скорее, не согласен	11,8	12,6	12,1	21,2	8,5	9,4	14,6	12,9	30,1
Не согласен	6,5	11,1	2,3	5,6	5,5	1,6	6,6	5,6	51,8
Всего не согласен	18,3	23,7	14,4	26,8	14,0	11,0	21,2	18,5	28,6
Не знаю	0,8	5,2	0,0	0,6	2,4	7,0	21,2	–	–

В среднем 29,9% респондентов были «скорее, согласны» с данным утверждением, 46,3% респондентов были «согласны» с данным утверждением, среди них четверть опрошенных жителей Чечни (23,2%). При этом каждый пятый из них не знал ответа на этот вопрос (21,2%).

Подавляющее большинство участников массового опроса (76,2%) убеждены, что иностранные государства финансируют неформальные группировки на Северном Кавказе и стремятся к захвату территорий РФ. В данном ответе на утверждение они были наиболее единодушны ($V=12,0\%$). При этом более половины респондентов Северной Осетии, Дагестана, Ингушетии, русские и русскоязычные респонденты в этом убеждены твердо. Ответов «согласен» у респондентов этих республик и Кабардино-Балкарии было примерно в два раза больше, чем «скорее, согласен», а у респондентов Карачаево-Черкесии и Чечни, наоборот, на треть больше, чем «согласен».

В высказываниях **экспертов** о целях финансирования иностранными государствами национальных, религиозных, политических группировок и организаций в 20,8% случаев упоминалось «ослабление политической ситуации», в 8,3% – слова «раскол», «развал», «распад», «дестабилизация политической ситуации», в 4,1% – «захват ресурсов», «подрыв власти неугодных режимов», «расшатать территориальную целостность России».

Приведем одно из высказываний экспертного сообщества ЧР, где чаще других говорили о финансировании неформальных организаций с целью «раскола», «развала» России, «дестабилизации ее политической ситуации»:

– *«Скорее всего, им нужен раскол России. Пусть не распадется, но хотя бы ослабнет. Этот однополярный мир кого-то устраивает. Россия все-таки особое государство, а таким оно стало со времен Киевской Руси. Духовность России, по всей видимости, ущемляет самолюбие этих государств. Поэтому, если нравственность, мораль, религия восторжествуют, всей их индустрии потребления придет конец. Нужны все новые и новые жертвы – покупатели. Именно из-за своей нравственности, духовности Россия является для них врагом».*

Эксперты КБР и РСО-А также в 90% своих высказываний упоминали «распад», «захват ресурсов», «хаос, беспорядок», «ослабление ситуации в России», а также «раскол с целью отделения Северного Кавказа от России». Приведем некоторые их высказывания:

– *«Развал России нужен не столько в политических целях, сколько как захват ресурсов, потому что в будущем в перспективе даже пресная вода станет гораздо важнее, чем нефть».*

– *«Это не явление сегодняшнего дня, всегда было так. Сейчас есть возможность вмешательства через неформальные организации и оказать давление на власть российскую, и Запад никогда не откажется. Конечная цель – заставить российскую власть подчиниться воле западных держав и заставить Россию всегда занимать вторые роли, а если получится, то и третьи, и четвертые».*

– *«Я не обладаю информацией по финансированию зарубежными странами и организациям чего-то, или кого-то в КБР. Думаю, что их финансовая база – это скорее средства, которые получены вымогательством. Местные бизнесмены, предприниматели выплачивают дань под угрозой смерти. А государственные и правозащитные структуры, их деятельность не эффективны, закон в нынешней трактовке не дает возможности однозначно наказать за что-то, трактовать как терроризм, рэкет и т.д. Ни судебная власть, ни правовые структуры не состоятельны решать проблемы такого уровня».*

– *«Это происходит с подачи Турции и США».*

– «Объясняется это тем, что единственное, чем можно зацепить население, во что мы верим – в свои религию, национальные ценности, обычаи и традиции. Под этими лозунгами делаются свои дела. Запад предлагает огромные деньги за то, чтобы дестабилизировать обстановку в том или ином регионе. Люди не могут обеспечить себя, своих близких и свое будущее. А них корыстная цель заработать на этом, внести хаос, беспорядок. Конечно, он пойдет туда, где ему дадут тысячу долларов. Зачастую это необразованные люди, которым некуда пойти, а если и есть куда, то они не хотят что-то сделать. Хотя у каждого из них, а в основном они из сел и станиц, есть огороды, какой-то скот, они не хотят этим заниматься. Их привлекают легкие деньги».

– «По тем событиям, которые мы наблюдаем в последнее время, в Ливии, Алжире, Египте, Сирии, на Украине и т.д., я думаю в данном случае Америка в большей степени, да и Англия, хотят удерживать ведущие позиции в мире, подорвать власть неудобных режимов. Об этом много говорят в средствах массовой информации, одни верят в это, другие нет. Может быть, я повторяю то, что говорит официальная пропаганда, думаю, что именно так в большей степени. Думаю, они хотят ослабить Россию, вызвать ее распад. Есть же много планов, чтобы расчленили Россию. Многие даже говорят, что недалеко время, когда России не будет. Я в это не верю. Думаю, население об этом не думает даже. Страна будет существовать, правильно сейчас Путин меры принимает к тому, чтобы иностранное влияние было как можно меньше внутри страны. Эти меры оправданы. Если судить по «оранжевым» революциям, они ничего хорошего этим странам не принесли. Если у нас такое случится, то Россия распадется».

Мнение эксперта РСО-А: «Идеологическая борьба как была между странами, так и не закончилась. Финансирование идет от всех заинтересованных стран. Особенно на Кавказе это может послужить разжиганию национальной розни».

Среди экспертов Дагестана был велик процент тех, кто воздержался от суждений на эту тему (28,0%). Одновременно в экспертном сообществе РД имелись такие суждения:

– «Предположительно, Саудовская Аравия, а может быть и заинтересованные круги США финансировали наемников, воевавших в Чечне на стороне, противоборствовавшей федералам, вторгшихся на территорию Дагестана. Думается, цель ясна: расшатать территориальную целостность России, создать условия для раскола российского общества по религиозному и национальному признакам».

– «Декларируется и то, что они помогают из соображений близости по национальному или по религиозному признаку. А каковы их истинные цели? Об этом мы можем только догадываться. В Дагестане очень сильно влияние Ирана, Азербайджана, и именно на национальные группы – лезгин, которые живут в Азербайджане и Дагестане и достаточно религиозны. Строятся мечети, которые финансируются Арабскими Эмиратами».

– «В свое время, при Ельцине, много было таких фондов – и христианских, и мусульманских. Это естественно, что они хлынули на огромные просторы России – благодарный рынок. Они пожали богатый урожай».

Эксперты КЧР и РИ также в подавляющем большинстве случаев (84,0%) говорили о целях финансирования экстремистских религиозных организаций:

– «Каждому государству выгодно, чтобы соседнее государство было слабее. Если нет единства народа, то с таким государством легче справиться. В СССР была идеология, общество было едино».

– «Это объясняется стремлением использовать их в качестве легитимной «пятой колонны», они честно отработывают свой долг, игнорируя интересы государства».

Заключение. В представленных в статье результатах опроса респондентам и экспертам предлагалось высказать свою точку зрения на следующие утверждения:

Утверждение № 1: «Иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации, стремятся к установлению демократических ценностей и не преследуют никаких корыстных целей»;

Утверждение № 2: «Иностранные правительства, финансирующие неформальные группировки и организации на Северном Кавказе, стремятся к политической дестабилизации России, ее ослаблению на международной арене (а), распаду и захвату ее ресурсов (б) и территории (в)».

Абсолютное большинство респондентов (81,6%) не верят в утверждение № 1 и в этом они единодушны, в то же время при выражении утвердительных ответов наблюдались большие колебания. Более всего отрицательных ответов на этот тезис было дано в Ингушетии – 93,9% и среди русских и русскоязычных респондентов – 89,0%; менее всего – в Чечне (67,6%) и Кабардино-Балкария (69,6%).

Подавляющее большинство опрошенных (в среднем 71,9%) согласны с утверждением №2 (а). В среднем разница в ответах «согласен» и «скорее, согласен» была минимальной.

Более всего согласных с этой точкой зрения наблюдалось в Республике Ингушетия (87,8%) и в среде русских и русскоязычных респондентов (80,2%), менее всего – в Чеченской Республике (58,6%) и Дагестане (55,9%).

В ответах «согласен», «скорее, не согласен», «не согласен» было большое разнообразие мнений (коэффициент варьирования был высоким). В уклончивых ответах «скорее, согласен» было больше единогласия (коэффициент варьирования был умеренным).

Респонденты Дагестана более других выразили несогласие с этим тезисом: разрыв между «согласием» (55,9%) и «несогласием» (43,6%) был минимальным. Эти же цифры в опросах среди жителей других республик СКФО отличаются в несколько раз. В среднем количество ответов «согласен» превышало «скорее, согласен» на 10%.

В среде респондентов наблюдалось согласие с утверждением № 2 (б, в). Такой вывод представляется справедливым, так как твердых ответов «согласен» было значительно больше (в два раза), чем «скорее, согласен». Коэффициент варьирования в обоих вариантах ответа был умеренным, это говорит об относительном единодушии граждан в этом вопросе. С высказыванием о ресурсах и территориях более других твердо были согласны опрошенные Ингушетии, Северной Осетии и русские и русскоязычные респонденты; менее всего сторонников этого варианта было в Чечне. В отрицательных ответах о ресурсах преобладали уклончивые ответы: «скорее, не согласен», их было в два раза больше, чем «не согласен» (13,1% против 5,9%). В вопросе о территориях, наоборот: в среднем ответов «не согласен» было в два раза больше уклончивых ответов «скорее, не согласен» (12,9% против 5,6%).

Среди респондентов Дагестана нет уверенности в том, что «правительства иностранных государств стремятся к захвату ресурсов». Этот вывод представляется справедливым, так как «согласных» в этой республике было менее всего, а «не согласных» и «скорее, не согласных» было более всего.

Выражая свое несогласие с утверждением № 1 респонденты были в большей мере единодушны, чем в ответах «согласия». Выражая свое согласие с утверждениями 2 (а, б, в), респонденты были в большей мере единодушны, чем в отрицательных ответах.

Самые высокие показатели отрицательных (см. табл. 1) и положительных (см. табл. 2-4) ответов со значительным преобладанием твердых ответов «не согласен/согласен» над уклончивыми «скорее, не согласен/согласен» оказались в Ингушетии. Чеченцы, напротив, не были самыми яркими сторонниками обозначенных точек зрения. Низкие показатели отрицательных (см. табл. 1) и положительных (см. табл. 2-4) ответов в Чечне объясняется в первую очередь тем, что около 20% респондентов не дали ответа на поставленный вопрос – воздержались или не знали, что ответить. Респондентов, не ответивших на поставленные вопросы в других республиках, было пренебрежительно мало или не было совсем.

Многие респонденты Дагестана не верят в негативное влияние иностранных государств на организации религиозного толка с целью ослабления России на международной арене, захвату ее ресурсов и территорий. Примечательно, что более четверти экспертов этой же республики воздержались или не захотели высказываться на обсуждаемую тему, мнение оставшихся не выходило за рамки высказываний всего экспертного корпуса.

В оценках экспертов касательно целей и последствий финансирования иностранными государствами национальных, религиозных, политических группировок и организаций в каждом пятом высказывании независимо от места проведения интервью, упоминались слова «ослабление политической ситуации», в 8,0% случаев – «раскол», «развал», «распад», «дестабилизация политической ситуации», в 4,1% – «захват ресурсов», «подрыв власти неугодных режимов», «расшатывание территориальной целостности России».

Не обнаружено корреляции между количественными показаниями ответов респондентов и их религиозной принадлежностью: мнение русских и русскоязычных респондентов и осетин в ответах на утверждение 1, 2 (а, б, в) не отличались количественно от таковых респондентов «мусульманских» республик.

Библиографический список

1. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке : социологический анализ / Х. В. Дзугцев, З. А. Атабиева, С. С. Бирагова [и др.]. Москва-Владикавказ : СОГУ, 2016. 467 с. EDN [VNKIAS](#).
2. Карта этнорелигиозных угроз: Северный Кавказ и Поволжье : Доклад Института национальной стратегии / Под ред. М. В. Ремизова. Москва, 2013. 54 с.
3. *Ильясов, М.* Нестабильность на Северном Кавказе: причины, факторы и возможные последствия // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. № 3. С. 57-69. EDN [QZGAED](#).
4. *Стародубовская, И. В., Соколов, Д. В.* Истоки конфликтов на северном Кавказе. Москва : Дело, 2013. 280 с. ISBN 978-5-7749-0748-9.
5. *Черноус, В. В.* Адыгский мир в исторической судьбе и современной России // Электронный журнал «Кавказология». 2018. № 2. С. 120-124. DOI [10.31143/2542-212X-2018-2-120-124](#). EDN [LIAMNE](#).
6. *Кудрявцев, А. В.* «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3(9). С. 115-122.
7. *Дзугцев, Х. В., Дибирова, А. П., Цогоева, Ф. Б., Цопанова, А. Ю.* Уровень социально-политической напряженности в республиках Северо-Кавказского федерального округа РФ // Теории и проблемы политических исследований. 2014. № 4. С. 55-127. EDN [THYLUD](#).

8. Дзуцев, Х. В., Дибирова, А. П. Религия в структуре ценностей населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. Москва-Владикавказ : СОГУ, 2018. 165 с. ISBN 978-5-00081-174-0. EDN VKAYQU.

9. Дзуцев, Х. В., Дибирова, А. П. Гендерный аспект в духовной жизни населения республик Северного Кавказа // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 113-126. DOI [10.21064/WinRS.2020.1.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.1.9). EDN PDRXRW.

Дата поступления в редакцию: 24.05.2022.

Дата поступления финальной версии: 01.08.2022.

Принята к печати: 22.08.2022.

Сведения об авторе:

Аминат Паруковна Дибирова, кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН. Владикавказ, Россия.

e-mail: dibirova59@mail.ru

Author ID РИНЦ: 128207

ORCID: 0000-0003-3914-9702

Researcher ID (WoS): U-3124-2018

A. P. Dibirova¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Vladikavkaz, Russia.

THE OPINION OF THE NORTHERN CAUCASUS FEDERAL DISTRICT RESIDENTS ON THE FOREIGN STATES' POSSIBLE FINANCIAL AND POLITICAL INFLUENCE ON THE POLITICAL AND SOCIAL SITUATION IN THE REGION

Abstract. In the North Caucasian society there is an understanding that the governments of foreign states can set as their goal the destabilization of the political situation in Russia, as well as the weakening of its influence in the international affairs. Informal organizations and religious groups in the North Caucasus can be chosen as a tool to achieve this. According to a study conducted in 2020, these actions will lead to the disintegration of our state, the seizure of its resources and territory. The vast majority of respondents from the republics of the North Caucasus Federal District (NCFD) do not believe that the foreign governments that finance informal organizations and groups in their region want to help establishing democratic values there. There is more unanimity among the opponents of this assertion than among the supporters. The respondents expressed their strong disagreement with this statement in the predominance of resolute answers "disagree" over evasive "rather disagree". On the contrary, their firm agreement with the statement about the negative consequences of the financial interference of foreign states in the activities of informal groups was expressed in the predominance of the answers "I agree" over "rather, I agree".

Keywords: North Caucasus, polyethnicity, polyconfessionalism, economic destabilization, political destabilization, jobs, Wahhabism, separatism, informal organizations, seizure of resources, non-profit associations, ideological struggle.

For citation: Dibirova A. P. (2022) The opinion of the Northern Caucasus Federal District residents on the foreign states' possible financial and political influence on the political and social situation in the region. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 3. Pp. 22-35. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.2)

References

1. Dzutsev, H. V., Atabaeva, Z. A., Biragova, S. S. [et al] (2016) *The current state of research on religious extremism, the main trends in world science: a sociological analysis*. Moscow-Vladikavkaz, NOSU Publ. 467 p. (in Russ.).
2. Remizov, M. V. (ed) (2013) *Karta etnoreligioznykh ugroz: Severnyi Kavkaz i Povolzh'e [Map of ethno-religious threats: the Caucasus and the Volga region]*. Report by the Institute for National Strategy. Moscow. 54 p. (in Russ.).
3. Ilyasov, M. (2012) Instability in the North Caucasus: Causes, Factors and Possible Consequences. *Kavkaz i globalizatsiya*. Vol. 6. No. 3. Pp. 57-69 (in Russ.).
4. Starodubovskaya, I. V., Sokolov, D. V. (2013) *Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze [The origins of the conflicts in the North Caucasus]*. Moscow, Delo Publ. 280 p. ISBN 978-5-7749-0748-9 (in Russ.).
5. Chernous, V. V. (2018) Adyghe (Circassian) world in historical destiny and modern Russia. *E-journal «Caucasology»*. No. 2. Pp. 120-124. DOI [10.31143/2542-212X-2018-2-120-124](https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-2-120-124) (in Russ.).
6. Kudryavtsev, A. V. (2000) "Wahhabism": problems of religious extremism in the North Caucasus. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. No. 3(9). C. 115-122 (in Russ.).
7. Dzutsev, H. V., Dibirova, A. P., Tsogoeva, F. B., Tsopanov, A. Yu. (2014) The level of social and political tension in the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation. *Theories and problems of political studies*. No. 4. Pp. 55-127 (in Russ.).
8. Dzutsev, H. V., Dibirova, A. P. (2018) *Religiya v strukture tsennostei naseleniya respublik Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga Rossiiskoi Federatsii [Religion in the structure of values of the population of the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation]*. Moscow-Vladikavkaz, NOSU Publ. 165 p. (in Russ.).
9. Dzutsev, H. V., Dibirova, A. P. (2020) Gender aspect in the spiritual life of the population of the republics of the North Caucasus. *Woman in Russian society*. No. 1. Pp. 113-126. DOI [10.21064/WinRS.2020.1.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.1.9) (in Russ.).

The article was submitted on May 24, 2022.
The final version arrived on August 01, 2022.
Accepted on August 22, 2022.

Information about the author:

Aminat P. Dibirova, Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Vladikavkaz, Russia.
e-mail: dibirova59@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3914-9702
Researcher ID (WoS): U-3124-2018

DOI 10.19181/nko.2022.28.3.3
EDN UUUUTN
УДК 32.019.5

О. Н. Забузов¹, И. С. Шушпанова¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация. Ставка на молодежь в информационном пространстве позволяет использовать новые усовершенствованные методы воздействия на сознание (в том числе через ИКТ), сформировать устойчивые паттерны, социально-политические установки, имеющие пролонгированное действие. В статье проведен анализ отдельных аспектов информационно-пропагандистского противодействия терроризму в России, описаны теоретико-методологические основания его изучения. Эмпирическую часть составил анализ результатов авторского социологического исследования мнений молодежи Курской области.

Идеологический мотив распространения терроризма является самым многоаспектным и трудноискоренимым. Информационно-пропагандистское противодействие терроризму, по мнению авторов, представляет собой комплекс взаимосвязанных мер информационного и пропагандистского характера, направленный на объекты воздействия с целью изменения и блокировки асоциальных моделей поведения, в основе которых лежит идеология терроризма, и формирования, сохранения и воспроизводства значимых образцов поведения для устойчивого развития общества.

Индикаторы измерения уровня информационно-пропагандистского противодействия терроризму в России лежат в основе эмпирического исследования. Среди молодежи Курской области распространено мнение о том, что идеология тесно связана с терроризмом, и что российскому обществу необходима антитеррористическая идеология. Наличие в российском обществе общих целей, национальной идеи и осознание прошлых достижений может составить ее основу. По мнению молодых респондентов, информационное воздействие должно носить комплексный характер, начиная от наличия важных компетенций представителей органов власти и силовых структур до создания эффективной системы ограничения информации по различным каналам коммуникации. Респонденты убеждены, что в России должен существовать государственный орган, противодействующий экстремизму и терроризму в информационном пространстве. Особое значение в противодействии терроризму молодые люди отдают профессиональной подготовке кадров. Работа по проведению пропагандистских антиэкстремистских акций в интернет-пространстве с привлечением в том числе блогеров будет способствовать такому противодействию. Молодое поколение уверено, что социальные сети и виртуальное пространство в разной степени способствуют распространению терроризма. В целом, социологические измерения показали наличие ряда рисков и факторов, ухудшающих работу системы информационно-пропагандистского противодействия терроризму. Первый аспект связан с низкой эффективностью используемых каналов коммуникационного воздействия. По мнению курской молодежи, такая работа не должна сводиться лишь к действиям в одной сфере коммуникаций. Система информационно-пропагандистского противодействия терроризму должна сочетать в себе целый комплекс разнонаправленных мер с использованием традиционных каналов и способов коммуникации в сочетании с ИКТ. Работа с блогерами может стать эффективным методом и каналом информационного воздействия на молодежь. Основу второй проблемы составляет низкий уровень интернет-грамотности части курской молодежи. Часть молодых людей не видят угрозы терроризма в интернет-пространстве. Данная категория может стать потенциально уязвимой и подверженной влиянию идеологии терроризма. Третий аспект

связан с формированием культуры противодействия терроризму в России, которая должна базироваться на неприятии идеологии терроризма, повышении правовой ответственности, общего уровня образования и здорового образа жизни.

Ключевые слова: молодежь, противодействие, антитеррористическая идеология, терроризм, контрпропаганда, интернет, социальные сети, коммуникации, информационно-пропагандистское противодействие терроризму, социальные группы, общественное мнение.

Для цитирования: Забузов О. Н., Шушпанова И. С. Информационно-пропагандистское противодействие терроризму: взгляд молодого поколения // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 36-49. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.3. EDN UUUUTN

Введение. Проблематика формирования эффективной системы информационно-пропагандистского противодействия терроризму актуализирует свою значимость в современном глобализирующемся мире [1]. Российское государство в сложившихся условиях прикладывает все усилия для недопущения развития терроризма и его угроз в нашей стране. По данным Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, российской власти удалось улучшить самочувствие гражданского общества по вопросу терроризма. В сентябре 2020 года число граждан, которых тревожила проблема терроризма, снизилось до 6% [2]. В июне 2021 года их количество оставалось примерно на таком же уровне (7%) [3].

Перечень побудительных мотивов развития и распространения террористической деятельности насчитывает достаточно большое количество оснований. Однако, по нашему мнению, их можно дифференцировать на три ключевые группы в зависимости от уровней (признаков) побуждения. Наиболее низким уровнем мотивации характеризуется тривиальное принуждение к террористической деятельности [4]. Такой фактор как «экономическое стимулирование» занимает средний уровень [5], а «идеологический мотив» – высший [6]. Вне всяких сомнений, такое деление можно считать дискретным. В современном обществе мы можем наблюдать различного рода переплетения всех уровней, что, в свою очередь, генерирует новое мотивационное ядро террористической деятельности. Отметим, что наиболее трудноискоренимым побудителем к террористической деятельности в обществе является идеологический мотив. Он, в свою очередь, может иметь различные основания. Идеологические мотивы делятся на социально-политические [7], религиозные [8, 9, 10], национально-этнические [11, 12] и другие. Именно идеологические мотивы нашли свое отражение в нормативно-правовых документах Российской Федерации, в которых прописаны отдельные аспекты противодействия идеологии терроризма и экстремизма. Спектр такого рода документов широк и многогранен: от федеральных законов, регламентирующих борьбу и противодействие терроризму, до целевых программ, в которых отражены отдельные стороны и особенности противодействия идеологии терроризма¹.

¹ Например, Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму» (от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ), Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» (от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ), Указ Президента РФ «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (от 29 мая 2020 года № 344), «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утвержден Президентом РФ 28 декабря 2018 года № Пр-2665).

Теоретические основы изучения информационно-пропагандистского противодействия терроризму. Достаточно большой круг источников посвящен исследованиям антитеррористической деятельности. Отметим, что эффективная система противостояния терроризму на локальном или глобальном уровнях должна включать в себя целый комплекс взаимосвязанных мероприятий и не сводиться только лишь к профилактике и стандартным процедурам реагирования. Необходимо глубокое изучение основ и истоков развития терроризма с позиции социальной, психической и политической направленности [13]. Ключевая роль идеологического компонента в антитеррористической политике отмечается в работах С. И. Грачева, О. А. Гасимова, А. С. Попова [14], О. Н. Забурова [15], А. Н. Перенджиева [16], В. В. Маркина, А. В. Роговой [17] и других.

Государственная информационная политика является важным компонентом в комплексе идеологического обеспечения антитеррористической деятельности. Именно в ней заложены основы объективизма информации, всеобщей и адресной коммуникативной направленности и четкое разъяснение позиции органов власти. В «Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации», утвержденном Президентом РФ 28 декабря 2018 года, № Пр-2665, обозначены ключевые аспекты информационной работы, которыми должны руководствоваться органы власти субъектов РФ. Однако работа в регионах в области информационно-пропагандистского противодействия терроризму не лишена недостатков. По мнению А. С. Быкадоровой и К. М. Непейвода [18], можно выделить несколько проблемных полей, решение которых позволит повысить результативность такой работы. Среди них отметим важность такого вопроса, как малочисленное использование интернет-коммуникаций (в особенности при доведении информации до молодого поколения).

Информационное противодействие терроризму включает в себя целый комплекс мер, среди которых можно выделить информационно-пропагандистские. Их важными характеристиками являются разъяснительная, воспитательная и побудительная функции, направленные на распространение в обществе информации об угрозах и последствиях терроризма, принятие образцов поведения, противодействующих такой идеологии, и формирование деятельности по противодействию. Становление оптимальной и эффективной инфраструктуры единого антитеррористического информационного пространства на всех уровнях будет способствовать повышению качества работы по информационному противодействию терроризму. Совместно с органами государственной власти в систему информационно-пропагандистского противодействия терроризму должны войти ключевые институты гражданского общества, эксперты из разных смежных областей и пр. Разделяемая и воспроизводимая обществом культура противодействия терроризму должна стать основой в эффективно функционирующей системе борьбы с терроризмом.

В структуру информационно-пропагандистского противодействия терроризму входят объекты, на которых, в первую очередь, должно быть направлено информационное воздействие. К ним относятся разнообразные социальные группы и слои, которые в меньшей степени удовлетворены своей социально-экономической позицией в обществе и реализуемой политикой органов власти, террористические ячейки и организации (руководители и их члены) и т.д.

Зачастую субъектом выступают органы власти, формирующие и реализующие политику в области информационно-пропагандистского противодействия терроризму. Однако в их число должны быть включены институты гражданско-

го общества. В широкий круг деятельности органов власти входят изучение факторов и рисков совершения террористических актов, исследование тенденций и прогнозирование вероятностного появления такого рода угроз, формирование комплекса мер по профилактике и мониторингу и многое другое.

Таким образом, по мнению авторов, информационно-пропагандистское противодействие терроризму – это система мер информационного воздействия на определенные социальные группы, слои и индивидов с помощью различных информационных средств и каналов коммуникации с целью побуждения к формированию, воспроизводству, сохранению социально значимых паттернов, установок поведения и блокировки асоциальных моделей, базирующихся на постулатах идеологии терроризма.

Методика авторского эмпирического исследования. Молодежь, являясь опорой и вектором социально-политического развития страны, стала эмпирическим объектом социологического анализа [19, 20]. С целью изучения мнений части российского общества по проблемам упреждения рисков терроризма, а также повышения эффективности системы информационно-пропагандистского противодействия терроризму, в Курской области в мае 2020 года было проведено авторское социологическое исследование. Выборочную совокупность пилотного исследования составили 203 респондента, возраст которых находился в границах от 18 до 30 лет. В структуру анкеты вошли индикаторы, характеризующие особенности сложившейся в России системы информационно-пропагандистского противодействия. Отметим, что проведенный опрос молодежи Курской области не претендует на исчерпывающую репрезентативность. Авторы статьи не экстраполируют полученные результаты на всю Россию относительно информационно-пропагандистского противодействия терроризму. Проведенное исследование стоит расценивать как предварительное изучение, ставящее своей целью определить реперные точки, опорные маркеры отношения региональной молодежи к противодействию идеологии терроризма. Полученные результаты в будущем могут послужить основой для полномасштабного исследования общественного мнения в данном спектре проблем. Данная статья является продолжением работы авторов, в рамках которой изучается мнение молодых респондентов Курской области по вопросам происхождения и природы терроризма, а также отдельных факторов его предупреждения [15].

Результаты исследования и обсуждение. В Федеральном законе «О противодействии терроризму» однозначно указано: «терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»². Сущностные характеристики терроризма тесно связаны с понятием «идеология».

Идеология и терроризм. Молодые граждане в своем большинстве едины во мнении о том, что идеология влияет на развитие терроризма в обществе (77%) (см. рис. 1). Только 4% опрошенных высказали противоположное мнение, а 19% молодых граждан затруднились ответить.

² О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ, ст. 3 «Основные понятия». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522> (дата обращения: 25.08.2022).

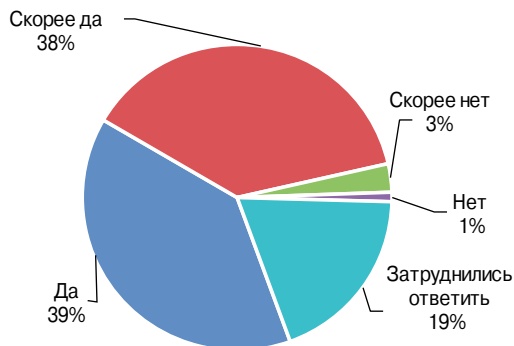

Рисунок 1. Распределение ответов молодых респондентов на вопрос: «Влияет ли идеология на развитие терроризма в обществе?»
(% от числа опрошенных молодых людей Курской области)

Источник: здесь и далее, – данные авторского исследования.

Постоянный мониторинг разделяемой и культивируемой в российском обществе идеологии позволит своевременно выявлять ее деструктивные компоненты, формируя антитеррористические взгляды молодого поколения. Среди основных принципов противостояния терроризму можно отметить следование антитеррористическим нормам поведения и общечеловеческим, гуманитарным ценностям, верховенство приоритетности жизни граждан.

Идеология является базисным элементом в системе противостояния терроризму в любом современном обществе. По мнению молодежи Курской области, в российском обществе необходимо сформировать антитеррористическую идеологию (30% и 33%) (см. рис. 2). Около 11% молодых граждан ответили, что в ней нет необходимости. Затруднились ответить на вопрос 26% опрошенных.

Высоким потенциалом в борьбе с терроризмом и преступностью обладают ценностные ориентации, базирующиеся на приоритетности национальных идей и целей развития, исторической памяти народа. Формирование данных аспектов

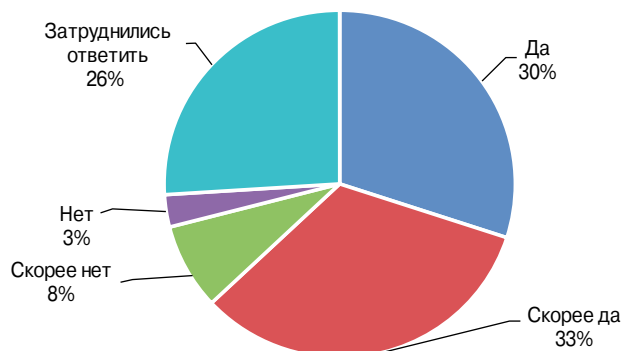

Рисунок 2. Распределение ответов молодых респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы, что обществу необходима антитеррористическая идеология?»
(% от числа опрошенных молодых людей Курской области)

должно послужить основой национальной идеологии. Большинство молодых граждан в разной степени считали, что отсутствие общих грядущих целей, национальной идеи и осознание прошлых достижений являются препятствиями в борьбе с терроризмом и преступностью (52%) (см. рис. 3). Противоположных взглядов придерживались 11% опрошенных. Затруднились высказать свою точку зрения 37% респондентов. Ключевой основой, которая способна на начальном этапе противостоять развитию терроризма в стране, может стать проводимая государством политика, поддержанная гражданским обществом, направленная на удовлетворение актуальных запросов социума, а также высокий уровень социально-политической лояльности и консолидации социума. По мнению большинства молодых респондентов, в России отсутствует разделяемые всем социумом национальная идея и идеология, а также осознание прошлых общественных достижений в стране.

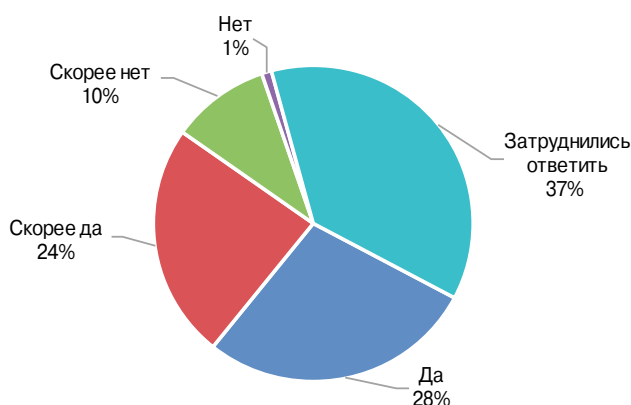

Рисунок 3. Распределение ответов молодых респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы, что отсутствие общих грядущих целей, национальной идеи и осознание прошлых достижений не способны противостоять преступности?» (% от числа опрошенных молодых людей Курской области)

Ключевые аспекты информационного воздействия в антитеррористической политике. Антитеррористическая пропаганда во многом способствует противодействию терроризму. Познавательной является точка зрения российской молодежи по вопросу о реципиенте информационного воздействия в процессах противодействия терроризму. Почти половина опрошенных молодых людей высказались, что контрпропаганда в антитеррористической политике должна быть направлена, в первую очередь, на силовые структуры (49%) (см. табл. 1).

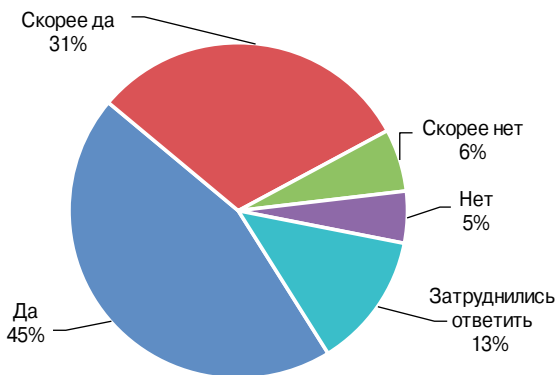
Можно предположить, что молодежь Курской области с разной степенью недоверия относится к данным институтам, считая их деятельность не в полной мере эффективной в борьбе с терроризмом. За «легальное ограничение информации для населения о деятельности террористов и последствий совершенных ими терактов» выступили 38% молодых людей. Восьмая часть молодого социума поддержала идею о том, что информационное воздействие в противодействии терроризму должно быть направлено «на деятелей культуры, ученых и муниципальных служащих, заинтересованных в антитеррористической деятельности» (13%).

Таблица 1

**Распределение ответов молодых респондентов на вопрос:
«Как Вы считаете, на кого должно быть направлено информационное
воздействие и контрпропаганда в антитеррористической политике?»**
(% от числа опрошенных молодых людей Курской области)

Варианты ответов	Распределение ответов, %
На силовые структуры и им подведомственные организации	49
На легальное ограничение информации для населения о деятельности террористов и последствий совершенных ими терактов	38
На деятелей культуры, ученых, служащих, заинтересованных в антитеррористической деятельности	13

Несмотря на то, что молодежь всегда считалась достаточно свободолобивой и любые ограничения, акты вмешательства в жизнедеятельность вызывали у ее непонимание, в вопросах противостояния терроризму и экстремизму большинство молодых людей поддержали идею о существовании государственного органа, противодействующего данным процессам в виртуальном пространстве (в совокупности 76%) (см. рис. 4). Около десятой части молодых граждан в той или иной степени были против такой государственной структуры (11%). Затруднились выразить свое мнение 13% молодых респондентов. По данному вопросу цензурирования и мониторинга интернет-пространства органами власти консолидация мнений молодого поколения достаточно высока.

**Рисунок 4. Распределение ответов молодых респондентов на вопрос:
«Должен ли, на Ваш взгляд, существовать государственный орган,
противодействующий экстремизму и терроризму в сети Интернет?»**
(% от числа опрошенных молодых людей Курской области)

Мнение российской молодежи по вопросу эффективности пропагандистских антиэкстремистских акций в сети Интернет в борьбе с терроризмом разделилось. Полностью поддержали данную точку зрения 22%, а отчасти – 29% молодых граждан (см. рис. 5). Считали, что использование таких мероприятий скорее не поможет снизить риски терроризма, 21% молодых людей. Полное несогласие с проведением пропагандистских антиэкстремистских акций в сети Интернет выразили 8% представителей курской молодежи. Пятая часть опрошенных затруднились ответить (20%). Проведение пропагандистских антиэкстремистских

акций в сети Интернет является лишь одной из опорных, но недостаточных основ в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Однако, отсутствие мониторинга по данному направлению может существенно повысить риски терроризма.

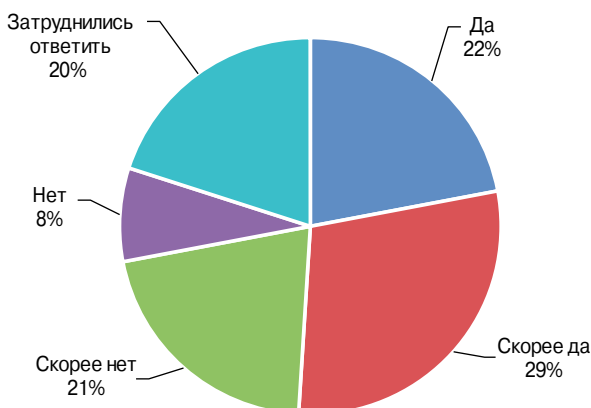

Рисунок 5. Распределение ответов молодых респондентов на вопрос: «Согласны ли Вы, что проведение пропагандистских антиэкстремистских акций в сети Интернет поможет в борьбе с экстремизмом, терроризмом?»
(% от числа опрошенных молодых людей Курской области)

Контроль за социальными сетями и информационными ресурсами в сети Интернет, как показывает практика, необходим. Более того, развитие современных информационно-коммуникационных технологий кроме очевидных преимуществ, несет в себе латентную угрозу, попутно стимулируя и создавая деструктивные процессы в новых реалиях жизнедеятельности социума. По мнению 65% молодых граждан, социальные сети и виртуальное пространство в разной степени способствуют распространению терроризма (см. рис. 6). Такой угрозы обществу не видят 17% молодых людей. Данная группа молодых граждан находится в группе риска, не осознавая и не видя латентные виртуальные «послания» от лица терроризма. Затруднились ответить на вопрос 18% молодых респондентов.

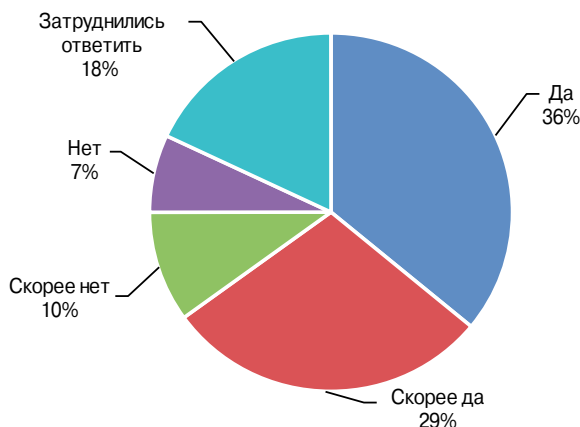

Рисунок 6. Распределение ответов молодых респондентов на вопрос: «Способствуют ли социальные сети и виртуальное пространство распространению терроризма?»
(% от числа опрошенных молодых людей Курской области)

Помимо контроля над информационными ресурсами в сети Интернет, запрета контента террористической направленности и других мер, молодые граждане в разной степени считали, что сотрудничество с блогерами и проведение образовательных мероприятий будут иметь реальный положительный результат в данной борьбе (27% и 33%) (см. рис. 7). Противоположной точки зрения придерживались 8% и 15% молодых людей. Затруднились высказать свое мнение 17% молодых респондентов. Работа с блогерами в интернет-пространстве внесет свой вклад в целую систему противодействия терроризму и, в свою очередь, будет способствовать минимизации рисков.

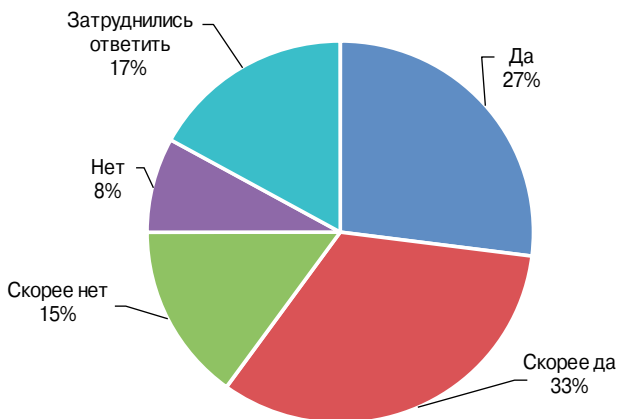

Рисунок 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Имеет ли смысл сотрудничество с блогерами и проведение образовательных мероприятий для борьбы с экстремистской деятельностью?»
(% от числа опрошенных молодых людей Курской области)

Образование и кадры. Молодое поколение отметило необходимость проведения комплексной профилактической работы. По мнению наибольшего числа молодых граждан Курской области, развитию антитеррористического образования будет способствовать целый комплекс взаимосвязанных мер (41%) (см. табл. 2). Важными ее компонентами молодые граждане считали: воспитание патриотизма и нравственности – 20%, усиление правовой ответственности за экстремистские действия – 17%, повышение общего уровня образования – 16%, повышение уровня профессиональной подготовки кадров – 4%, пропаганду здорового образа жизни – 2%.

Таблица 2
Распределение ответов молодых респондентов на вопрос: «Какая из следующих мер, по Вашему мнению, способствует развитию антитеррористического образования?»
(% от числа опрошенных молодых людей Курской области)

Варианты ответов	Распределение ответов, %
Воспитание патриотизма и нравственности	20
Усиление правовой ответственности за экстремистские действия	17
Повышение общего уровня образования	16
Повышение уровня профессиональной подготовки кадров	4
Пропаганда здорового образа жизни	2
Все из вышеназванного	41

Особое значение в противодействии терроризму приобретает аспект профессиональной подготовки кадров. С этим фактом в разной степени согласны 43% и 30% молодых граждан (см. рис. 8). По данному вопросу проявляется единство во мнениях молодежи. Лишь небольшое число молодых людей не согласилось с утверждением (6%). Пятая часть молодых граждан затруднились ответить на вопрос (21%).

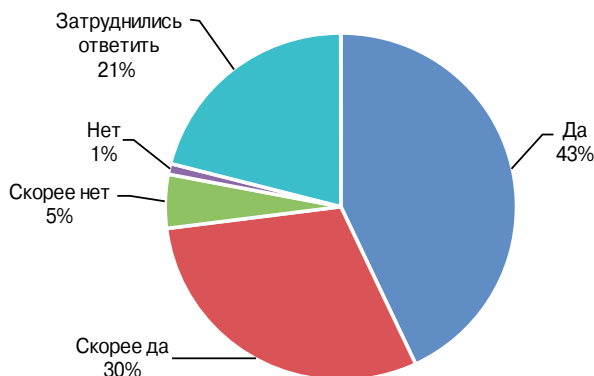

Рисунок 8. Распределение ответов молодых респондентов на вопрос: «Стоит ли уделять особое внимание подготовке профессиональных кадров в вопросах контрпропагандистской деятельности?»
(% от числа опрошенных молодых людей Курской области)

Выводы. Подводя итоги, отметим, что информационно-пропагандистское противодействие терроризму играет важную роль, а построение эффективной системы может носить глобальный, национальный, региональный уровни. Оптимальное сочетание работы субъектов воздействия с подбором комплекса мер, способов и каналов коммуникаций может привести к минимизации рисков распространения идеологии терроризма. Результаты эмпирического авторского исследования позволили сделать ряд важных выводов. В целом молодежь Курской области осознает угрозу терроризма для современного общества и готова принимать участие в таком противодействии. Большинство респондентов отметили влияние идеологии на развитие терроризма. По мнению молодежи, без общих целей, разделяемой всеми гражданами, национальной идеи и осознания прошлых достижений невозможно эффективно противостоять терроризму. Формирование антитеррористической идеологии в российском обществе будет способствовать снижению рисков проявления терроризма.

Особую роль молодые граждане отводят силовым структурам в борьбе с терроризмом. Считая их деятельность не в полной мере эффективной, молодежь предложила более целенаправленно проводить информационное воздействие на данные институты. В то же время респонденты в большей степени согласись с тезисом о том, что государство должно иметь компетентные структуры для противодействия терроризму в виртуальной среде. Молодое поколение в своем большинстве разделяет мнение относительно эффективности проведения пропагандистских интернет-акций в деле борьбы с экстремизмом и терроризмом. По мнению молодых респондентов, проведение профилактических мероприятий в виртуальной среде также будет способствовать снижению рисков терроризма. Необходимо отметить, что сотрудничество с блогерами и проведение разъяснительно-образовательных мероприятий должны войти обязательным компонентом в систему мероприятий информационно-пропагандистского про-

тиводайствия терроризму. Большинство респондентов поддержали тезис о развитии антитеррористического образования. Подчеркнем, что три четверти молодых граждан высказались за пристальное уделение внимания подготовке кадров в вопросах контрпропагандистской деятельности.

Достаточно часто молодежь пользовалась ответом «затрудняюсь ответить». Диапазон таких флуктуаций находился в пределах 13–37 %. В вопросах, в которых от респондентов требовалось высказаться по наиболее важным и злободневным вопросам, доля таких ответов возрастала, достигая трети всего распределения, что характеризует молодежь Курска как социально инертную и отчасти общественно пассивную.

Социологическое измерение уровня информационно-пропагандистского противодействия терроризму показало наличие ряда проблемных зон. В целом, его можно охарактеризовать как средний. В качестве рекомендаций можно отметить следующие аспекты. Во-первых, необходимо сочетать традиционные информационные методы и каналы коммуникации, повышая адресность антитеррористического воздействия. Во-вторых, необходим тщательный мониторинг молодой аудитории интернет-пространства. Как показал опрос, часть молодых респондентов не видит угрозы терроризма в виртуальных сетях. Данный факт может привести к латентному влиянию и формированию в сознании данной категории граждан идеологии терроризма. Третий фактор связан с необходимостью формирования культуры противодействия терроризму, базирующейся на общечеловеческих, гуманитарных ценностях.

Библиографический список

1. Григорьев, Н. Ю., Родюков, Э. Б. Современный терроризм как социальное явление // Наука. Культура. Общество. 2018. № 2-3. С. 66-76. EDN [YTPIQP](#).
2. Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 128 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-896-973522.2021](#). EDN [LUWYTF](#).
3. Как живешь, Россия? : Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 68 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021](#). EDN [QWEYSS](#).
4. Зиновьев, И. Уголовно наказуемое принуждение // Законность. 2007. № 8(874). С. 49-50. EDN [KUDMLN](#).
5. Мельков, С. А., Перенджиев, А. Н. Террористическая угроза и «теневая экономика»: есть ли взаимосвязь? // Власть. 2016. Т. 24, № 10. С. 178-185. EDN [WXFHNT](#).
6. Забузов, О. Н. Противодействие идеологии терроризма: переориентация подходов // Военный академический журнал. 2020. № 2(26). С. 62-69. EDN [BMNNJF](#).
7. Охотникова, М. А., Дзюба, Е. А. Проблема социального терроризма в современном мире: взаимосвязь политического и социального терроризма // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 13(31). С. 195-197. EDN [NJCWDS](#).
8. Кочои, С. М. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: перспективы совершенствования с учетом опыта борьбы против религиозного терроризма // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 30-37. DOI [10.17150/2500-4255.2020.14\(1\).30-37](#). EDN [ZKWAJX](#).
9. Забарчук, Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. 2008. № 6(138). С. 3-10. EDN [NTZQGP](#).
10. Григорьев, Н. Ю., Родюков, Э. Б. Социальные последствия современного религиозного терроризма // Наука. Культура. Общество. 2017. № 1. С. 89-99. EDN [UPFJSM](#).
11. Платонов, Ю. П. К вопросу об этническом терроризме // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 6, № 1. С. 56-61. EDN [JWMOON](#).
12. Шоломова, Т. В. Национальный вопрос в истории русского терроризма XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. Т. 5, № 10. С. 335-340. EDN [KVTBXF](#).

13. *Степанова, Е. А.* Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты / Испр. и доп. авторский пер. с англ. Москва : Научная книга, 2010. 288 с. ISBN 978-5-91393-050-7. EDN [QOMRHD](#).

14. *Грачев, С. И., Гасымов, О. А., Попов, А. С.* Идеология как определяющий компонент террористической активности и антитеррористической политики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 2(12). С. 45-49. EDN [QJBGST](#).

15. *Забузов, О. Н., Шушпанова, И. С.* Терроризм в современном российском обществе: природа происхождения и аспекты предупреждения (на основе социологического исследования мнений молодежи Курской области) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 4(845). С. 226-241. DOI [10.52070/2500-347X_2021_4_845_226](#). EDN [IGAELN](#).

16. *Периджиев, А. Н.* Антитеррористическая политика России и ее институты безопасности. Химки : Академия гражданской защиты МЧС России, 2017. 151 с. EDN [YLUYVJ](#).

17. *Маркин, В. В., Роговая, А. В.* Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде 2-я часть // Власть. 2012. № 12. С. 114-118. EDN [PONYDP](#).

18. *Быкадорова, А. С., Непейвода, К. М.* О проблемном поле реализации информационно-пропагандистских мер противодействия идеологии терроризма // Обзор.НЦПТИ. 2020. № 2(21). С. 15-25. EDN [YZKTUD](#).

19. *Великая, Н. М., Шушпанова, И. С.* Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 29-40. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-29-40](#). EDN [BKDYER](#).

20. *Красникова, Н. М.* Молодежь как социально-политический феномен: к обоснованию концепции // Вестник Пермского университета. Политология. 2008. № 2(4). С. 72-80. EDN [XHORYT](#).

Дата поступления в редакцию: 20.07.2022.

Принята к печати: 29.08.2022.

Сведения об авторах:

Олег Николаевич Забузов, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: zabuzov@mail.ru

Author ID РИНЦ: 674543

ORCID: 0000-0001-6032-2042

Ирина Сергеевна Шушпанова, кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: i.s.shushpanova@mail.ru

Author ID РИНЦ: 152975

ORCID: 0000-0002-2877-1814

Researcher ID (WoS): R-4713-2016

Scopus ID: 25936830000

O. N. Zabuzov¹, I. S. Shushpanova¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

INFORMATION AND PROPAGANDA COUNTERACTION TO TERRORISM: THE VIEW OF THE YOUNGER GENERATION

Abstract. The emphasis on youth in the information and propaganda space allows the use of new improved methods of influencing consciousness (including through ICT), to form stable patterns, socio-political attitudes that have a prolonged effect. The article analyzes certain aspects of the information

and propaganda counteraction to terrorism in Russia, describes the theoretical and methodological foundations of its study. The empirical part was the analysis of the results of the author's sociological research of the opinions of the youth of the Kursk region.

The ideological motive for the spread of terrorism is the most multifaceted and difficult to eradicate. Information and propaganda counteraction to terrorism, according to the authors, is a complex of interrelated information and propaganda measures aimed at the objects of influence in order to change and block antisocial behaviors based on the ideology of terrorism, and the formation, preservation and reproduction of significant patterns of behavior for the sustainable development of society.

Indicators of measuring the level of information and propaganda counteraction to terrorism in Russia are the basis of an empirical study. There is a widespread opinion among the youth of the Kursk region that ideology is closely linked to terrorism, and that Russian society needs an anti-terrorist ideology. The presence in Russian society of common goals, national ideas and awareness of past achievements can form its basis. According to young respondents, the information impact should be of a complex nature, ranging from the presence of important competencies of representatives of authorities and law enforcement agencies to the creation of an effective system of limiting information through various communication channels. Young respondents are more convinced that there should be a state body in Russia that counteracts extremism and terrorism in the information space. Young people pay special attention to professional training in countering terrorism. The work on carrying out propaganda anti-extremist actions in the Internet space with the involvement of bloggers, among others, will contribute to such counteraction. The younger generation is confident that social networks and virtual space contribute to the spread of terrorism to varying degrees. In general, sociological measurements have shown the presence of a number of risks and factors that worsen the work of the system of information and propaganda counteraction to terrorism. The first aspect is associated with the low efficiency of the communication channels used. According to the Kursk youth, such work should not be limited to actions in one area of communications. The system of information and propaganda counteraction to terrorism should combine a whole range of multidirectional measures using traditional channels and methods of communication in combination with ICT. Working with bloggers can become an effective method and channel of informational influence on young people. The second problem is based on the low level of Internet literacy of some Kursk youth. Some young people do not see the threat of terrorism in the Internet space. This category can become potentially vulnerable and influenced by the ideology of terrorism. The third aspect is related to the formation of a culture of countering terrorism in Russia, which should be based on rejection of the ideology of terrorism, increasing legal responsibility, the general level of education and a healthy lifestyle.

Keywords: youth, counteraction, anti-terrorist ideology, terrorism, counterpropaganda, Internet, social networks, communications, information and propaganda counteraction to terrorism, social groups, public opinion.

For citation: Zabuzov O.N., Shushpanova I.S. (2022) Information and propaganda counteraction to terrorism: the view of the younger generation. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 3. Pp. 36-49. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.3

References

1. Grigoryev, N. Yu., Rodyukov, E. B. (2018) Modern terrorism as social phenomenon. *Science. Culture. Society*. No. 2-3. Pp. 66-76 (in Russ.).
2. Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. [et al.] (2021) *Social state and civil society in the context of implementation of nation projects*. Moscow, FCTAS RAS. 128 p. DOI [10.19181/monogr.978-5-896-973522.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-896-973522.2021) (in Russ.).
3. Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. [et al.] (2021) *How are you, Russia? Express information. 51th stage of the sociological monitoring, June 2021*. Moscow, FCTAS RAS. 68 p. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021) (in Russ.).
4. Zinoviev, I. (2007) Criminally punishable coercion. *Zakonmost'*. No. 8(874). Pp. 49-50 (in Russ.).
5. Mel'kov, S. A., Perendzhiev, A. N. (2016) Terrorist threats and the shadow economy: is there a relationship? *Vlast'*. Vol. 24. No. 10. Pp. 178-185 (in Russ.).
6. Zabuzov, O. N. (2020) Countering the ideology of terrorism: approaches retargeting. *The Military Academic Journal*. No. 2(26). Pp. 62-69 (in Russ.).

7. Okhotnikova, M. A., Dzyuba, E. A. (2019) The problem of social terrorism in the modern world: the relationship between political and social terrorism. *Nauchnyi elektronnyi zhurnal Meridian*. No. 13(31). Pp. 195-197 (in Russ.).
8. Kochoi, S. M. (2020) The concept of counteracting terrorism in the Russian Federation: prospects for improvement using the experience of fighting against religious terrorism. *Russian Journal of Criminology*. Vol. 14. No. 1. Pp. 30-37. DOI [10.17150/2500-4255.2020.14\(1\).30-37](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(1).30-37) (in Russ.).
9. Zabarchuk, E. L. (2008) Religious extremism as one of the threats to the security of the Russian statehood. *Journal of Russian law*. No. 6(138). Pp. 3-10 (in Russ.).
10. Grigoryev, N. Yu., Rodyukov, E. B. (2017) Social consequences of modern religious terrorism. *Science. Culture. Society*. No. 1. Pp. 89-99 (in Russ.).
11. Platonov, Yu. P. (2006) On the issue of ethnic terrorism. *Scientific notes journal of St. Petersburg state institute of psychology and work*. Vol. 6. No. 1. Pp. 56-61 (in Russ.).
12. Sholomova, T. V. (2005) The national problem in history of Russian terrorism of the XIX century. *Izvestia: Herzen university journal of humanities & Sciences*. Vol. 5. No. 10. Pp. 335-340 (in Russ.).
13. Stepanova, E. A. (2010) *Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects*. Moscow, Nauchnaya kniga Publ. 288 p. ISBN 978-5-91393-050-7 (in Russ.).
14. Grachev, S. I., Gasimov, O. A., Popov, A. S. (2013) Ideology as a defining component of terrorist activity and anti-terrorist policy. *Bulletin of Kazan law institute of MIA of Russia*. No. 2(12). Pp. 45-49 (in Russ.).
15. Zabuzov, O. N., Shushpanova, I. S. (2021) Terrorism in modern Russian society: the nature of origin and aspects of prevention (based on a sociological study of the opinions of young people in the Kursk region). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*. No. 4(845). Pp. 226-241. DOI [10.52070/2500-347X_2021_4_845_226](https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_4_845_226) (in Russ.).
16. Perendzhiev, A. N. (2017) *Antiterroristicheskaya politika Rossii i ee instituty bezopasnosti* [Anti-terrorist policy of Russia and its security institutions]. Khimki, Academy of Civil Defence EMERCOM of Russia. 151 p. (in Russ.).
17. Markin, V. V., Rogovaya, A. V. (2012) Countering the spread of the ideology of extremism and terrorism among young people Part 2. *Vlast'*. No. 12. Pp. 114-118 (in Russ.).
18. Bykadorova, A. S., Nepeyvoda, K. M. (2020) On the problematic field of the implementation of information and propaganda measures to counter the ideology of terrorism. *Obzor. NCPTI*. No. 2(21). Pp. 15-25 (in Russ.).
19. Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. (2021) Russian youth about prospects and images of the future socio-political development of the country. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences*. Vol. 14. No. 2. Pp. 29-40. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-29-40](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-29-40) (in Russ.).
20. Krasnikova, N. M. (2008) Youth as a socio-political phenomenon: to substantiate the concept. *Bulletin of Perm University. Political science*. No. 2(4). Pp. 72-80 (in Russ.).

The article was submitted on July 20, 2022.

Accepted on August 29, 2022.

Information about the authors:

Oleg N. Zabuzov, Candidate of Political Sciences, Associate professor, Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

Moscow, Russia.

e-mail: zabuzov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6032-2042

Irina S. Shushpanova, Candidate of Sociological Sciences, Associate professor, Academic secretary of the branch, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

Moscow, Russia.

e-mail: i.s.shushpanova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2877-1814

Researcher ID (WoS): R-4713-2016

Scopus ID: 25936830000

DOI 10.19181/nko.2022.28.3.4

EDN UZXUSM

УДК 323.21

Л. Е. Ильичева¹, А. В. Лапин²

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

² РАНХиГС при Президенте РФ.
Москва, Россия.

ДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь феномена «доверие к власти» и уровня социально-политической консолидации общества. Отправной точкой исследования стали публикации французских экономистов Я. Алгана и П. Каю, а также американских ученых М. Нортон и Р. Бьюэлл, в которых авторы указали на взаимосвязь уровня доверительных отношений в обществе и степени эффективности политической и социально-экономической деятельности власти. На основании анализа этих данных в статье сформулированы направления, по которым целесообразно выстраивать работу по повышению уровня доверия населения к власти: проявление отзывчивости власти на запросы людей; улучшение операционной транспарентности власти; текущая деятельность, сфокусированная на повышении уровня благосостояния людей. В качестве точки сборки интересов власти и общества предложено использовать надлежащий образ будущего, который можно встроить в систему государственного управления, придав ему количественную и качественную оценку. В этом случае надлежащий образ будущего будет являться целеполаганием не только для власти, но и для граждан в рамках поиска оптимального баланса гражданско-государственной идентичности. Рассмотрены также концептуальные вопросы измерения уровня доверия населения к власти, предложены механизмы обеспечения социально-политической консолидации общества в рамках социального диалога власти, бизнеса и гражданского общества на основе регионального общественного договора.

Ключевые слова: доверие, социально-политическая консолидация, общественный договор, образ будущего, социальная напряженность.

Для цитирования: Ильичева Л.Е., Лапин А.В. Доверие к власти и социально-политическая консолидация общества // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 50-67. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.4. EDN UZXUSM

Введение. Проблема доверия населения к власти привлекла наше внимание в связи с объективно наблюдаемым в последнее время разрывом, с одной стороны, между социально-экономическими и политическими ожиданиями людей, и, с другой стороны, исполнением властью своих обещаний. Этот разрыв имеет тенденцию нарастать вследствие латентного, но неумолимого снижения реальных доходов населения. Прервать эту линию снижения общего благосостояния людей можно путем воздействия не только на экономические рычаги, но и повышая доверие населения к проводимой государством политике, которая, в свою очередь, должна быть направлена на усиление личной ответственности и эффективности деятельности граждан и укрепление их уверенности в достойном будущем (подробно о предпосылках возникновения доверия между властью и обществом мы написали в своей статье о доверии в неопределенном мире [1]). Наше исследование привело к выводу о том, что существует принципиальная возможность управления доверием населения к власти путем согласования интересов основных акторов в рамках действующей системы государственного управления. Однако вне проведенного исследо-

вания остался ответ на вопрос о том, на какие рычаги нужно воздействовать, какие душевные струны граждан и каким образом затронуть, чтобы тренд доверия населения к власти изменился в позитивном для власти направлении.

Доверие как объект управления. Приступая к исследованию механизмов и технологий формирования доверия населения к власти, мы, в первую очередь, задались вопросом о целях и способах управления доверием, как социальным феноменом.

Ответ нашелся в результатах исследования, проведенного французскими экономистами Я. Алганом и П. Каю для выявления причинно-следственного влияния унаследованного доверия на экономический рост, которые были опубликованы в экономическом журнале "The American Economic Review" [2]. В рамках этого исследования изучались взаимосвязи наследственной составляющей доверия между людьми, динамики ее возможной временной эволюции и фактического изменения доли ВВП на душу населения в разных странах. Под так называемым унаследованным доверием понималось доверие, которое американские потомки унаследовали от своих предков, иммигрировавших из отдельных стран после 1935 года в разные периоды времени. Этот метод позволил оценить влияние наследственного доверия на изменение дохода на душу населения в странах происхождения иммигрантов. Референтной группой была принята группа иммигрантов из Швеции.

Результаты исследования привели к определенным выводам: по оценкам Я. Алгана и П. Каю, прирост доверия на 10 процентных пунктов соответствует росту уровня ВВП на душу населения на 13,1%. На рисунке 1 представлена диаграмма из этой научной статьи, показывающая прогнозируемое изменение ВВП на душу населения в 2000 году, если бы в этих странах уровень доверия был таким, как в современной Швеции, т.е. ВВП на душу населения в России мог бы увеличиться на 69%.

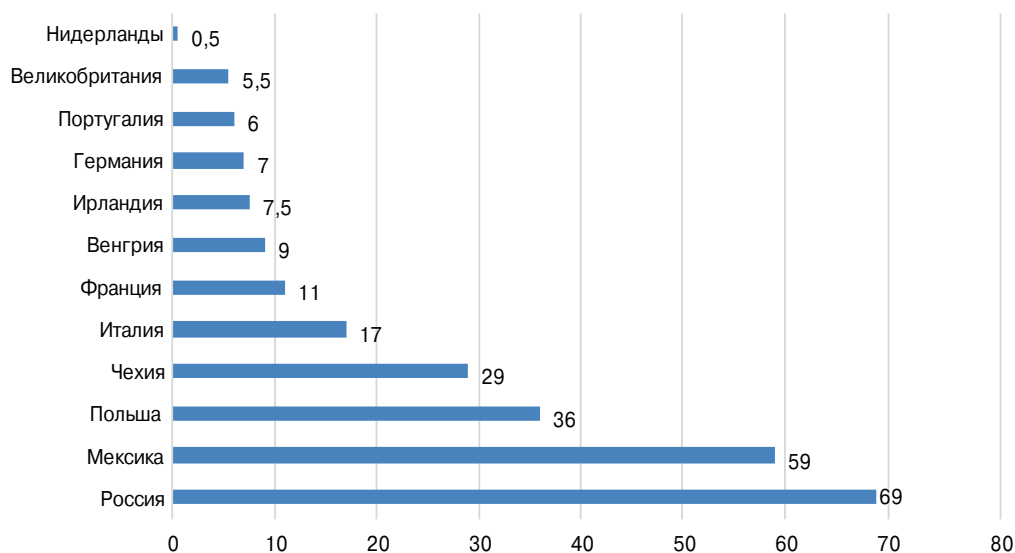

Рисунок 1. Прогнозируемые изменения ВВП на душу населения в 2000 году, если бы в этих странах унаследованный уровень доверия был таким же, как в Швеции (%)

Приведенные на рисунке результаты исследования Я. Алгана и П. Каю часто использует в своих выступлениях декан экономического факультета МГУ А. Аузан для подтверждения того, что, по его мнению, решение проблемы доверия – это ключ к решению многих других наших проблем [3]. А. Аузану вторит известный американский политолог Ф. Фукуяма, который считает, что преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности, в то время, как в условиях доверия совокупные издержки вообще и транзакционные издержки в частности будут стремиться к нулю [4, с. 55].

Указанное исследование французских экономистов позволило им выдвинуть гипотезу, что повышение уровня доверия между гражданами с убедительной долей вероятности вызовет повышение уровня ВВП на душу населения (что неизбежно должно отразиться на повышении реальных доходов граждан).

Но все же социальные отношения между гражданами имеют несколько иной характер, чем отношения между властью и населением, которые реализуются через обладание властью возможности повелевать и подчинять граждан политической воле. Сегодня перед политической властью, озабоченной проблемой удержания в своих руках рычагов управления экономикой, еще больше актуализируется вопрос поиска таких механизмов и технологий, которые позволят усилить доверие к ней избирателей и тем самым даже в условиях нынешнего глобального кризиса решить задачу обеспечения устойчивости политической системы.

В этой связи представляется важным исследовать факторы, формирующие доверие населения к власти, понять характер и особенности доверительных отношений между государством, бизнесом и обществом с тем, чтобы разработать научно-теоретические и практические подходы, используя которые можно будет внедрить системные меры, направленные на повышение уровня общественного доверия в целях эффективного социально-экономического развития страны и регионов.

Следует отметить, что современные исследования подтверждают возможность выстраивания отношений доверия между властью и населением, и, более того, этот процесс может быть вполне управляемым. Так, например, известные американские ученые М. Нортон и Р. Бьюэлл из Гарвардской школы бизнеса, а также Э. Портер из Университета Джорджа Вашингтона в 2020 году опубликовали результаты экспериментов, которые они проводили в Бостоне [5].

Основная проблема, подлежащая исследованию, определялась вопросом: почему в ситуации, когда доверие к правительству стремится к минимуму, разочарование в работе правительства стремится к максимуму? В рамках проведенных экспериментов исследовалось отношение жителей города к мэрии Бостона в различных смоделированных ситуациях, связанных с использованием жителями этого города нескольких приложений для мобильных телефонов с дифференцированной степенью визуализации как запросов жителей на предоставление услуг (ремонт дорог, фонарей освещения и других общественных услуг), так и результатов работы мэрии по удовлетворению этих запросов.

Результаты экспериментов показали, что в случае, когда действия мэрии Бостона по устранению проблем, изложенных в запросах жителей, были оперативными и транспарентными, т.е. люди через мобильное приложение могли видеть своими глазами, что мэрия реагирует на их запросы и проблемы, о которых они сигнализировали, исправляются, то уровень доверия граждан к мэрии Бостона повышался. Повышение доверия жителей Бостона к мэрии,

ощущаемое людьми, осознавалось ими как возросшая внутренняя удовлетворенность действиями мэрии, как усилившееся понимание того, что такое взаимодействие с мэрией является весьма полезным и действенным механизмом решения общественных проблем.

Более того, как выяснилось, проявленная властью отзывчивость порождала у жителей чувство внутреннего долга, связанного с проявлением личной вовлеченности, которое, в свою очередь, порождало у жителей желание как прямо, так и косвенно соучаствовать вместе с мэрией в решении иных общественных проблем по другим направлениям.

Таким образом, можно отметить, что исследование зависимости уровня доверия граждан к власти от степени операционной транспарентности действий власти по решению общественных проблем позволяет сделать следующие *выводы*:

1. Чем больше власть демонстрирует операционную транспарентность своей работы, тем сильнее она побуждает людей проявлять самостоятельность в решении общественных проблем.
2. Операционная транспарентность власти мотивирует людей к большему участию в совместной с властью разработке и производстве общественных услуг, в том числе, в тех сферах, где власть недостаточно публично демонстрирует свою деятельность.
3. Доверие граждан и качество их взаимодействия с властью имеют центральное значение при решении насущных социально-бытовых проблем, близких запросам людей.

Основываясь на вышеизложенных научных исследованиях можно заключить:

1. С большой долей вероятности повышение уровня благосостояния населения может привести к повышению доверия населения к власти, но не исключено, что в условиях жесткого доминирования власти по отношению к гражданам это повышение может быть незначительным, или даже уровень доверия вовсе снизится.
2. С высокой долей вероятности можно говорить о том, что уровень доверия населения к власти может повыситься, если власть будет отзывчивой на запросы людей, а также демонстрировать при этом операционную транспарентность своей деятельности, особенно при решении насущных социально-бытовых проблем, близких запросам граждан.
3. С наивысшей долей вероятности можно говорить о том, что уровень доверия населения к власти повысится, если власть обеспечит улучшение уровня благосостояния населения в сочетании с отзывчивостью на запросы людей с демонстрацией операционной транспарентности своей деятельности, направленной на решение самых насущных, в первую очередь, социально-бытовых проблем граждан.

Здесь следует сделать отступление: в указанном эксперименте оценивалась деятельность власти при решении социально-бытовых проблем населения вне анализа ценностной составляющей уровня доверия к власти по тем факторам, которые мотивируют людей испытывать чувство доверия к власти (справедливость, нравственность, ответственность и другие, за исключением проведенной оценки уровня отзывчивости власти на запросы людей).

Примеряя результаты проведенных в Бостоне экспериментов на российскую почву, можно высказать гипотезу, что в России взаимоотношения между властью и обществом невозможно обсуждать вне контекста достижения тех

приоритетов, которые установлены федеральным центром в рамках национальных проектов и других директивных документов, затрагивающих интересы каждого гражданина. При этом очевидно, что всех граждан не менее, а может быть, и более всего интересует вопрос преодоления не столько федеральных, сколько тех насущных социально-бытовых проблем, с которыми люди сталкиваются каждый день у себя в регионе или муниципалитете. Поэтому фокус нашего внимания логично сместился на вопросы формирования механизмов повышения доверия на региональном и муниципальном уровне, но с учетом федеральной повестки дня.

Соответственно, в основу разрабатываемой концепции системы формирования механизмов и технологий повышения доверия населения к региональной и муниципальной власти был положен вариант, согласно которому в целях повышения уровня доверия населения власти следует обеспечить улучшение общего уровня благосостояния населения в сочетании с отзывчивостью на запросы людей, а также с демонстрацией операционной транспарентности своей деятельности, направленной на решение самых насущных, в первую очередь, социально-бытовых проблем граждан.

В подходе по данному базовому сценарию можно выделить 3 трека, по которым целесообразно выстраивать работу по повышению доверия населения к власти:

1. Деятельность, направленная на повышение благосостояния населения, входящая в региональную общественную повестку дня и оцениваемая по основным социально-экономическим показателям, установленным по двум группам:
 - региональные показатели, определяемые федеральной повесткой дня;
 - региональные показатели, определяемые необходимостью решения ключевых региональных проблем, в том числе, насущных социально-бытовых проблем.
2. Деятельность, направленная на демонстрацию операционной транспарентности мероприятий по повышению благосостояния граждан, в том числе по решению насущных социально-бытовых проблем.
3. Деятельность, направленная на выстраивание конструктивных и доброжелательных взаимоотношений с гражданами в соответствии с согласованным сторонами «кодексом поведения».

Следует отметить, что, конечно-же, такие мотивационные факторы доверия, как компетентность власти, ее открытость, нравственность власти, наличие обратной связи от населения к власти, социальная справедливость при принятии политических решений, государственная и гражданская ответственность за принятые решения и другие ценностные факторы, влияющие на уровень доверия населения к власти, имеют большое значение. Однако в рамках настоящей статьи авторами сознательно сделан акцент именно на оценке социально-экономической составляющей доверия населения к власти, так как к известным на сегодняшний день методам оценки влияния мотивационных факторов на уровень доверия населения к власти (метод опроса, метод доверительной игры и другие) следует относиться с осторожностью, даже тогда, когда прямые измерения устанавливают четкую корреляцию между социальным доверием и определенными правовыми практиками институциональных структур [6, с. 5]. Поэтому согласование конкретных ценностных факторов, мотивирующих власть и общество на достижение доверительных отношений, целесообразно рассматривать в рамках отдельного трека, в котором власть

совместно с бизнесом и гражданским обществом разработают соответствующий «кодекс поведения», причем с конкретным содержанием для каждого региона страны. Оценка результатов выполнения достигнутых договоренностей, содержащихся в «кодексе поведения», будет свидетельствовать об уровне доверия населения к власти с учетом ценностных факторов.

Для ликвидации разночтений у региональной власти и у граждан по вопросу отнесения той или иной проблемы к числу насущных или не очень возникает необходимость введения процедуры согласования интересов власти, бизнеса и общества по содержанию и перечню проблем, которые необходимо включать в общественную повестку дня. Так как региональные проблемы, идентифицируемые сегодня, как правило многочисленны, их приходится классифицировать, чтобы выделить в первую очередь ключевые системные проблемы, решение которых будет значимо влиять на социально-политическую ситуацию в регионе или муниципалитете.

Образ будущего региона в контексте достижения согласия по общественной повестке дня. В силу своей масштабности устранение региональных ключевых системных проблем, как правило, возможно лишь в долгосрочной перспективе и, следовательно, результаты их преодоления скажутся только в некотором будущем. То есть, планируя способы и технологии преодоления региональных ключевых системных проблем, существующих в настоящем, мы, по сути, проектируем будущее общество в его новом целевом состоянии. В этом смысле главный общественный запрос, включаемый в региональную общественную повестку, должен касаться содержания того образа будущего региона, излагаемого с позиций сегодняшнего дня, в котором контуры потенциальных конфликтов пока не стали зримыми, воинствующие акторы еще не предсказали направления главных ударов соперников в будущей политической борьбе, а в нынешних объективных противоречиях социальных групп не предчувствуются зачатки будущей непримиримости. Такой подход дает нам возможность в процессе формирования общественной повестки дня, в центре которой находится желаемое будущее регионального общества, сбалансировать интересы всех ключевых региональных акторов на основе получения возможных выгод и предпочтений, которые стороны могут получить при реализации соглашения, закрепляющего эти интересы.

Точкой согласия власти, бизнеса и гражданского общества по вопросам социально-экономического развития региона может стать желаемый образ регионального будущего, который включается в региональную общественную повестку дня. Концепт «желаемый образ будущего» находится в некоторой противоположности «возможному и необходимому образу будущего», которое выстраивает для общества политическое руководство в рамках решения задач стратегического планирования в стране [7].

Сегодня в понимании государственной идентичности, в которой превалирует когнитивная, эмоциональная и нормативная привязанность индивида к государству [8, с. 219], акценты начинают смещаться в сторону гражданской идентичности, основанной на отождествлении индивида с гражданской общностью страны и вытекающими из этого эмоциональными сопереживаниями и возрастающим чувством ответственности за судьбу страны, склоняющим индивида к активным действиям ради благополучия государства [9, с. 252]. В этом смысле интеграционный и консолидирующий социально-ориентированный государственный патернализм постепенно уступает место инициативной

самоорганизации граждан, негласный контроль и грамотное конструирование которой будут составлять одну из важнейших задач государства, а именно: обеспечение оптимального баланса государственной и гражданской идентичностей в процессе достижения желаемого образа будущего.

Образ будущего общества складывается из субъективного эмоционально-когнитивного видения реальности членами общества, взаимодействующими друг с другом, и каждый индивид, намечая свое будущее, маркирует в нем свое целеполагание в формате целей и задач, которые откроют ему смысл бытия и дадут возможность воплотить этот смысл в жизнь путем приложения собственных сил [10].

Из этого следует, что участие в формировании образа будущего региона бизнеса и граждан через институты гражданского общества неизбежно будет привносить элемент «мечты», некоего «идеала», без которого невозможно получить согласие населения в процессе поиска баланса гражданско-государственной региональной идентичности.

Можно сказать, что образ будущего является синтезом реальности и идеала, предметности и вдохновения, детализации и эмоций. В этом противоречии проявляется сущность человека как сложной живой системы, складывающейся под воздействием природных, психических, личностных, социальных и организационных условий ее функционирования. Поэтому имманентно присущей индивиду задачей становится постоянное разрешение противоречия между своими личными способностями и желаниями, внутренними и внешними ограничениями и теми возможностями, которые предоставляет внешняя среда.

Для создания условий по разрешению возможных противоречий образ будущего сознанием индивида мысленно помещается внутрь собственной системы координат, в рамках которой индивид может конструировать оптимальную траекторию собственной жизни, следуя которой он избежит напрасной траты своей внутренней энергии созидания для достижения целей, впоследствии оказавшихся ложными или второстепенными. В этом смысле процесс достижения индивидом образа будущего приобретает характер миссии, а понимание расположения образа будущего в этой системе координат позволяет индивиду управлять долгосрочным вектором своего развития как личности путем уточнения содержания образа будущего, выбора того или иного инструментария для преодоления возникающих противоречий между его личностной живой системой и внешними политическим, социальным, техническим и прочими мирами, назначения или изменения по своему усмотрению времени и места достижения целевого ориентира.

Образ будущего, запечатленный в сознании индивида и подвергающийся воздействию внешних и внутренних факторов, изменяющих его расположение в личностной системе координат вследствие приобретения субъективного опыта, по мере построения становится реальным объектом, опосредовавшим этот опыт [11].

Исходя из необходимости придания образу будущего прикладного, а значит управляемого характера, мотивирующего людей на движение к нему не как к мечте, а как к вполне достижимой цели, есть смысл говорить не о «желаемом», а о «надлежащем» образе будущего, который можно встроить в систему государственного управления страной или регионом как стратегический приоритет, имеющий количественную и качественную оценку.

Субъективно выстраиваемый образ надлежащего регионального будущего, так же как и образ будущего индивида, находится в состоянии постоянного преодоления политических, социальных, психологических и иных противоречий, на его содержание влияют разные политические, экономические

и культурные акторы, вкладывающие в этот образ часто несхожие потребности и ценности.

Но все же, с точки зрения психологии, знание которой помогает личности в поиске оптимальной системы организации личной жизни, легче достигнуть договоренности по балансу интересов в долгосрочной перспективе, чем уступить даже в малом сегодня. Поэтому переговорный процесс по вопросу согласования качественных и количественных параметров будущих форматов взаимодействия в долгосрочной перспективе будет иметь более компромиссный характер, нежели достижение согласия заинтересованных акторов по текущим проблемам.

Концептуальные подходы к измерению доверия населения к власти. Известный американский лингвист Д. Лакофф говорил, что люди, в первую очередь, голосуют за свое самоощущение, за свои ценности, хотя многим кажется, что они голосуют за свои интересы [12]. В этом смысле показательным является опрос Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в сентябре 2020 года, в рамках которого было выяснено, что если в целом по стране в период ослабления пандемии общее положение дел нормальным считали 31% опрошенных россиян, то в регионах позитивных оценок было уже 45%, а в месте непосредственного проживания ситуацию нормальной считают уже 55% опрошенных¹. Эти результаты говорят о том, что жители регионов и муниципалитетов гораздо оптимистичнее чувствуют себя в отношении будущего, чем жители мегаполисов и больших городов.

Опираясь на эти данные, можно высказать гипотезу о том, что в регионах в большей степени, чем на федеральном уровне, существуют предпосылки к проведению апробации механизмов и технологий формирования доверия к региональной и муниципальной власти, которые базируются на осознанном стремлении населения регионов реализовать свой оптимистический настрой на движение вперед к такому региональному будущему, которое будет проектироваться вместе с властью, бизнес-сообществом и региональными институтами гражданского общества.

Для того, чтобы власть в процессе принятия тех или иных политических решений могла купировать возможные негативные последствия, влекущие за собой снижение уровня доверия населения к ней, необходимо предложить такую методику оценки уровня доверия населения к власти, при использовании которой власть могла бы иметь достаточно релевантные сведения о реальном состоянии уровня доверия. В этом случае власть, обладающая объективным знанием об уровне доверия населения, получит в свое распоряжение инструменты рационального влияния на ключевые факторы, от которых зависит уровень доверия населения, имеющий сугубо бихевиористический характер.

Сегодня при оценке показателя доверия населения можно использовать следующий ряд методик идентификации уровней доверия к тем или иным органам власти, каждая из которых имеет свой специфический подход и идеологизированное целеполагание:

- федеральные рейтинги доверия политикам, оценки деятельности государственных институтов, отношения к партиям (ВЦИОМ², Левада-Центр³);

¹ Четверикова А. Социологи узнали мнение россиян о последствиях коронавируса // Российская газета. 5 ноября 2020. Федеральный выпуск: № 250(8304). URL: <https://u.to/qPJJHA> (дата обращения: 20.07.2022).

² Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ. URL: https://u.to/_exJHA (дата обращения: 20.07.2022).

³ Одобрение институтов, положение дел в стране, рейтинги партий и политиков // Левада-Центр. URL: <https://u.to/DO1JHA> (дата обращения: 20.07.2022). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

- индексы социального самочувствия населения (ВЦИОМ⁴), политические, экономические и социальные индикаторы (ФОМ⁵), которые ориентированы на выявление общественных настроений в целом по стране, но не учитывают региональные особенности;
- рейтинги политической устойчивости глав регионов (Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг»⁶), в рамках которых экспертами в основном оценивается доверие региональной власти с позиции федеральной власти, а не стороны населения;
- рейтинги губернаторов на основании заочного анкетирования, заочных и очных опросов представителей экспертного сообщества (Центр информационных коммуникаций «Рейтинг»⁷), в рамках которых оценивается не уровень доверия региональной власти, а определяется место глав субъектов РФ в национальном рейтинге с точки зрения специально отобранных экспертов федерального и регионального уровней, обладающих разными компетенциями – от писателей до общественных деятелей, исходящих из собственных субъективных суждений о позитивном/негативном влиянии тех или иных событий в регионах на место губернатора в национальном рейтинге, основывающих свое мнение не только на том, что может произойти, но и в надежде на то, что должно произойти.

Наиболее авторитетной иностранной организацией, которая на регулярной основе разрабатывает рейтинги доверия к правительствам разных стран, является Edelman Trust Barometer, опрашивающая в режиме «онлайн» более 30 тыс. респондентов из более 25 стран⁸. Однако следует отметить, что в этих рейтингах объективность оценки деятельности правительств находится под вопросом, так как отбор респондентов производится представителями Edelman Trust Barometer на основании только им известных критериев, что не исключает политическую предвзятость результатов.

Все указанные методы, которые сегодня федеральная власть в практическом плане использует для интегральной оценки показателя уровня доверия к власти при мониторинге эффективности деятельности высших руководителей субъектов Российской Федерации согласно Указам Президента России № 193⁹ и № 68¹⁰, фокусируются, как правило, на мониторинге глав регионов. Это означает, что из оценки исключаются чиновники среднего и нижнего уровней, от которых в значительной степени зависит способность региональной власти проводить в жизнь собственные политические решения. Кроме того, указанные методы фиксируют исключительно уровень доверия к власти на момент проведения опросов и исследований, при этом не раскрываются при-

⁴ Индексы социального самочувствия // ВЦИОМ. URL: <https://u.to/jO1JHA> (дата обращения: 20.07.2022).

⁵ Доминанты. Поле мнений // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Dominanty> (дата обращения: 20.07.2022).

⁶ Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг» :сайт. URL: https://u.to/U_1JHA (дата обращения: 20.07.2022).

⁷ ЦИК «Рейтинг» : сайт. URL: <https://u.to/fu1JHA> (дата обращения: 20.07.2022).

⁸ 2021 Edelman Trust Barometer // Edelman. URL: <https://u.to/jO1JHA> (дата обращения: 20.07.2022)..

⁹ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ : Указ Президента РФ от 25.04.2019 г. № 193 // Официальный сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44185> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁰ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ : Указ Президента РФ от 04.02.2021 г. № 68 // Официальный сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46402> (дата обращения: 20.07.2022).

чинно-следственные связи между содержанием и эффективностью реализации тех или иных региональных мероприятий и соответствующим изменением уровня доверия к власти.

Но если мы будем рассматривать интегральный показатель доверия населения к власти лишь с точки зрения социального самочувствия населения согласно результатов социологических опросов, или только по критерию «комфортности» того или иного руководителя региона для федерального центра, то мы упустим важную ценностную составляющую, характеризующую доверительность взаимоотношений между государством и обществом, основанную на схожем понимании базовых ценностей, принятых властью и обществом. Именно через осознание ценностного базиса (что такое «хорошо», а что такое «плохо») люди оценивают уровень своего благополучия, доступность здравоохранения, качество транспортной инфраструктуры, уровень доходов и т.д., сверяя реальность со своим субъективным представлением о том, как это благосостояние должно выглядеть в их городе, районе, регионе. Если власть ориентируется только на статистические данные, показывающие, например, среднедушевой доход населения за тот или иной период времени, количество населения, проживающего ниже черты бедности и другие формальные критерии, при этом игнорирует такие ценностные составляющие доверия, как открытость, прозрачность, отзывчивость власти к людям, то можно не сомневаться, что скоро у населения будет готов соответствующий электоральный ответ на властное высокомерие.

Как было отмечено ранее, повышение доверия населения прямо влияет на эффективность регионального социально-экономического развития, поэтому важно иметь объективную оценку этого доверия. Исходя из этого посыла, в процесс оценки доверия населения к власти целесообразно включить представителей гражданского общества и бизнеса, мнение которых сегодня практически не учитывается как при определении уровня доверия к главам регионов, так и при принятии ряда политических решений, прямо затрагивающих интересы этих социальных групп.

Отсюда важно разработать такие механизмы управления доверием к власти, пользуясь которыми власть, с одной стороны, могла бы в позитивном ключе влиять на общественное мнение, с другой стороны, оперативно принимать сигналы об изменении уровня доверия с тем, чтобы реагировать в случае необходимости исправления ситуации.

В этой связи исследование феномена «доверия населения к власти» в целях разработки методики интегральной оценки уровня доверия населения к главам и исполнительным органам государственной власти регионов велось по социально-экономическому и социальному направлениям. Концепция такой методики основывается на гипотезе, что уровень доверия населения к власти находится в прямой зависимости от степени приближения достигнутых текущих показателей к их целевому состоянию, согласованному властью, бизнесом и обществом в рамках соответствующего соглашения.

При этом подходе интегральная оценка уровня доверия будет складываться из усредненной оценки доверия по количественным показателям социально-экономического развития согласно федеральной и региональной (муниципальной) общественных повесток, а также оценки доверия по показателям качества социального взаимодействия власти, бизнеса и гражданского общества в регионе и муниципалитете. Такой подход позволяет в перспективе по мере накопления исходных данных выявить корреляцию уровня доверия населе-

ния к власти, полученного расчетным путем, с уровнем доверия населения к власти на основании исследования общественного мнения путем социологических опросов.

Исходным посылом для разработки концептуального подхода к методике расчета интегральной оценки доверия населения к власти является совместное с властью активное участие граждан в процессе формирования надлежащего образа будущего той или иной территории, представленного в формате основных социально-экономических и политических показателей развития территории, и последующей оценки гражданами реальной степени достижения этих показателей. Вовлечение гражданского общества в совместную с властью деятельность по конструированию собственного будущего будет способствовать не только более тщательному общественному контролю за исполнением согласованных в рамках соответствующего соглашения мероприятий, но и к более точной оценке уровня доверия населения к власти.

Представленный подход позволяет также вывести оптимальный способ оценки уровня доверия к власти: власть, бизнес-сообщество и представители гражданского общества должны достичь договоренности по надлежащему уровню следующих показателей:

- основные социально-экономические показатели, рассчитанные по специальной методике, утвержденной Правительством Российской Федерации от 3 апреля 2021 года № 542¹¹ и входящих в соответствующее соглашение с федеральным центром;
- социально-экономические показатели, связанные с решением ключевых региональных и муниципальных проблем и не входящие в перечень показателей, установленных федеральным центром;
- социальные показатели, выраженные качественными характеристиками, имеющими ценностный контекст, такими, как профессионализм, компетентность, эффективность деятельности, степень развитости обратной связи между сторонами, учет общественного мнения, открытость и прозрачность власти и многими другими.

Достигнутые договоренности между региональной властью, бизнесом и обществом закрепляются соответствующим соглашением. Далее надлежащий целевой уровень каждого показателя (сколько их будет, будут решать участники соглашения) можно принять за 100%, соответственно, текущий уровень показателя, рассчитанный по соответствующей методике, будет составлять долю от надлежащего целевого уровня, выраженную в процентах.

Исходя из гипотезы, что уровень доверия населения к власти находится в прямой зависимости от степени приближения достигнутых текущих показателей к их целевому состоянию, утвержденному в рамках соглашения, можно заявить, что интегральная оценка доверия к власти в целом дает, в том числе, и оценку уровня доверия к главам регионов или муниципалитетов, так как их деятельность в глазах населения ассоциируется с деятельностью всей власти. Следовательно, доверие к власти так или иначе проецируется и на доверие к главам соответствующих регионов или муниципалитетов.

¹¹ Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства РФ от 17 июля 2019 г. N 915 : Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2021 г. № 542 // Информационно-правовой портал «Гарант. Ру». URL: <https://u.to/C-NJHA> (дата обращения: 20.07.2022).

Доверие к власти как фактор социально-политической консолидации общества. Сегодня уровень социального доверия к власти находится на очень высоком уровне. Так, например, доля граждан России, доверяющих Президенту РФ В. В. Путину, в течение нескольких последних месяцев держится на уровне около 80%, а Председателя Правительства М. В. Мишустина – на уровне 63%¹².

На основании результатов этих социологических опросов можно выдвинуть гипотезу о наличии взаимосвязи доверия к власти и степени консолидации общества, которое перед лицом глобальных угроз все более ощущает себя единым народом. Действительно, чем выше становится вера людей в разумность проводимого национальным лидером курса, благодаря которому обеспечивается поступательное развитие страны, даже несмотря на относительное снижение уровня благосостояния во имя достижения великих целей, тем больше доверия у населения к национальному лидеру.

В целом понятно, что в случае проявления ряда объективных факторов, ухудшающих среднесрочное положение России по сравнению с первоначальными прогнозами, например, по устойчивости российской экономики перед санкциями и т.д., количество сомневающихся в правильности стратегических установок В. В. Путина может возрасти, что, в свою очередь, приведет к снижению уровня доверия к нему и, как следствие, к деконсолидации российского общества.

Поэтому важным представляется исследование взаимосвязи между доверием населения к власти в контексте его влияния на уровень консолидации общества.

Вообще, термин «консолидация» (от лат. *con* – вместе, *solido* – укрепляю) означает укрепление, поддержку, объединение групп людей с целью оптимизации совместной деятельности в борьбе за общие цели¹³. С позиций политической науки консолидацию можно представить, как сплочение граждан страны на основе внутреннего (ментального, ценностного) согласия по поводу понимания назревших общезначимых проблем и целей, детерминирующих их разрешение [13, с. 13]. В социологическом плане социальная консолидация включает в себя широкий спектр социальных явлений и процессов, связанных с актуализацией проблем социального доверия, социальной справедливости, межэтнического и межконфессионального согласия [14]. Из этого следует, что социальная консолидация предполагает присутствие в обществе таких духовно-нравственных и идейно-смысловых оснований, опирающихся на базовые и производные от них личностные и групповые ценности, которые фундируют власть и социальные группы, мобилизуя их на преодоление стоящих перед государством проблем, в том числе путем формирования политического согласия как условия стабильного и безопасного развития общества. Особенно значение социальной консолидации общества возрастает в условиях ускорения политической турбулентности и нарастания трансформационных рисков.

Консолидированное состояние общества достигается и поддерживается через два разнонаправленных вектора – вертикальной консолидации (социальный процесс устремляется от власти к обществу и обратно) и горизонтальной консолидации (консолидационный процесс совершает круговорот внутри

¹² Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ. 19 августа 2022. URL: <https://u.to/3-BJHA> (дата обращения: 20.07.2022).

¹³ Консолидация // Современный словарь по общественным наукам / Авт.-сост. О. Г. Данильян [и др.]. Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2020. С. 314.

сообществ и между сообществами) [15, с. 126]. В этой связи вертикальную консолидацию можно определить, как политическую, которая направлена на единение государственной власти и социума, а горизонтальную консолидацию – как социальную, направленную на снижение уровня острой общественной стратификации [16, с. 16]. В контексте настоящего исследования доверия населения к власти, уровень которого тесно связан с консолидацией общества по вертикальному и горизонтальному векторам, в дальнейшем более уместно говорить не просто о социальной, а о социально-политической консолидации общества, в рамках которой может быть налажен конструктивный диалог как между властью и обществом, так и между различными социальными группами общества.

Определяющее значение для оценки уровня социально-политической консолидации общества имеют факторы социально-экономического, социально-психологического и ценностного порядков, которые вступают между собой в отношения так называемой интерференции, взаимно усиливая или ослабляя некоторые параметры друг друга.

Среди социально-экономических факторов, влияющих на социально-политическую консолидацию общества, ключевым является социально-экономическая политика государства, реализуя которую государство создает благополучное и лояльное общество, укрепляет свою легитимность, формирует электоральную поддержку, минимизирует возможности социальных конфликтов на экономико-социальной почве и т.д. Это означает, что социально-экономические факторы имеют определяющее значение для уровня консолидации общества перед такими социокультурными аспектами социальной конъюнкции, как этничность, культура, религия, идеология и пр. [17, с. 15].

Социально-экономическая политика государства формирует у граждан чувство удовлетворенности жизнью, в то время как среди социально-психологических факторов, непосредственно влияющих на уровень социальной консолидации общества, ключевым является доверие между обществом и властью межгрупповое доверие, а в ряду ценностных факторов, определяющих уровень социальной консолидации общества, важнейшими являются базовые ценности человека, синтезированные из убеждений, верований и духа.

Важным источником ключевого фактора консолидации общества – высокого доверия людей к власти – является положительная оценка населением реальных действий власти по достижению стратегических социально-экономических показателей. Но следует помнить, что высокий уровень доверия людей к президенту и правительству может генерироваться не только из-за повышения ключевых социально-экономических показателей, но также и вследствие усилий власти, направленных на достижение субстанциональной ценностной цели – воссоздания величия российской державы. И если верно первое, то верно и обратное: инфантильность власти, недостаток целеустремленности и искренности в продвижении стратегической публичной повестки может привести власть к утрате доверия со стороны населения и, как итог, к поляризации общества, его распаду на отдельные социальные группы, спорящие друг с другом по вопросу якобы выбора путей повышения благосостояния общества, а, на самом деле, конфликтующие за право доступа тех или иных элитных групп к властным ресурсам.

Как правило, социально-политическая консолидация общества невозможна вне социального диалога власти, бизнеса и гражданского общества по ключевым вопросам социально-экономического развития: доходы граждан, социаль-

ное расслоение общества, коррупция, безработица, невнимательность власти к запросам граждан и т.д. Отсутствие или недостаточная эффективность такого социального диалога может стать причиной нарастания в российском обществе состояния тревоги, которая на фоне вероятного осложнения социально-экономических проблем способна спровоцировать людей на акты неповиновения властям внутри страны.

Сегодня мы видим более-менее благоприятную картину оценки населением политики властей. Так, например, за последние несколько месяцев снизилось количество людей, которых в целом не устраивает экономическая политика, которую проводят власти нашей страны (с 46% в ноябре 2021 года до 26% в конце июня 2022 года), уменьшилось количество граждан, которых в целом не устраивает социальная политика, которую проводят власти (39% в ноябре 2021 года и 23% в конце июня 2022 года), существенно снизилось количество людей, которых в целом не устраивает внутренняя политика нынешних властей (36% в ноябре 2021 года и 20% в конце июня 2022 года)¹⁴. Однако, с другой стороны, доля населения, которая оценивает политику властей, как «отчасти устраивает, отчасти нет», составляет в среднем около 30%, т.е. потенциал роста негативной оценки деятельности власти в обществе весьма существенный.

Анализ результатов приведенных здесь социологических опросов показывает, что сегодня так или иначе около трети российского общества находится в опасном лиминальном состоянии незавершенности перехода между различными порядками своей социальности, характеризующимся такими структурными, идентификационными и функциональными изменениями, которые порождают неустойчивость и рост конфликтности [18].

В этом контексте перед властями на первый план выдвигается проблема поддержания социальной устойчивости общества на долгосрочную перспективу, которая характеризуется созданием условий, препятствующих трансформации общества в социально-напряженное состояние, грозящее поляризацией позиций социальных групп, занимающих противоположные фланги общественного дискурса.

Заключение. На сегодняшний день задача формирования доверительных отношений между властью и обществом является краеугольной не только для целей обеспечения устойчивости регионального социально-экономического развития, но и для уверенного вхождения России в новую модель миропорядка, тестируемую сегодня ведущими глобальными державами. Доверие населения к власти и социальная напряженность в обществе взаимосвязаны и взаимообусловлены друг с другом: энтропия социальных конфликтов ослабляет доверие, недоверие к власти блокирует созидательный порыв общества.

Устойчивость политической системы, особенно в условиях глобального кризиса, в первую очередь, зависит от уровня доверия граждан к политическим лидерам, к государственным структурам, принимающим судьбоносные политические решения. Но с другой стороны, мы убедились и в том, что доверие является не только признаком одобрения достижений власти в деле повышения уровня благосостояния населения, но обусловлено еще и операционной транспарентностью власти, мерой ее отзывчивости на запросы людей и степенью вовлеченности граждан в процессы формирования актуальной общественной повестки дня.

¹⁴ Оценка властей // ВЦИОМ. URL: <https://u.to/HfFJHA> (дата обращения: 20.07.2022).

В этом смысле мы целиком согласны с выводом А. И. Соловьева, который заявил, что идентификация сущности государства и характера его отношений с обществом возможны только на основании рассекречивания процесса принятия государственных решений [19, с. 238].

Однако для того, чтобы рассекретить, сделать публичным процесс принятия государственных решений, не касающихся прямо вопросов национальной безопасности (понятно, что участие граждан в принятии политического выбора в этой части затруднено), власти и гражданам необходимо создать такой эффективный механизм взаимодействия, который обеспечит принятие конструктивных решений, предполагающих совместную гражданско-государственную ответственность за достижение надлежащего образа будущего. В качестве соглашения, в рамках которого заинтересованные политические акторы фиксируют свое моральное согласие привести надлежащее общества в соответствие с возможностями политической системы, мы предлагаем использовать формат общественного договора, предусматривающего солидарную ответственность не только власти, но и самих граждан за его «достижимость» в политико-экономическом измерении.

Другой важной, на наш взгляд, особенностью общественного договора может стать его включение в систему государственного управления на региональном уровне с целью фиксации в нем системы личных и общественных социокультурных ценностей. В этом случае региональный общественный договор станет территориально-связующим, общественно-консолидирующим и выгодо-балансирующим каркасом долгосрочной устойчивости регионального общества с учетом его региональной идентичности.

Региональный общественный договор будет выполнять роль меморандума, в котором декларируется справедливое соблюдение политических интересов региональных субъектов и групп, принимающих участие в его формировании, в течение всего процесса достижения надлежащего образа регионального общества. По нашему мнению, групповая ответственность заинтересованных в достижении надлежащего целевого состояния общества региональных акторов означает принципиальное переустройство у граждан внутренних форм контроля собственной деятельности, приобретения гражданами таких черт личности, при которых все принимаемые решения будут соотноситься с личной и групповой системами ценностей, формируя тем самым чувство гражданской ответственности за последствия своих действий.

Библиографический список

1. Ильичева, Л. Е., Кондрашов, А. О., Лапин, А. В. Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 162-185. DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1917](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917). EDN [FQBHLX](https://www.edn.ru/FQBHLX).
2. Algan, Y., Cahuc, P. Trust, Well-Being and Growth: New Evidence and Policy Implications // Handbook of Economic Growth. Elsevier, 2014. Vol. 2. Pp. 49-120. DOI [10.1016/B978-0-444-53538-2.00002-2](https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00002-2).
3. Доверие в пяти ракурсах : Материалы научного семинара «Реалистическое моделирование» // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2019. № 2(716). 75 с.
4. Фукуяма, Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. Москва : АСТ, 2004. 736 с. ISBN 5-17-024084-8.
5. Buell, R. W., Porter, E., Norton, M. I. Surfacing the Submerged State: Operational Transparency Increases Trust in and Engagement with Government // Harvard Business School Marketing Unit Working Paper No. 14-034. January 26, 2020. 42 p. DOI [10.2139/ssrn.2349801](https://doi.org/10.2139/ssrn.2349801).

6. Vallier, K. Social and political trust: Concepts, Causes and Consequences // Niskanen Center. April 2019. URL: https://www.niskanencenter.org/wp-content/uploads/old_uploads/2019/05/Vallier-Social-and-Political-Trust-Niskanen.pdf (дата обращения: 20.07.2022).
7. Комаровский, В. С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 45-50. DOI [10.31171/vlast.v28i1.7041](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7041). EDN JLPADV.
8. Санина, А. Г., Закарян, А. Г., Обидовский, О. В. Государственная идентичность выпускников экономических и гуманитарных вузов Санкт-Петербурга // Вопросы образования. 2012. № 3. С. 217–240. DOI [10.17323/1814-9545-2012-3-217-240](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-3-217-240). EDN PEKJGP.
9. Дробизева, Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. Москва : Новый хронограф, 2013. 336 с. ISBN 978-5-94881-211-3. EDN PVJALN.
10. Петрова, В. Н. Изучение образа будущего: методологические проблемы и пути решения // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 6-10. EDN KVYJHX.
11. Леонтьев, А. Н. Философия психологии : Из научного наследия. Москва : Изд-во МГУ, 1994. 287 с. ISBN 5-211-02628-4.
12. Lakoff, G. Don't think of an elephant. Know Your Values and Frame the Debate. Vermont : Chelsea Green Publ., 2004. 144 p. ISBN 978-1931498715.
13. Агеева, Е. А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (на примере полиэтничного региона) : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Агеева Екатерина Александровна. Москва, 2004. 25 с. EDN ZNPHGX.
14. Узунов, В. В. Социальная консолидация в фокусе научно-исследовательского дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 118-124. EDN OZDUWX.
15. Кармадонов, О. А., Зверев, М. К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 223 с. ISBN 978-5-9624-0575-9. EDN QOQBGD.
16. Павлов, Д. Ю. Социально-политическая консолидация современного российского общества: теория, опыт, проблемы : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Павлов Дмитрий Юрьевич. Москва, 2013. 26 с.
17. Аносов, С. С. Консолидация как социальный феномен : социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Аносов Сергей Сергеевич. Чита, 2019. 22 с.
18. Сморгунов, Л. В. Политическое «между»: феномен лиминальности в современной политике // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 159-169. EDN PBMERZ.
19. Соловьев, А. И. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. Москва : Аспект Пресс, 2021. 256 с. ISBN 978-5-7567-1125-7. EDN XWKWQS.

Дата поступления в редакцию: 01.08.2022.

Принята к печати: 07.09.2022.

Сведения об авторах:

Людмила Ефимовна Ильичева, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: lilitcheva@mail.ru

Author ID РИНЦ: 331456

ORCID: 0000-0002-0223-6418

Андрей Викторович Лапин, кандидат политических наук, доцент кафедры управления проектами и программами, факультет государственного управления экономикой, Институт государственной службы и управления, РАНХиГС. Москва, Россия.

e-mail: av.lapin@igsu.ru

Author ID РИНЦ: 1104998

ORCID: 0000-0002-9663-3763

L. E. Ilicheva¹, A. V. Lapin²

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
Moscow, Russia.

TRUST IN THE AUTHORITIES AND SOCIAL CONSOLIDATION OF SOCIETY

Abstract. The article examines the relationship between the phenomenon of “trust in power” and the level of socio-political consolidation of society. The starting point of the study was the publications of French economists J. Algan and P. Cahuc, as well as American scientists M. Norton and R. Buell, in which the authors pointed out the relationship between the level of trust in society and the degree of effectiveness of political and socio-economic activities of the authorities. Based on the analysis of these data, the article formulates the directions according to which it is advisable to build work to increase the level of public confidence in the authorities: the manifestation of responsiveness of the authorities to people’s requests; improvement of operational transparency of the authorities; current activities focused on improving people’s well-being. As a point of assembly of the interests of the government and society, it is proposed to use an appropriate image of the future, which can be integrated into the system of public administration, giving it a quantitative and qualitative assessment. In this case, the proper image of the future will be a goal setting not only for the authorities, but also for citizens in the search for an optimal balance of civil-state identity. The conceptual issues of measuring the level of public confidence in the government are also considered, mechanisms for ensuring socio-political consolidation of society within the framework of a social dialogue between government, business and civil society on the basis of a regional social contract are proposed.

Keywords: trust, social-political consolidation, social contract, image of the future, social tension.

For citation: Ilicheva L.E., Lapin A.V. (2022) *Trust in the authorities and social consolidation of society. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 3. Pp. 50-67. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.4*

References

1. Ilicheva, L. E., Kondrashov, A. O., Lapin, A. V. (2021) Trust as a Bridge Over the Uncertainty Gap Between the Government and Society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. Pp. 162-185. DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1917](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917) (in Russ.).
2. Algan, Y., Cahuc, P. (2014) Trust, Well-Being and Growth: New Evidence and Policy Implications. In: *Handbook of Economic Growth*. Elsevier. Vol. 2. Pp. 49-120. DOI [10.1016/B978-0-444-53538-2.00002-2](https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00002-2) (in Eng.).
3. Trust in five perspectives. Materials of the scientific seminar “Realistic Modeling”. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii FS RF*. 2019. No. 2(716). 75 p. (in Russ.).
4. Fukuyama, F. (2004) *Trust. The social virtues and the creation to prosperity*. Transl. from Eng. Moscow, AST Publ. 730 p. ISBN 5-17-024084-8 (in Russ.).
5. Buell, R. W., Porter, E., Norton, M. I. (2020) *Surfacing the Submerged State: Operational Transparency Increases Trust in and Engagement with Government*. Harvard Business School Marketing Unit Working Paper No. 14-034. January 26. 42 p. DOI [10.2139/ssrn.2349801](https://doi.org/10.2139/ssrn.2349801) (in Eng.).
6. Vallier, K. (2019) Social and political trust: Concepts, Causes and Consequences. *Niskanen Center*. URL: https://www.niskanencenter.org/wp-content/uploads/old_uploads/2019/05/Vallier-Social-and-Political-Trust-Niskanen.pdf (in Eng.).
7. Komarovskiy, V. S. (2020) Image of the desired future of Russia: problems of formation. *Vlast' [The Authority]*. Vol. 28. No. 1. Pp. 45-50. DOI [10.31171/vlast.v28i1.7041](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7041) (in Russ.).
8. Sanina, A. G., Zakaryan, A. G., Obidovskiy, O. V. (2012) State identity of graduates of economic and humanitarian universities of St. Petersburg. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*. No. 3. Pp. 217-240. DOI [10.17323/1814-9545-2012-3-217-240](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-3-217-240) (in Russ.).

9. Drobizheva, L. M. (2013) *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiiskoi Federatsii. Opyt 20 let [Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. Experience of 20 years]*. Moscow, Novy Chronograph Publ. 336 p. ISBN 978-5-94881-211-3 (in Russ.).
10. Petrova, V. N. (2009) The future model's studying: the methodological problems and the ways of them solution. *Siberian Journal of Psychology*. No. 32. Pp. 6-10 (in Russ.).
11. Leontiev, A. N. (1994) *Filosofiya psikhologii : Iz nauchnogo naslediya [Philosophy of psychology: from the scientific heritage]*. Moscow, MSU Publ. 287 c. ISBN 5-211-02628-4 (in Russ.).
12. Lakoff G. (2004) *Don't think of an elephant. Know Your Values and Frame the Debate*. Vermont, Chelsea Green Publ. 144 p. ISBN 978-1931498715 (in Eng.).
13. Ageeva, E. A. (2004) *Political aspects of consolidation of modern Russian society (on the example of a multiethnic region)*. Abstract of Candidate Degree Thesis. Moscow. 25 p. (in Russ.).
14. Uzunov, V. V. (2019) Social consolidation in the framework of research discourse. *Social and humanitarian knowledge*. No. 7. Pp. 118-124 (in Russ.).
15. Karmadonov, O. A., Zverev, M. K. (2012) *Konsolidacija rossiyskogo obschestva: potoki i pregrady [Consolidation of Russian Society: the Flows and Barriers]*. Irkutsk, ISU Publ. 223 c. ISBN 978-5-9624-0575-9 (in Russ.).
16. Pavlov, D. Yu. (2013) *Socio-political consolidation of modern Russian society: theory, experience, problems*. Abstract of Candidate Degree Thesis. Moscow. 26 p. (in Russ.).
17. Anosov, S. S. (2019) *Consolidation as a social phenomenon: socio-philosophical analysis*. Abstract of Candidate Degree Thesis. Chita. 26p. (in Russ.).
18. Smorgunov, L. V. (2012) Political between: the phenomenon of liminality in contemporary politics. *Polis. Political Studies*. No. 5. Pp. 159-169 (in Russ.).
19. Soloviev, A. I. (2021) *Politika i upravlenie gosudarstvom. Ocherki teorii i metodologii [Politics and government. Essays on theory and methodology]*. Moscow, Aspect Press. 256 p. ISBN 978-5-7567-1125-7 (in Russ.).

The article was submitted on August 01, 2022.

Accepted on September 07, 2022.

Information about the authors:

Liudmila E. Illicheva, Doctor of Political Sciences, Professor, Main researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: lilicheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0223-6418

Andrey V. Lapin, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Faculty of State Economic Management, Faculty of State Audit, Institute of Public Administration and Civil Service, RANEPА. Moscow, Russia.

e-mail: av.lapin@igsu.ru

ORCID: 0000000296633763

DOI 10.19181/nko.2022.28.3.5

EDN OZOJRU

УДК 316.4.066

Д. Монд¹

Независимый исследователь.

Москва, Россия.

ТЕОРИЯ УСЛУГИ – ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Аннотация. Задачей данной статьи является формулирование теории социального капитала, с целью разрешить хотя бы часть существующих сегодня в этой области знания противоречий и проблем. Предлагаемая концептуализация имеет потенциал разрешить следующие вопросы: 1) Невозможность свести рациональное и иррациональное начала социального капитала к одному знаменателю; 2) Неясность связи между микро- и макроанализом; 3) тавтология в определении, когда социальный капитал определяется через его следствия; 4) невозможность свести проявления социального капитала к единому основанию; 5) предвзятая позитивность; и другие. Сначала автор предлагает определить социальный капитал через понятие готовности оказать услугу, которая подразумевает его базовым ресурсом (социальным ресурсом). Затем раскрывается тема источников этой готовности, которыми, по мнению автора, являются симпатия и доверие к социальной единице (человеку, группе, компании, тд.). Следующим вводится понятие инфраструктуры социального капитала, роль которой заключается в обеспечении накопления социального капитала и его передачи между членами сети. Инфраструктура состоит из двух уровней – социальная сеть в целом и межличностные отношения в частности. На первом уровне накапливаются общие симпатия и доверие, на втором – личные симпатия и доверие. Затем освещается вопрос извлечения пользы из социального капитала (активация, использование). После приводятся примеры совместимости данной теории с уже существующими концепциями. В заключении автор делает вывод, что предлагаемая концепция хорошо разрешает многие ключевые противоречия и проблемы науки о социальном капитале.

Ключевые слова: социальный капитал, теория, концепция, проблемы, источники, определение, активация, доверие, симпатия, готовность услуги.

Для цитирования: Монд Д. Теория услуги – теория социального капитала // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 68-80. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.5. EDN OZOJRU

Противоречия и сложности науки о социальном капитале. После десятилетий пристального внимания к социальному капиталу (далее СК), мы по-прежнему не имеем его единого определения. При этом разница в подходах отнюдь не в деталях – существующие концепции разнятся радикально. Достаточно взглянуть на несколько определений СК (перевод всех цитат в тексте авторский):

- «...особенности социальной организации, такие как сети, нормы и социальное доверие, которые облегчают координацию и сотрудничество для взаимной выгоды» [1, с.67];
- «...совокупность реальных или потенциальных ресурсов, привязанных к обладанию прочной сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – или, другими словами, к принадлежности к группе, – что обеспечивает каждому члену поддержку коллективного капитала...» [2, с. 21];

- «...определяется его функцией. Это не единое целое, а множество различных образований, имеющих две общие характеристики: все они состоят из некоторого аспекта социальной структуры, и они облегчают определенные действия индивидов, которые находятся внутри структуры» [3, с. 302];
- «...информация, доверие и нормы взаимности в социальных сетях» [4, с. 153];
- «...друзья, коллеги и более общие контакты, через которых вы получаете возможности использовать свой финансовый и человеческий капитал» [5, с. 9];
- «...сумма фактических и потенциальных ресурсов, заложенных внутри, доступных через и полученных из сети отношений, которыми обладает индивид или социальная единица» [6, с. 243];
- «...это проявленная неформальная норма, которая способствует сотрудничеству между двумя или более людьми» [7, с. 7].

Эти разночтения на концептуальном уровне приводят к тому, что теоретические и эмпирические изыскания авторов идут в разных направлениях, что приводит всю область знания в состояние разобщенности.

Одним из ключевых противоречий является вопрос причинно-следственной связи. Одни видят в СК скорее *предпосылку* к тому, чтобы окружающие делали нашу жизнь лучше теми или иными действиями [1; 7], а для других он представляет скорее сами эти полезные *действия* (или ресурсы) [2]. Третьи вовсе не проводят ясной границы [8; 9; 10].

Единогласия нет и относительно того, что является хранилищем СК. Одни считают, что он накапливается на межличностном уровне (между лично знакомыми людьми) [11], тогда как другие указывают на уровень соц. сети в целом (между членами коллектива, не обязательно знакомыми) [1; 3]. Третьи поддерживают компромиссный [7] или двусмысленный [2] подходы.

Другой источник противоречия – необходимость примирить в рамках одной концепции рациональное и иррациональное начала. Коулман и его последователи смотрели на СК через призму теории рационального выбора (*rational choice theory*), которая по определению исключает или по меньшей мере не может объяснить все те блага, которые приходят в нашу жизнь на бескорыстной основе. Например, помощь бездомным является проявлением СК, но ее трудно объяснить в терминах личной выгоды. Косвенно это отметил и Бурдье [2, с. 15-16]. В то же время было ясно, что разум и расчет тоже являются частью СК – если коротко, дилемма заключенных.

Говоря о проблемах современного понимания СК, Кларидж пишет: «Основная критика теории социального капитала состоит в том, что она не является ни социальной, ни капитальной, ни теорией. ... Кроме того, утверждалось, что его невозможно измерить, что проблемы цикличности делают его тавтологией и что возможность положительных или отрицательных результатов делает его зависимым от контекста. Некоторые аспекты объективны, но другие субъективны. Некоторые из них являются когнитивными, но другие являются докогнитивными. Социальный капитал может быть рациональным, дорациональным или даже нерациональным. Это говорит о том, что социальный капитал – это скорее обобщающая концепция, чем функционирующая теория» [12].

На решение именно этой проблемы – концептуализации – и нацелена данная статья.

Определение. В понимании автора, СК – это предпосылка к действию (причина), а само действие является лишь его воплощением в действительности (следствием). СК можно сравнить с потенциалом, который раскрывается

через конкретные действия. Если сосед *готов* одолжить нам машину – у нас уже есть СК. Если он нам ее одолжил – наш СК реализовался.

Что касается второго противоречия – места хранения СК – мы можем накопить его как на межличностном уровне, так и на уровне соц. сети. Предпосылкой к тому или иному положительному действию человека по отношению к нам может быть как высокое качество наших личных отношений, так и высокое качество соц. сети, к которой мы оба принадлежим. Во втором случае человек может даже не знать нас лично и тем не менее сделать что-либо хорошее.

Противоречие рациональности автор разрешает через введение понятия *готовности оказать услугу*, которая может быть как корыстной, так и бескорыстной. Если человек готов оказать нам *бескорыстную* услугу, мы имеем дело с иррациональной частью СК. Если же он готов оказать нам *корыстную* услугу (в своих интересах), речь идет о рациональной составляющей.

С учетом этих трех вводных определение принимает следующую форму:

Социальный капитал социальной единицы (человека, группы, компании, страны и т.д.) – это накопленная на уровне либо общей социальной сети, либо личных отношений готовность других социальных единиц оказать ей корыстную или бескорыстную услугу.

Ниже приведены аргументы в пользу такого понимания СК.

Примечание: Понятие *услуги* следует понимать в максимально широком смысле – «сделать хорошо», что бы это ни значило в разных контекстах. Услугой может быть комплимент, одолжение машины, подарок, передача опыта, помощь, прощение, подчинение, покровительство и т.д.

Отношение к другим видам капитала. Одним из источников разногласий является сам термин «капитал». Изначально он был лишь метафорой, популяризированной Патнэмом [1], однако со временем многие увидели основания для отождествления, но не все. Некоторые исследователи сомневаются в уместности этого термина [13, с. 137].

По мнению автора, есть весомые основания проводить параллели между социальным капиталом и другими его видами – физическим и человеческим. Во всех трех случаях речь идет о некоем ресурсе, который мы можем копить, а затем извлекать из него пользу в рамках соц. взаимодействия (в частности, обращать в другие формы капитала и получать прибыль, при этом не расходуя актив полностью).

В случае физического капитала ресурсом являются любые материальные объекты, которые могут быть задействованы в производстве товаров или услуг (в рамках статьи автор для удобства сюда же относит их эквивалент – деньги). В случае человеческого капитала ресурс – это знания, навыки, воспитание, время, здоровье тела и духа и другие атрибуты непосредственно человека. А ресурсом СК является *готовность оказать услугу* (далее соц. ресурс или ГОУ), под которой среди прочего понимается готовность передать физические и человеческие ресурсы.

При этом нашу жизнь лучше делают не сами деньги, а то, что мы на них покупаем. То же относится и к знаниям или навыкам – не важно сколько их у нас, пока мы не найдем им применение, наша жизнь не станет лучше. Так и с готовностью людей оказать нам услугу. Вокруг нас могут быть тысячи людей с высочайшей готовностью нам помочь, но они могут не знать, что нам нужна помощь. Либо они это знают, но у них может не быть удобной возможности это сделать. Проще говоря, соц. ресурс мало накопить, из него еще нужно суметь извлечь пользу, как и в случае других видов капитала.

По этим причинам автор считает параллель с привычными нам формами капитала обоснованной и полезной.

Источники готовности оказать услугу. По мнению автора, люди могут быть готовы оказать услугу только по двум причинам – симпатия и выгода. Если мы нравимся человеку, он будет готов оказать нам бескорыстную услугу. Если мы можем предложить человеку что-либо ценное взамен, он будет готов оказать нам корыстную услугу (взаимовыгодный обмен).

- **Симпатия.** От кого мы, как правило, получаем самую бескорыстную и безусловную помощь? От родителей. Они добровольно несут издержки, всячески помогая нам, потому что они нас любят. По этой же причине нам помогают возлюбленные, братья, сестры, дети. Более того, по этой же причине нам помогают друзья и поклонники, просто в этих случаях вместо слова любовь мы говорим о солидарности, уважении, восхищении и подобном. Но в сущности, все это разные грани и разные степени одного и того же чувства – *симпатии*. Мы нравимся этим людям, поэтому они *готовы оказать нам бескорыстную услугу*.

Во избежание двусмысленностей нужно дать симпатии определение. В рамках данной статьи ее следует понимать не как сочувствие (согласно греческому корню), а как существительное от глагола «нравиться» (нравление, если угодно, или *liking*). В силу своей интуитивности это явление не имеет единого определения, но его базовая идея довольно очевидна. В сущности «нравиться» значит доставлять удовольствие, делать приятно. Следовательно, симпатия – это реакция на удовольствие. Чем его больше, тем сильнее симпатия. Это применимо как к социальным единицам (человек, компания), так и к предметам, явлениям (кресло, погода).

Хотя источники симпатии (причины) не являются непосредственной темой данной статьи, будет полезно привести ряд примеров. Первый источник – это эффект подоболбия (*homophily*), который давно известен и хорошо изучен [14]. Люди склонны симпатизировать тем, кто на них чем-либо похож – возраст, внешность, убеждения и т.д. Обычно этот вид симпатии называют *солидарностью*. Например, давно замечено, что дружба быстрее формируется между детьми, похожими по демографическим характеристикам [14, с. 416].

Второй источник – это норма взаимности (*norm of reciprocity*). Есть все основания полагать, что естественный отбор заложил на уровне нашего подсознания норму, согласно которой мы проникаемся симпатией к тем, кто бескорыстно делает нам что-либо хорошее (альтруизм) [15]. По-видимому, именно эта иррациональная симпатия опосредует получение добра и его возвращение, даже когда это не имеет смысла с точки зрения выгоды. Обычно мы называем это *благодарностью*, которую автор считает видом симпатии. Сюда можно отнести персонализированный подарок (нешаблонный), который Бурдые привел в качестве примера инвестиции, способной в будущем принести возврат в виде денег или в другой форме [2, с. 25].

Следующий вид можно назвать *эстетическим*. Очевидный пример – внешность человека, которая может служить источником симпатии к нему [16; 17]. Это лишь несколько примеров.

Что касается связи между наличием симпатии к объекту и готовностью оказать ему бескорыстную услугу, часто ее объясняют неосознанным стремлением субъекта способствовать выживанию и распространению либо непосредственно своего генотипа, либо похожего [15]. К примеру, было обнаружено, что генотипы друзей (не кровные родственники, которые иногда отдают друг

за друга жизнь) совпадают на уровне четвероюродных братьев/сестер [18]. Но это объясняет лишь услуги людям, но не социальным единицам в целом. Более широкое и интуитивное объяснение сводится к желанию сохранить или приблизить источник удовольствия. Если нам нравится человек или компания, мы постараемся им не вредить (забота, защита, прощение) и/или сделаем что-либо хорошее в надежде максимизировать удовольствие (комплимент, рекомендация, помощь и пр.). Поэтому, строго говоря, услуги на основе симпатии не являются бескорыстными. Отличие от чисто корыстных услуг лишь в уровне осознанности.

Симпатия (и бескорыстная помощь на ее основе) давно признается важным элементом СК. Например, Грановеттер вводит понятие отношенческой встроенности (*relational embeddedness*) среди прочего для того, чтобы включить в анализ эмоциональную составляющую [8, с. 34]. Бурт указывает на смысловое различие связи и ее содержания, намекая на то, что важен не только факт связи с человеком, но и ее качество [9, с. 50]. По-видимому, через введение понятий выразительного действия (*expressive action*) [10, с. 244] и отношенческой рациональности (*relational rationality*) [10, с. 155] Лин тоже пытался встроить в свою теорию элемент бескорыстной помощи. А Бурдьё прямо говорил о субъективно воспринимаемых обязательствах вроде благодарности, уважения, дружбы [2, с. 22].

Из известных автору работ ближе всего к его пониманию роли симпатии приблизился Шмид, который пишет, что СК – это симпатия человека или группы к другому человеку, которая может для него обусловить более выгодные условия обмена в сравнении с беспристрастным взаимодействием. Например, позволяя о себе заботиться, человек извлекает пользу из благосостояния других, иногда ничего не отдавая взамен [11, с. 750]. Однако в рамках настоящей теории СК определяется шире, чем одна лишь симпатия.

Связь симпатии с ГОУ была не раз выявлена экспериментально. Шмид приводит в пример свое исследование, где людей просили назвать цену, за которую они были бы готовы продать свою машину ряду гипотетических покупателей. Цена росла по мере уменьшения близости (симпатии) – член семьи, друг, сосед, неприятный сосед [11, с. 751]. Бурт в свою очередь заметил, что раннее повышение в большой компании положительно коррелировало с посредничеством (*brokerage*) в сетях личных отношений, но не было связано с положением в инструментальных сетях (корыстные взаимоотношения) [9, с. 54]. Анализ популизма выявляет важность эффекта «глас народа» (*vox populi*) для заручения политической поддержкой. Кандидаты не только поднимают темы, волнующие электорат, но и используют при этом привычный целевой аудитории язык, чем вызывают солидарность, которая ведет к бескорыстной услуге в виде голоса (хотя часто голосование является корыстной услугой) [19]. Литература по управлению также содержит примеры того, как воспринимаемое подобие между лидером и подчиненным предсказывает качество их взаимодействия, а значит, и профессиональный успех обоих [20, с. 412]. Что касается симпатии к другим социальным единицам, можно привести пример бренда (образ компании). Исследования показывают, что любовь к бренду ведет к рекомендациям по сарафанному радио, лояльности бренду, готовности платить премиальную цену и прощать ошибки компании [21]. При этом лояльны компании могут быть не только клиенты, но и ее сотрудники. Страны тоже вызывают к себе симпатию разной силы, как от своих граждан (патриотизм), так и от иностранцев (бренд страны в мире), что в теории должно объяснять разницу в объеме бескорыстных услуг в их отношении.

Можно заключить, что симпатия к социальной единице действительно ведет к повышению готовности субъекта оказать ей бескорыстную услугу.

Примечание: Важно отметить, что у симпатии есть противоположность – *антипатия* (вражда, ненависть), которая выражается в *готовности навредить*. Это не темная сторона (dark side) СК, которая означает, грубо говоря, плохие последствия хороших отношений, а именно плохие отношения, которые, вероятно, тоже имеют светлую сторону. В одной работе на эту тему антипатия была концептуализирована как обязательство (liability) в противоположность СК, который часто описывают как актив (asset) [22]. То есть наличие врагов понимается не как *отрицательный* СК, а как некая противоположность вроде социального *долга*, или лучше – *балласта*. Эта смежная тема изучена слабее.

- Доверие. Почему работодатель платит нам зарплату? Почему повар готовит для нас еду? Почему коллега помогает с проектом? Выгода. Повар получит от нас деньги, работодатель выполненную задачу, а коллега ответную помощь. Выходит, что если мы обладаем каким-то ценным ресурсом (деньги, знания и пр.), окружающие будут готовы оказать нам *корыстную* услугу – взаимовыгодный обмен. Звучит логично, но это не совсем так. Если копнуть глубже, мы обнаружим, что такой обмен возможен только в том случае, если обе стороны уверены, что он действительно состоится и при этом будет выгодным. Иными словами, мало иметь ценные ресурсы, нужно еще внушить уверенность другой стороне в том, что мы не обманем и не подведем.

Если же говорить совсем строго, то наши ресурсы здесь не имеют значения вовсе – *готовность* оказать нам корыстную услугу зависит только от *доверия* к нам. Например, если мы некомпетентны, но при этом убедили работодателя в том, что обладаем нужными знаниями, он будет готов дать нам аванс, то есть оказать корыстную услугу. Однако если мы, наоборот, компетентны, но при этом работодатель в это не верит, он не будет готов с нами сотрудничать. Поэтому ключевым условием *готовности* оказать корыстную услугу является доверие. Бурдые отлично проиллюстрировал эту идею на примере самоучки, которому все время нужно доказывать свои знания, поскольку у него нет диплома [2, с. 20-21]. К слову, для Бурдые диплом – это институционализированный *культурный* капитал, а для автора это пример общего СК (детали ниже).

Доверие, как и симпатия, является интуитивным и широким понятием, в которое часто включают множество под-идей, поэтому концепции разнятся [6, с. 254; 9, с. 93, 10; с. 147; 23]. В рамках данной статьи доверие понимается как *уверенность в том, что объект не сделает плохо*, что бы это *плохо* ни значило в разных контекстах. Это широкое определение позволяет включить в анализ не только людей, но и социальные единицы вроде компаний.

Например, если мы оставляем двери жилья открытыми, значит, мы уверены, что соседи ничего не украдут, не испортят, не расскажут об этом третьим лицам и т.д. Мы им доверяем. Если мы ведем важного гостя в определенный ресторан, мы уверены, что повар нас не разочарует. Мы ему доверяем. Если мы отдаем предоплату компании, мы уверены, что качество ее услуги будет *не хуже* наших ожиданий. Мы ей доверяем.

Нужно подчеркнуть, что доверие немислимо вне контекста. Доверие одному и тому же человеку в разных контекстах подразумевает разные ожидания. Например, если наш сосед работает поваром, мы можем доверять ему как соседу (не украдет), но не доверять как повару (может разочаровать с блюдом). Еще доверие субъективно – в одном и том же контексте разные люди будут вкладывать в него разные ожидания.

Что касается источников доверия, это не основная тема статьи, поэтому автор ограничится парой примеров здесь и несколькими дальше по тексту. Основным источником доверия соц. единице является история взаимодействия, которая позволяет предсказать ее поведение [9, с. 99]. Также доверию способствует рекомендация (форма социального доказательства).

Связь между наличием доверия и ГОУ объясняется следующим образом. Прежде чем сторона согласится на взаимовыгодный обмен, она должна быть уверена, что получит обещанное взамен. Чем выше эта уверенность получить выгоду, тем выше будет желание меняться (оказать услугу). Эта предельно простая идея не нова. Многие авторы включают доверие (и сотрудничество) в свои концепции СК. Лин говорит о репутации [10, с. 150], Грановеттер об отношенческой встроенности (relational embeddedness) [8], Коулман пишет о кредитных чеках (credit slips) [3] и т.д.

Литература изобилует эмпирическими подтверждениями. Например, была описана тенденция гонконгских компаний, выходящих на рынок материкового Китая, быстрее выбирать между альтернативными партнерами, если информация поступает от семьи или близких друзей, а не от случайных знакомых [9, с. 100]. Совместные предприятия живут дольше, если фирмы до этого уже вели другой совместный бизнес. Контракты между организациями со временем становятся гибче. Есть компьютерные симуляции, показывающие, как по мере взаимодействия укрепляется доверие между людьми [9, с. 101].

Всем знакомый пример – это банковское кредитование. Чем выше кредитный рейтинг (доверие) социальной единицы, тем выше будет готовность банка выдать кредит (сделать услугу), что отражается в более низкой ставке. Если компания пользуется доверием, люди будут охотнее платить ей деньги в обмен на ее товары и услуги (оказывать ей корыстную услугу) [24]. При прочих равных мы купим билет на концерт более известного пианиста, потому что ниже вероятность разочароваться (не получить ожидаемую выгоду). Можно смело заключать, что доверие объекту повышает готовность оказать ему корыстную услугу.

Примечание: Противоположность доверию – это опасение, которое снижает готовность сотрудничать или исключает его. Важно отделить его от недоверия, которое означает отсутствие доверия, но не обязательно опасение. Вместе с антипатией опасение составляет *социальный балласт*.

- Завершающие мысли к разделу. Величина ГОУ зависит только от этих двух переменных – симпатии и доверия. Если соц. единица обладает первым, люди будут готовы оказать ей бескорыстную услугу, если вторым – корыстную. Чем больше людей симпатизируют и доверяют соц. единице и чем выше эти симпатия и доверие, тем выше ее СК. Стоит отметить, что совокупность ресурсов во владении всех этих людей не имеет отношения к СК, как об этом пишет Бурдье [2, с. 21]. СК открывает доступ к ресурсам окружающих, а их количество – это отдельный вопрос.

Но как объяснить принуждение? Ведь власть – способность субъекта навязать свою волю – тоже повышает готовность объекта оказать услугу, корыстную или бескорыстную. Если вдуматься, суть принуждения в обещании – либо *сделать* что-либо неприятное (угроза), либо *прекратить* это делать. Если объект не верит в обещание, ему не будет смысла оказывать услугу (подчиняться). Если автор ничего не упускает, то принуждение хорошо объясняется терминами корыстной услуги.

Имеет ли СК, например, машина? Ведь она может быть красивой и надежной, то есть иметь симпатию и доверие владельца. Ответ – нет. Капитал – это

не ресурсы, а способ их использования. Машина имеет симпатию и доверие (соц. ресурсы), но она не может их использовать, а значит, нельзя говорить о СК. Точно так же золотая монета сама по себе является лишь физ. ресурсом, а в капитал ее превращают определенные действия владельца. Но животные в этом смысле могут использовать доверие и симпатию людей к себе, а значит, можно говорить о СК.

Примечание: Автор употребляет понятия симпатии и доверия синонимично «готовности оказать услугу». Проще говоря, все три называются соц. ресурсами. Но это лишь уступка практичности – симпатия и доверие гораздо более осязаемы и удобны – но, строго говоря, они являются не самим соц. ресурсом, а его источниками.

Инфраструктура СК. Традиционно соц. сеть упоминается как ключевая составляющая СК. Структурная встроенность [8], структурный СК [6], структурные норы [5]. Это абсолютно понятно, ведь ключевая интуиция СК в том, что нашу жизнь обогащают окружающие, что по определению происходит через соц. связи. В рамках настоящей теории соц. сеть в целом и отдельные связи в частности являются не самим СК, а лишь его инфраструктурой. Это одновременно логическая предпосылка СК (симпатия и доверие не существуют вне отношений) и тот фактор, который либо благоприятствует накоплению соц. ресурсов членами сети, либо препятствует этому в силу своих свойств (взаимосвязанность сети, ее размер, положение в ней эго, наличие объединений, иерархий и т.д.).

Вопрос уровней СК, то есть места его хранения (межличностные отношения или сеть), относится к разделу инфраструктуры. Выше было отмечено, что разные концепции по-разному относятся к этому вопросу. По мнению автора, СК накапливается не только на уровне личных отношений, но и на уровне соц. сети в целом. Если отдельный человек готов оказать нам услугу потому, что мы ему нравимся или он доверяет нам *лично*, тогда речь идет о межличностном уровне. Накопленный здесь СК автор называет личным. Если же этот человек нас лично не знает, но тем не менее готов оказать нам корыстную или бескорыстную услугу, этим мы обязаны СК, накопленному на уровне соц. сети, к которой мы оба принадлежим. Его автор называет общим.

Выше были описаны личные симпатия и доверие, ниже речь пойдет о тех же симпатии и доверии, но уже не к конкретной (лично знакомой) соц. единице, а к безликому члену соц. сети.

- **Общее доверие (ОД).** Одна из двух составляющих общего СК – это общее доверие. Лучшей иллюстрацией его действия являются дипломы, ученые степени и сертификаты, которые призваны подтвердить наличие у человека определенных знаний всем тем, кто не имеет личной истории взаимодействия с этим человеком. Это пример доверия незнакомцу. Работодатель будет готов оказать этому человеку корыстную услугу (найм) не потому, что доверяет ему как личности, а потому, что доверяет институту образования, сложившемуся в соц. сети, к которой принадлежат оба. Если нет общего доверия, незнакомцам будет труднее и дороже взаимодействовать, что сделает соц. сеть во всех смыслах беднее, ведь хорошо знать как личности мы можем довольно небольшое количество людей. Как ориентир – число Данбара [25].

ОД накапливается в социальной сети неравномерно, образуя тем самым участки с более и менее высоким СК. Лин коснулся этой идеи, описывая институциональные поля (institutional field) [10, с. 187], Бурт – популяции (population) [9, с. 11], Бурдые – группу [2, с. 22] и отчасти поля (champs) [2],

Фукуяма – радиус доверия [7, с. 8]. Коулман описал пример семьи, которая переехала в более безопасный для детей *город* [3]. В данной статье автор называет эту идею коллективом, вкладывая в термин максимально широкий смысл. Им являются семья, команда, рабочий коллектив, горожане, граждане страны и даже такие объединения, как «Республика писем».

Источниками общего доверия в коллективе могут служить разные явления. Бурт описывает, как замыкание сети (*network closure*) способствует повышению доверия путем повышения шансов быть наказанным за проступок [9, с. 7]. Иными словами, давление сверстников (*peer pressure*). Лин описывает институты, которые формулируют общие «правила игры» и наказывают за их нарушение [10, с. 187]. Фукуяма указывает на важность культуры (коллективизм, индивидуализм) [7, с. 14]. Филд отмечает этническую одно- /разнородность общества [13, с. 77-78]. Автор добавит важность общего культурного поля (общее понимание добра и зла, общие нормы и традиции).

Именно этот аспект СК привлек к себе, пожалуй, наибольшее внимание исследователей, поэтому на сегодняшний день ОД является одной из наиболее изученных областей нашей дисциплины.

Исследования показывают, что там, где отношения отличаются высоким уровнем доверия, люди более охотно обмениваются и сотрудничают [6, с. 254]. Например, на протяжении XII и XIII веков в Генуе развивалась должность подеста (нейтрального стороннего сити-менеджера), что привело город к его «золотому веку». Подест играл роль института, который обеспечивал общие правила игры путем недопущения монополии (и произвола) какой-либо одной элитной фракции [9, с. 73-74]. В этом смысле глобализация последних десятилетий кажется хорошим примером того, как культурная, правовая и технологическая унификация способствовала международному сотрудничеству через создание ОД.

- **Общая симпатия (ОС).** Что касается ОС, по всей видимости и она может накапливаться на уровне коллектива. Иными словами, в разных коллективах симпатия к незнакомцам может быть разной силы. Но автор признает, что ОС является самой слабой частью настоящей теории. Хорошей иллюстрацией является патриотическая солидарность, которая особенно ярко проявляется во время борьбы с другим коллективом. Люди нравятся друг другу просто потому, что принадлежат одному коллективу. И все же с этим примером нужно быть осторожными, поскольку эффект патриотизма можно объяснить *личной* симпатией (подоблобие).

Источниками ОС могут быть традиции коллектива (улыбка прохожим), культура (коллективизм), религия (любовь к ближнему), этническая однородность, низкая мобильность в соц. сети (осознание общей судьбы) и т.д.

Автору известен эксперимент, в ходе которого исследовался уровень добровольного возврата потерянного кошелька его владельцу. Результаты из разных стран показали вариацию от 21 до 100% возвратов. Те, кто вернул кошельки, в качестве причин назвали сочувствие и религиозные принципы [11, с. 749]. Интересно еще и то, что 100% результат показал замер в Норвегии, которая отличается высокой этнической однородностью. Вполне возможно, что этнический состав общества (коллектива) влияет не только на ОД [13, с. 77-8], но и на ОС. Другой эксперимент показал, что субъект, получивший помощь от одного участника эксперимента, склонен помочь другому. [18, с. 53] То есть субъект благодарит не своего благодетеля, а третье лицо (непрямая взаимность или «заплати вперед»). Вероятно, это можно экстраполировать на масштаб общества.

- Завершающие мысли к разделу. Можно сделать вывод, что СК накапливается не только на межличностном уровне, но и на коллективном. При этом доверительный аспект уже имеет прочное эмпирическое и концептуальное основания, а симпатийный является лишь гипотезой.

Можно ли объяснить традиционные привилегии (услуги) вроде индийских каст терминами СК? Автор полагает, что да. Человек может быть готов сделать комплимент представителю высшей касты *искренне*, в силу усвоенной культурной нормы (проявление габитуса по Бурдьё), либо *расчетливо*, в силу уверенности, что отсутствие комплимента повлечет негативные последствия. В первом случае речь идет об иррациональной *личной* симпатии, напоминающей эстетическую, во втором – о взаимовыгодном обмене (действие в обмен на бездействие), который основан на *общем* доверии, вытекающем, например, из давления сверстников или закона.

Извлечение пользы. Симпатия и доверие сами по себе не делают нашу жизнь лучше. Это потенциал, который еще нужно уметь раскрыть. Как мы можем обратить себе на пользу тот факт, что мы нравимся человеку или что он нам доверяет? Нам нужно прямо или косвенно побудить его оказать нам услугу, корыстную или бескорыстную. Если мы нравимся, тогда мы можем рассчитывать на бескорыстную услугу. Если нам только доверяют, без симпатии, тогда мы можем рассчитывать на корыстную услугу, что уже лучше, чем неготовность иметь с нами дело вовсе.

Сами услуги делятся на два вида – поделиться ресурсами или оказать конечное благо. Что касается ресурсов, то всего автор выделяет три их типа – физические, человеческие и социальные. Все их можно в том или ином смысле передать. Во-первых, можно поделиться деньгами, движимым и недвижимым имуществом. Во-вторых, знаниями, опытом и т.п. В-третьих, престижем и репутацией (накопленными симпатией и доверием окружающих соответственно) – порекомендовать кому-то, поручиться, приблизить к себе. Передать соц. ресурс можно и путем награждения медалью, наделения титулом или допуска в круг избранных (например, в элитную семью), поскольку в этих случаях получатель приобретает в глазах окружающих симпатию либо доверие. Идею Бурдьё о добровольном делегировании представительского статуса одному или нескольким членам коллектива (глава семьи или аристократия) можно рассматривать как оказание им услуги. Они пользуются симпатией и/или доверием коллектива, поэтому последний дает им привилегии, включая патримонизацию ресурсов коллектива и власть над собой [2, с. 23].

Что касается конечного блага, человек может удовлетворить какую-либо нашу потребность (т.е. доставить удовольствие). Массаж, секс, утоление голода или жажды, излечение болезни – физические блага. Шутка, песня, фильм – интеллектуальные блага. Комплимент, объятие, беседа по душам – блага эмоциональные. Их объединяет конечность – они потребляются лишь раз.

Если мы нравимся человеку, то все эти вещи мы можем получить от него просто так. Если речь идет об обмене, то взамен мы сами можем дать ресурс или конечное благо.

Совместимость с другими концепциями. Настоящая теория довольно хорошо дополняет многие уже существующие концепции, либо позволяет их в себя встроить, что было продемонстрировано отсылками по ходу текста. Сейчас автор опишет совместимость с двумя наиболее известными концептуализациями.

- Связывающий, соединяющий и вертикальный СК.

Во-первых, концепция трех видов СК, а именно, связывающего, соединяющего и вертикального (*bonding, bridging and linking (vertical) social capital*). Связывающий СК описывают с одной стороны сетевыми терминами (географическая близость, подобие сторон, частота контакта и т.п.) [26], с другой – терминами симпатии и норм взаимности (например, солидарность), с третьей – терминами пользы (эмоциональная поддержка, избыточные ресурсы (*redundant*) и т.д.). Проще говоря, под одним понятием объединяют три идеи – близость структурную, близость эмоциональную и пользу последней – которые автор относит к *инфраструктуре* СК, к самому СК и к *извлечению пользы* из СК соответственно.

Эта же логика применима к соединяющему СК, который включает идеи структурной и эмоциональной отдаленности, а также неизбыточные ресурсы в качестве пользы [5; 27]. Концептуализация вертикального СК похожа на соединяющий, но включает идею неравенства сторон в том или ином смысле. То есть концепция трех видов СК и теория автора анализируют одни и те же элементы, но на разных срезах.

- Структурный, когнитивный и отношенческий СК.

Другой известной концептуализацией СК является его разделение на три типа – структурный, когнитивный и отношенческий (*structural, cognitive, and relational social capital*) [6]. Если коротко, под структурным СК понимается характер соц. сети в целом и положение эго в нем (структурная встроенность по Грановеттеру), под когнитивным – культурное подобие людей или общее мировоззрение, под отношенческим – качество отношений, включая доверие (отношенческая встроенность по Грановеттеру). Структурный элемент автор относит к *инфраструктуре*, отношенческий – к самому СК, а когнитивный – к *общему СК* (общие симпатия и доверие).

Выводы. Перечисленные выше идеи давно знакомы исследователям СК, за исключением одной – понятие *готовности оказать услугу*. Введение этого общего знаменателя позволило объединить в одной концепции рациональное и иррациональное начала СК (корыстная и бескорыстная услуги), а также связать микро- и макроанализ (личный и общий СК). Настоящая теория выглядит лаконичной, что вместе с ее совместимостью с существующими концепциями является хорошим знаком. Кроме того, она разрешает некоторые старые проблемы СК, например, тавтологию в определении, предвзятую позитивность и невозможность свести разные аспекты СК к единому основанию. Тавтология разрешается введением понятия готовности оказать услугу, которая в своей основе имеет вполне осязаемые доверие и симпатию. Наличие этой основы разрывает тавтологический круг. Вопрос предвзятой позитивности разрешается проведением параллели с другими видами капитала – деньги и знания можно использовать как во благо, так и во зло, но сами по себе они являются нейтральным ресурсом. Так и готовность других помочь можно использовать как на благо общества, так и во зло. И наконец, проблема невозможности свести все к единому основанию разрешается введением того же понятия готовности оказать услугу, которая является базовым ресурсом СК. Его можно накопить, обменять, потерять, инвестировать и т.д. Можно заключить, что многие существующие сегодня проблемы и противоречия в науке о СК вполне разрешимы и примиримы.

References

1. Putnam, R. (1995) Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*. No. 6(1). Pp. 65-78. DOI [10.1353/jod.1995.0002](https://doi.org/10.1353/jod.1995.0002).
2. Bourdieu, P. (1986) The forms of capital. In: *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, ed. by J. G. Richardson. New York, Greenwood Press. Pp. 241–58.
3. Coleman, S. James (1988) Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*. Vol. 94. Suppl. S95-S120.
4. Woolcock, M. (1998) Social capital and economic development: Towards a theoretical synthesis and policy framework. *Theory and Society*. No. 27(2). Pp. 151-208. DOI [10.1023/A:1006884930135](https://doi.org/10.1023/A:1006884930135).
5. Burt, R. S. (1992) *Structural holes: the social structure of competition*. USA, Harvard University Press. 324 p. ISBN 978-0674029095.
6. Nahapiet, J., Ghoshal, S. (1998) Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage. *Academy of Management Review*. No. 23(2). Pp. 242-266. DOI [10.2307/259373](https://doi.org/10.2307/259373).
7. Fukuyama, F. (2001) Social capital, civil society and development. *Third World Quarterly*. No. 22(1). Pp. 7-20. DOI [10.1080/01436590020022547](https://doi.org/10.1080/01436590020022547).
8. Granovetter, M. (1992) Problems of explanation in economic sociology. In: *Networks and organizations: Structure, form, and action*, ed. By N. Nohria & R. G. Eccles. Boston, Harvard Business School Press. Pp. 25-56.
9. Burt, R. S. (2005) *Brokerage and closure an introduction to social capital*. Oxford, Oxford University Press. 279 p. ISBN 978-0199249145.
10. Lin, N. (2004) *Social capital: A theory of social structure and action*. Cambridge, Cambridge University Press. 294 p. ISBN 978-0521521673.
11. Schmid, A. A. (2002) Using motive to distinguish social capital from its outputs. *Journal of Economic Issues*. No. 36(3). Pp. 747-768. DOI [10.1080/00213624.2002.11506511](https://doi.org/10.1080/00213624.2002.11506511). EDN [EHEAJX](https://www.edn.net/EHEAJX).
12. Claridge, T. (2018). Criticisms of social capital theory and lessons for improving practice. *Social Capital Research*. URL: <https://u.to/uHZLHA> (last request: 15.06.2022).
13. Field, J. (2003) *Social capital (Key ideas)*. London, Routledge. ISBN 0-203-63408-X.
14. McPherson, M., Smith-Lovin, L., Cook, M. J. (2001) Birds of a feather: homophily in social network. *Annual Review of Sociology*. No. 27. Pp. 415-444. DOI [10.3410/f.725356294.793504070](https://doi.org/10.3410/f.725356294.793504070).
15. Trivers, L. R. (1971) The Evolution of reciprocal altruism. *The Quarterly Review of Biology*. No. 46(1). Pp. 35-57. DOI [10.1086/406755](https://doi.org/10.1086/406755).
16. Langlois, J. H., Kalakanis, L., Rubenstein, A. J. [et al.] (2000) Maxims or myths of beauty? A meta-analytic and theoretical review. *Psychological Bulletin*. No. 126(3). Pp. 390-423. DOI [10.1037//0033-2909.126.3.390](https://doi.org/10.1037//0033-2909.126.3.390).
17. Hosoda, M., Stone-Romero, E. F., Coats, G. (2003) The effects of physical attractiveness on job-related outcomes: a meta-analysis of experimental studies. *Personnel Psychology*. Vol. 56. No 2. Pp. 431-462. EDN [EAGAAR](https://www.edn.net/EAGAAR).
18. Christakis, N. A., Fowler, J. H. (2014) Friendship and natural selection. *PNAS*. Vol. 111. Suppl. 3. DOI [10.1073/pnas.1400825111](https://doi.org/10.1073/pnas.1400825111).
19. Mudde, C., Kaltwasser, C. R. (2017) *Populism: A very short introduction*. Oxford, Oxford University Press. 136 p. ISBN 978-0190234874.
20. Erdogan, B., Bauer, T. N. (2014) Leader-Member Exchange (LMX) Theory: The Relational Approach to Leadership. In: *The Oxford Handbook of Leadership and Organizations*, ed. By D. V. Day. Pp. 407-433. DOI [10.1093/oxfordhb/9780199755615.013.020](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199755615.013.020).
21. Batra, R., Ahuvia, A., Bagozzi, R. P. (2012) Brand Love. *Journal of Marketing*. No. 76(2). Pp. 1-16. DOI [10.1509/jm.09.0339](https://doi.org/10.1509/jm.09.0339).
22. Labianca, G., Brass, D. J. (2006) Exploring the Social Ledger: Negative Relationships and Negative Asymmetry in Social Networks in Organizations. *Academy of Management Review*. No. 31(3). Pp. 596–614. DOI [10.5465/amr.2006.21318920](https://doi.org/10.5465/amr.2006.21318920).
23. Möllering, G. (2001) The Nature of Trust: From Georg Simmel to a Theory of Expectation, Interpretation and Suspension. *Sociology*. No. 35(2). Pp. 403-420. DOI [10.1017/S0038038501000190](https://doi.org/10.1017/S0038038501000190).
24. Chaudhuri, A., Holbrook, M. B. (2001) The Chain of Effects from Brand Trust and Brand Affect to Brand Performance: The Role of Brand Loyalty. *Journal of Marketing*. No. 65(2). Pp. 81-93. DOI [10.1509/jmkg.65.2.81.18255](https://doi.org/10.1509/jmkg.65.2.81.18255). EDN [DNYDRJ](https://www.edn.net/DNYDRJ).

25. Dunbar, R. I. M. (1992) Neocortex size as a constraint on group size in primates. *Journal of Human Evolution*. No. 22(6). Pp. 469-493. DOI [10.1016/0047-2484\(92\)90081-J](https://doi.org/10.1016/0047-2484(92)90081-J).
26. Woolcock, M. (2001) The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes. *Canadian Journal of Policy Research*. No. 2(1). Pp. 11-17.
27. Granovetter, M. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. No. 78(6). Pp. 1360-1380. DOI [10.1086/225469](https://doi.org/10.1086/225469).

Дата поступления в редакцию: 15.07.2022.

Принята к печати: 19.08.2022.

Сведения об авторе:

Денис Монд, независимый исследователь. Москва, Россия.

e-mail: socapital.mond@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1663-8300

D. Mond¹

¹Independent researcher. Moscow, Russia.

FAVOR THEORY – THEORY OF SOCIAL CAPITAL

Abstract. The purpose of this article is to formulate a theory of social capital, which has the potential to reconcile many of the contradictions and problems that exist today in this field of knowledge. The proposed conceptualization has the potential to resolve the following problems: 1) The impossibility of reducing the rational and irrational aspects of social capital to one denominator; 2) Lack of connection between micro and macro analysis; 3) tautology of definition, when social capital is defined by its effects; 4) the inability to reduce the manifestations of social capital to a single basis; 5) biased positivity; and others. First, the author proposes to define social capital through the concept of willingness to do a favor (favor willingness), which is meant to be the basis of social capital (social resource). Next the topic of the sources of this willingness is explored, which, according to the author, are liking for and trust in a social unit (person, group, company, etc.). Next, the concept of social capital infrastructure is introduced, the role of which is to allow for the accumulation of social capital and its transfer between network members. The infrastructure consists of two levels – the social network as a whole and interpersonal relations in particular. At the first level, general liking and trust are accumulated, at the second – personal liking and trust. Next the issue of extracting benefits from social capital (activation, use) is highlighted. After that, examples of the compatibility of this theory with already existing concepts are given. The author concludes that the proposed concept well resolves some key contradictions and problems in the science of social capital.

Keywords: social capital, theory, concept, problems, sources, definition, activation, trust, liking, favor willingness.

For citation: Mond D. (2022) Favor theory – theory of social capital. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 3. Pp. 68-80. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.5)

The article was submitted on July 15, 2022.

Accepted on August 19, 2022.

Information about the author:

Denis Mond, independent researcher. Moscow, Russia.

e-mail: socapital.mond@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1663-8300

DOI [10.19181/nko.2022.28.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.6)

EDN [OLYDIN](https://edn.olydin.ru)

УДК 005.21, 519.816

В. С. Харченко¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНАЛИЗА РЕШЕНИЙ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЖЕЛАЕМОГО ОБРАЗА БУДУЩЕГО

Аннотация. Статья посвящена методологии и особенностям научного направления анализа решений, которые делают его весьма ценным для разработки государственной стратегии в целях достижения желаемого образа будущего. Изучается история возникновения анализа решений, рассматриваются основы данного научного направления: системный анализ, теория решений, вероятностный анализ и когнитивная психология. Перечисляются организации, активно использующие его методологию и основные компьютерные программы для практической реализации методов анализа решений. Показывается отечественный вклад в анализ решений. Представляется перспективное субнаправление анализа решений – многокритериальный анализ решений, которое позволяет разрабатывать стратегию организации в условиях наличия противоречивых целей. Рассматривается современная методология анализа решений: система целей и ценностей организации, контекст решения, идентификация и оценка элементов математической модели, графическое представление модели в виде диаграмм влияния и деревьев решений, процедура математического моделирования, поиск оптимальной стратегии на основе критерия максимизации/минимизации значения целевой функции и критерия доминирования профиля риска, а также методы анализа чувствительности: однонаправленный и двунаправленный анализ чувствительности, анализ чувствительности к вероятностям и анализ стратегий на доминирование. В статье делается вывод о том, что научное направление анализа решений обладает рядом преимуществ, делающих его подходящим для применения в сфере государственного стратегического планирования.

Ключевые слова: образ будущего, стратегия, количественные методы, анализ решений, математические методы, оптимизационно-имитационное моделирование, анализ чувствительности.

Для цитирования: Харченко В.С. Использование анализа решений для достижения желаемого образа будущего // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 81-92. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.6. EDN OLYDIN

Введение. На протяжении всей истории человечества одним из наиболее ценных умений было умение предвидеть будущее. Люди, чей аналитический склад ума позволял предвидеть важные события, весьма высоко ценились и могли повлиять на судьбу целых государств. Однако еще более важным умением являлось возможность не просто предвидеть, а при этом направить тернистый путь к будущему в нужное русло для достижения желаемого образа будущего.

В современном мире невозможно успешно развивать страну без грамотно разработанной долгосрочной стратегии. Отличная стратегия позволяет порой не просто добиться определенных политических целей, а открыть целую историческую эпоху, символизирующую процветание и достаток. В то время как неудачная стратегия может привести не просто к осязаемым потерям для государства, а повлечь за собой необратимые негативные последствия не только для страны, но и для целого географического региона планеты. Соответственно, будущее страны определяется долгосрочной стратегией ее развития.

Для достижения желаемого образа будущего требуется разработка стратегии на уровне государства с применением современных математических методов, позволяющих учесть при планировании множество факторов и неопределенность внешней и внутренней среды. Среди имеющихся на данный момент подходов и методов наиболее полно удовлетворяет перечисленным требованиям методология научного направления **анализа решений**. Она позволяет разрабатывать обоснованную количественную стратегию в сложных условиях (в условиях неопределенности, риска и наличия противоречивых целей), апробирована в ряде крупных коммерческих и некоммерческих организаций, является удобной для компьютерной обработки и позволяет наглядно представлять результаты графически.

Развитие концептуальных основ «анализа решений». Термин «анализ решений» (*Decision Analysis*) впервые был определен в 1966 году в статье основоположника данного научного направления Рональда Говарда (*Ronald A. Howard*) «Анализ решений: Прикладная Теория Решений» (*DAADT*). **Анализ решений** – это логическая процедура по балансировке факторов, влияющих на решение, которая включает в себя неопределенность, значения и предпочтения в базовой структуре моделирования принятия решений. Рональда Говард отмечает, что сущность данной процедуры состоит в построении структурированной модели принятия решений в удобной для компьютерной обработки форме [1].

В рамках данного научного направления стратегия трактуется как точно рассчитанный количественный план, направленный на достижение поставленных целей и содержащий несколько возможных сценариев. При этом Рональд Говард подчеркивает, что для построения точной количественной стратегии с целью достижения целей организации каждый шаг каждого сценария должен быть рассчитан на основе **затрат, выгод и рисков** [2].

Научное направление анализа решений развивалось с 70-ых годов XX века учеными трех крупных научных центров: Стэнфордский университет (*Ronald A. Howard*), Гарвардский университет (*Howard Raiffa*) и Массачусетский технологический институт. Научные труды ученых данных центров заложили методологические основы разработки количественной стратегии и управления риском.

В результате своего развития анализ решений стал опираться на четыре основы:

- **Системный анализ.** Разработан в военных целях во время Второй Мировой войны и затрагивает понимание динамических систем. Главные понятия: ключевые переменные, обратная связь, стабильность и анализ чувствительности. Системный анализ и анализ решений имеют множество общих особенностей.
- **Теория решений.** Теория решений изучает принятие решений в условиях неопределенности. Корни данной теории восходят к Бернулли (1738) – изобретателю логарифмической функции полезности, и Лапласу (1812), описавшему понятия среднего значения и определенного эквивалента. Представитель научного направления анализа решений Говард Райфа (*Howard Raiffa*) предложил использовать Байесову форму для решения проблем математической статистики и применять деревья решений в целях выбора наилучшего альтернативного курса действия (альтернативы). Совместно с Рональдом Говардом он разработал программу использования прикладной математики для решения задач бизнеса.

- **Вероятностный анализ.** Важная часть анализа решений, базирующаяся на концепции Джейнса, которая утверждает, что вероятность отражает человеческое знание (или незнание) касательно случайного события. Данная концепция рекомендует определять вероятности не только на основе данных, но и на основе опыта и иного доступного знания [3].
- **Когнитивная психология.** Играет важную роль в понимании поведенческой теории и помогает в экспертной оценке. Значительный вклад в данное научное направление внесли работы нобелевских лауреатов Канемана и Тверски, показав ошибки и ловушки, которым подвержены люди в процессе экспертной оценки и принятия решений. Когнитивная психология позволяет определить разницу между такими понятиями как описательное и нормативное принятие решений. Если описательное принятие решений подразумевает фактическое человеческое поведение при принятии решений, то нормативное принятие решений направлено на принятие решений согласно определенным правилам или нормам, обязательным для соблюдения в данном процессе.

В России также имелся представитель научного направления анализа решений – академик РАН О. И. Ларичев, выпустивший целый ряд научных трудов по данной тематике. Отечественный ученый выделил три типа задач принятия решения [4, с. 24-25]:

- **Упорядочивание альтернатив.** Подразумевает установление определенного порядка среди множества альтернатив на основе определенного критерия.
- **Распределение альтернатив по классам решений.** Данный тип задач наиболее приближен к реальности и включает в себя распределение альтернатив на группы, например «не заслуживающие более подробного внимания» и «заслуживающие более подробного внимания».
- **Выделение лучшей альтернативы.** Основной тип задач анализа решений, заключающийся в выборе наилучшей альтернативы среди множества альтернатив.

За последние 30-40 лет анализ решений превратился в один из самых востребованных инструментов при разработке стратегий ведущих западных компаний, таких как America's Cash Express, General Motors, Simon Graduate School of Business, Ford, Philips, Boeing, Transocean и в ряде других компаний. Анализ решений используется в научных программах Гарвардского и Стэнфордского университетов и академии ВВС США. Элементы методологии анализа решений были интегрированы в ряд современных компьютерных аналитических приложений и активно применяются в целях стратегического планирования и управления риском во многих крупных корпорациях. Наиболее известные приложения, применяющие методологию анализа решений: DPL, @Risk, Precision Tree, Data, Crystal Ball и Analitica.

За последние 10 лет анализ решений стал особенно популярным в сфере **стратегического планирования** корпораций из-за присутствия трех факторов:

- надёжная количественная основа;
- обоснованный, гибкий, практичный и простой для понимания процесс принятия решений;
- появление и развитие быстродействующих и надежных программных приложений, позволяющих быстро и эффективно работать со сложными математическими моделями и наглядно представлять результаты графически.

Многокритериальный «анализ решений». Во многих последних статьях, посвященных научному направлению анализа решений, особое внимание уделяется такому подходу, как многокритериальный анализ решений. Многокритериальный анализ решений (МКАР) – это субнаправление классического анализа решений, служащее задаче принятия научно обоснованных решений в условиях неопределенности при наличии более чем одного критерия принятия решений. Методология данного научного направления позволяет объединять имеющуюся информацию по рискам с данными по затратам и выгодам и мнениям заинтересованных сторон. МКАР позволяют переводить мнения ЛПР и заинтересованных сторон относительно множества факторов риска из качественной в количественную меру, что в свою очередь позволит провести сравнение альтернативных курсов действий (альтернатив). Научное направление МКАР включает в себя различные методики сбора входных данных, формы их представления, алгоритмы работы с ними и способы интерпретации результатов, позволяющие осуществить научно обоснованное принятие решений [5, 6].

Методы МКАР успешно применялись с целью разработки оптимальной стратегии рекультивации загрязненных земель, уменьшения количества загрязненных веществ, поступающих в водные экосистемы, оптимизации использования водных и прибрежных ресурсов и управления другими природными ресурсами. Результаты показали, что методы МКАР обеспечивают значительное улучшение процесса принятия решений, связанных с защитой окружающей среды, и увеличивают общественное признание стратегии защиты окружающей среды [7].

Согласно классификации И. Линькова, методы МКАР разделены на три категории: методы МПТП (многопризнаковая теория полезности), методы ранжирования и методы АИП (аналитический иерархический процесс). Данные методы включают в себя ряд общих математических методов, таких как бальные значения альтернатив по каждому критерию, их перемножение на веса критериев и вычисление суммарной бальной оценки альтернатив. Различия методов заключается в таких деталях, как способы оценки бальных значений и алгоритмы работы с ними. Подобные различия также подразумевают отличающиеся требования к входным данным и различную интерпретацию [8, 9].

В качестве входных данных методы МКАР обычно используют такие составляющие, как:

- бальные оценки имеющихся альтернатив и исходов случайных событий по каждому критерию, отражающие приоритетность каждой альтернативы с точки зрения ЛПР и важность каждого исхода;
- вес каждого критерия, служащий для нормировки и балансировки критериев между собой согласно приоритетности каждого критерия с точки зрения ЛПР.

Основной подход МКАР заключается в определении суммарной бальной оценки каждой альтернативы с помощью вычисления линейной взвешенной суммы ее баллов по имеющимся критериям.

Методологические основы «анализа решений». В результате непрерывного развития методов, подходов и инструментария на протяжении последних трех десятилетий была сформирована современная методология анализа решений как нового научного направления. В рамках данной методологии *разработка стратегии организации* происходит в несколько этапов:

1. **Определение системы ценностей организации.** Цель – это определенная вещь, которую хочет достигнуть организация. Ценности – это цели организации, собранные все вместе и объединенные в одну структуру. Для част-

ной корпорации главной целью чаще всего является прибыль, соответственно достижение цели измеряется с точки зрения увеличения богатства акционеров посредством дивидендов и увеличения стоимости компании. Для государства целями могут быть улучшение демографической ситуации, обеспечение внутренней и внешней безопасности и социальная защита населения. Согласно методологии анализа решений существует 2 типа целей, для каждого из которых существует своя уникальная структура:

- **Фундаментальные цели.** К данному типу относятся цели, важные сами по себе, потому что отражают то, чего организация действительно хочет достигнуть. Фундаментальные цели структурируются в **иерархию**, верхние уровни которой представляют собой более общие цели, а нижние уровни объясняют важные аспекты целей верхних уровней. Иерархия фундаментальных целей в особенности важна при разработке многоцелевой стратегии организации с использованием методов МКАР по причине того, что фундаментальные цели самого низкого уровня могут быть основой для измерения последствий для целей организации.
- **Промежуточные цели.** Данный тип целей включает вспомогательные цели, которые помогают в достижении фундаментальных целей. Промежуточные цели структурируются в **сети**, и, в отличие от фундаментальных целей, могут быть связаны с несколькими целями одновременно. Сеть промежуточных целей служит для помощи аналитику в нахождении альтернатив решений.

2. Установление контекста решения. Ситуация, в которой происходит принятие решений, называется **контекстом решения**. Главный вопрос лица, принимающего решения (ЛПР), на этой стадии *«Насколько широким или узким должен быть контекст решения?»*. Ответ на данный вопрос требует критериальной проверки контекста решения на основе трех критериев:

- **Прямолинейный критерий.** Насколько установленный контекст действительно отражает ситуацию, в которой принимается решение?
- **Право на решение.** Существуют ли у ЛПР достаточные полномочия в принятии подобных решений?
- **Выполнимость.** Достаточно ли у ЛПР времени и ресурсов для принятия решений в рамках имеющегося контекста?

Установление контекста решения чаще всего не бывает единократным. При надлежащем планировании происходит доработка и совершенствование контекста в течение нескольких итераций.

3. Идентификация элементов математической модели. Элементы математической модели принятия решений включают в себя:

- **Решения.** Рассматривается вся совокупность решений в выбранном контексте решения и все возможные варианты принятия решений (альтернативы) в рамках данных решений. В процессе идентификации решений ЛПР изучает не только возможность принятия определенных решений, но и последовательность, в которой они должны быть приняты. Если в заданном контексте существуют решения, принимаемые в более отдаленной перспективе и зависящие от решений, принимаемых несколько раньше, то подобная ситуация называется динамической ситуацией принятия решений и требует определения математической зависимости между решениями. Если для одних решений существуют определенные дискретные альтернативы, то другие решения подразумевают выбор определенного значения из диапазона возможных значений.

- **Случайные события.** Принятие решений обычно происходит в условиях неопределенности, в которых может произойти масса случайных событий. Однако для организации важны лишь те события, которые являются обоснованными. Случайное событие является обоснованным, если его исход оказывает влияние на достижение, по крайней мере, одной из целей организации. Количество обоснованных случайных событий напрямую влияет на сложность математической модели. Случайные события характеризуются вероятностями и исходами, которые могут зависеть от выбранных альтернатив решений.
 - **Последствия.** Последствия позволяют измерить достижение организацией своих целей и могут выражаться в виде прибыли, расходов, доли рынка, репутации компании и т.д. Последствия зависят как от принятых решений, так и от исходов случайных событий. Итоговое последствие обычно отражает самую главную цель организации. Для коммерческих компаний в качестве итогового последствия чаще всего выбирается чистый дисконтированный доход (NPV) – разница между суммарным денежным притоком и суммарным денежным оттоком, приведенная к моменту оценки.
- 4. Оценка элементов математической модели.** Оценка идентифицированных элементов модели включает в себя:
- **Оценка решений.** Означает оценку стоимости внедрения всех имеющихся альтернатив решений.
 - **Оценка случайных событий.** Подразумевает оценку вероятностей и исходов случайных событий с учетом взаимосвязи случайных событий с решениями и друг с другом.
 - **Оценка последствий.** Включает в себя определение формул вычисления последствий относительно принятых решений и исходов случайных событий и формулы вычисления итогового последствия, которая будет представлять собой **целевую функцию** модели.
- 5. Визуализация математической модели.** Для удобной компьютерной обработки современные программные приложения используют два основных инструмента визуализации модели, используемые научным направлением анализа решений:
- **Диаграмма влияния.** Интерактивный граф, показывающий элементы модели и взаимосвязи между ними. Элементы графа называются узлами, а взаимосвязи между ними – дугами. Существует два типа дуг: дуги актуальности, показывающие, что результат узла-предшественника влияет на результат узла-последователя, и дуги последовательности, показывающие, что узел-последователь происходит в хронологическом порядке после узла-предшественника. Природа дуги устанавливается путем анализа зависимостей элементов модели.
 - **Дерево решения.** Древоподобный граф, показывающий все возможные пути, которым ЛПР следует в процессе принятия решений, включая все возможные альтернативы решений и исходы случайных событий.

Диаграммы влияния и деревья решений изоморфны – любая должным образом построенная диаграмма влияния легко преобразуется в соответствующее ей дерево решения, и наоборот. Это свойство применяется в современных программных приложениях, что означает параллельную постройку диаграммы влияния и дерева решений.

6. Проведение математического моделирования. В целях нахождения наилучшей стратегии организации проводится оптимизационно-имитационное моделирование на основе разработанной математической модели, в ходе которого:

- Рассматриваются вся совокупность возможных сценариев с учетом неопределенности и риска с применением методов имитационного моделирования, чаще всего метода Монте-Карло. Количество испытаний Монте-Карло напрямую влияет на точность результатов моделирования.
- Проводится оптимизация, позволяющая определить наилучшую (*оптимальную*) стратегию организации на основе заданного критерия оптимальности.

В ходе оптимизации происходит свертка дерева решения. Суть данной процедуры состоит в том, чтобы при продвижении с конечных точек дерева решения к его началу вычислять ожидаемые значения (*математические ожидания*) случайных событий и выбирать ветви дерева решения с наиболее высоким/низким ожидаемым значением (в зависимости от критерия оптимальности) до получения итогового значения целевой функции. Если для простейших деревьев решений возможно осуществить свертку даже вручную, то свертка сложных деревьев решений требует использования современных программных приложений.

В современной методологии анализа решений стратегии сравниваются на основе двух основных критериев:

- **Критерий максимизации/минимизации значения целевой функции.** Для корпораций наиболее распространенным критерием является максимизация NPV, в то время как государственные и некоммерческие организации могут применять критерий минимума затрат или рисков.
- **Критерий доминирования профиля риска.** При таком подходе строится специальная диаграмма, на которой происходит сравнение профилей риска возможных стратегий.

Профиль риска – это граф, который показывает вероятности в связи с их возможными последствиями. Каждой возможной стратегии организации соответствует свой профиль риска, который определяется как непосредственной альтернативой первого решения, так и альтернативами последующих решений. Профили риска позволяют не только сравнить стратегии, но и помогают ЛПР составить мнение касательно неопределенности и риска в рамках имеющейся математической модели. Наиболее удобная форма для представления профиля риска – совокупная форма. Профиль риска в совокупной форме называется кумулятивным профилем риска. По горизонтальной оси *Ox* подобного графа отображаются значения целевой функции, а по вертикальной оси *Oy* показываются накопленные вероятности.

При сравнении профилей риска применяется два **принципа доминирования**:

- **Детерминированное доминирование.** Может быть определено в ситуации, когда доминирующая стратегия приводит, по крайней мере, к такому же результату, как и доминируемая стратегия. Детерминированное доминирование одной стратегии над другой на графе кумулятивных профилей риска определяется путем сравнения значения целевой функции, в котором кумулятивный профиль риска первой стратегии достигает 100% накопленной вероятности, со значением, где начинается профиль риска второй стратегии. Например, при максимизации значения целевой функции, если существует такая величина x , что вероятность того, что целевое значение будет меньше или равно x , составляет 100% для второй стратегии, а вероятность того, что выплаты будут меньше x , составляет 0% для первой стратегии, тогда считается, что первая стратегия детерминированно доминирует над второй стратегией.

- **Стохастическое доминирование.** Определяется в тех ситуациях, когда доминирующая стратегия приводит к лучшему результату либо с точки зрения большего/меньшего значения целевой функции, либо с точки зрения большей/меньшей вероятности, либо при смешивании обоих условий. Стохастическое доминирование между двумя стратегиями может быть определено в случае, когда профили рисков двух стратегий не пересекаются, и существует некоторое расстояние между ними. В такой ситуации доминирует та стратегия, чей кумулятивный профиль проходит ниже профиля риска другой стратегии при максимизации значения целевой функции, и выше другой, в случае минимизации значения целевой функции.
7. **Анализ чувствительности.** Является главным инструментом коррекции модели. Анализ чувствительности включает в себя применение различных математических методов, которые позволяют определить качество модели, повысить ее точность, сделать принятие решений более гибким и приспособленным под возможное изменение внешней и внутренней среды, и ясно представить полученные результаты моделирования с помощью графиков разного типа. Методология анализа решений обычно применяет следующие инструменты анализа чувствительности:
- **Однонаправленный анализ чувствительности.** Служит для определения переменных, играющих наибольшую роль в имеющейся математической модели. Подобные переменные называются **критичными переменными**. Для проведения однонаправленного анализа чувствительности выбираются переменные, наиболее интересные для ЛПР с точки зрения их важности в контексте решения. Затем, каждая выбранная переменная изменяется в пределах определенного выбранного диапазона (относительно ее базового значения), что позволяет рассмотреть возможное изменение значения целевой функции вследствие изменения одной из переменных. Это определяет влияние данной переменной на целевую функцию. Обычно диапазон изменения переменных выбирается не случайно, а на основе возможных дополнительных сценариев развития событий, которые могут повлиять на данные переменные. Наиболее удобным инструментом представления результатов однонаправленного анализа чувствительности для нескольких переменных является граф, называемый **диаграмма торнадо**. Каждый уровень данной диаграммы показывает полосу влияния определенной переменной на значение целевой функции. Подобное название данный инструмент приобрел по причине того, что граф строится таким образом, чтобы самая чувствительная переменная (с самой длинной полосой влияния) была бы сверху, а наименее чувствительная в основании. Таким образом, диаграмма представляет собой расширяющийся снизу вверх конус, напоминающий вихрь торнадо. Однонаправленный анализ чувствительности при его представлении в виде диаграммы торнадо обеспечивает идентификацию критичных переменных модели.
 - **Двунаправленный анализ чувствительности.** В отличие от однонаправленного анализа чувствительности позволяет рассмотреть объединенное влияние двух выбранных переменных на целевую функцию модели. Чаще всего анализируются две наиболее интересующие ЛПР переменные (или последовательно несколько пар переменных), чье объединенное влияние на целевую функцию интересует больше всего. Помимо этого выбирается определенное значение целевой функции (чаще всего ожи-

даемое значение в рамках оптимальной стратегии), относительно которого ЛПР интересуется изменение значений переменных. Графически данный вид анализа представляется с помощью графа, по оси O_y которого показаны изменения первой интересующей переменной, а по оси O_x – второй интересующей переменной. Прямая на графе будет представлять комбинации значений выбранных переменных, при которых значение целевой функции будет равняться интересующему значению. При этом по одну сторону прямой будет располагаться множество комбинаций, для которых значение целевой функции будет больше интересующего значения, а по другую сторону прямой – множество комбинаций, при которых значение целевой функции будет меньше интересующего.

Более наглядным вариантом графического представления двунаправленного анализа чувствительности является представление его на трехмерном графе. Такой вариант отличается наличием третьей оси O_z , являющейся осью значений целевой функции. Подобный граф в трехмерном пространстве представляет изменение значения целевой функции в зависимости от изменения комбинаций значений двух критических переменных.

- **Анализ чувствительности к вероятностям.** Данный инструмент используется после проведения однонаправленного анализа чувствительности с целью моделирования неопределенности, окружающей критические переменные. Анализ чувствительности к вероятностям так же может быть одно- и двунаправленным и применять те же самые инструменты. Основное его отличие заключается в том, что рассматривается влияние изменения вероятностей тех исходов, чьи переменные были определены как критические, на значение целевой функции.
- **Анализ стратегий на доминирование.** Задача данного анализа состоит в том, чтобы путем рассмотрения различных сценариев развития событий, определить возможность существования ситуации, в которой доминируемые стратегии становились бы доминирующими. Данный тип анализа позволяет сделать стратегию более гибкой и приспособленной к реализации маловероятных событий.

Методология анализа решений постоянно совершенствуется представителями данного научного направления и разработчиками программного обеспечения. В различных программных приложениях появляются новые способы задания зависимостей, повышения качества модели, графического представления результатов и анализа чувствительности. Все это делает анализ решений надежным и перспективным направлением стратегического планирования.

Заключение. Анализ научной литературы, посвященный научному направлению анализа решений, позволил сделать вывод о том, что данное научное направление обладает следующими преимуществами, которые могут сделать его незаменимым для построения государственной стратегии в целях достижения желаемого образа будущего:

- **Уникальность структуры ценностей.** В отличие от существующего отечественного подхода, применяемого в социально-политических сферах, система ценностей согласно методологии анализа решений структурируется с помощью двух отдельных типов структур. Такой подход позволяет использовать систему ценностей не просто ради создания общих социально-политических ориентиров, но и позволяет облегчить задачу по поиску альтернатив решений и измерять различные последствия

с точки зрения достижения целей, в том числе в сложных многокритериальных условиях принятия решений.

- **Обоснованность решений.** Количественные методы позволяют осуществлять принятие обоснованных решений на основе баланса затрат, выгод и рисков. Это сократит время на любые дебаты и сделает принятие решений понятным для общества и государственного аппарата.
- **Количественные ориентиры.** Использование количественных методов позволяет разработать стратегию с ясно выраженными ориентирами и легко измеримыми показателями.
- **Реализация на практике.** Практическая реализация методов анализа решений обеспечивается наличием надежных программных приложений.
- **Контроль над реализацией стратегии.** Количественные методы принятия решений позволяют более эффективно контролировать внедрение и реализацию стратегии и вовремя замечать отхождения от намеченного плана.
- **Оптимизация использования ресурсов.** Принятие решений на основе баланса затрат, выгод и рисков позволят оптимально распределить ограниченные ресурсы страны для достижения желаемого образа будущего.
- **Гибкость принятия решений.** Использование инструментов анализа чувствительности в рамках данного научного направления позволяет скорректировать оптимальную стратегию в случае нестабильности внутриполитической или внешнеполитической обстановки.
- **Интеграция в процесс цифровизации.** Количественные методы принятия решений легко интегрируются в новую цифровую систему государственного управления.
- **Противодействие коррупции.** Принятие решений на основе использования количественных математических методов сильно сократит возможную коррупционную составляющую в процессе принятия решений.
- **Апробированность.** Среди компаний “Fortune 100” 93 компании используют научное направление анализа решений и его прикладные инструменты для разработки своей стратегии и принятия управленческих решений.

Таким образом, применение анализа решений в сфере разработки государственной стратегии может позволить достичь желаемого образа будущего в условиях неопределенности и риска.

Библиографический список

1. *Howard, R. A.* Decision analysis: Applied decision theory // Proceedings of the Fourth International Conference on Operational Research. Boston : Interscience, 1966. Pp. 55-71.
2. *Howard, R. A.* The Evolution of Decision Analysis // Readings on the Principles and Applications of Decision Analysis / Ed. by R. A. Howard & J. E. Matheson. Menlo Park, CA : Strategic Decisions Group, 1984. Pp. 7-11.
3. *Jaynes, E. T.* Probability Theory: The Logic of Science. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2003. 753 pp. ISBN 978-0521592710.
4. *Ларичев, О. И.* Теория и методы принятия решений. Москва : Логос, 2000. 296 с. ISBN 5-88439-046-7.
5. *Pesce, M., Terzi, S., Al-Jawasreh, R. I. M.* [et al] Selecting sustainable alternatives for cruise ships in Venice using multi-criteria decision analysis // Science of the Total Environment. 2018. Vol. 642. Pp. 668–678. DOI [10.1016/j.scitotenv.2018.05.372](https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2018.05.372).
6. *Харченко, В. С.* Зарубежный опыт применения анализа решений в решении проблем окружающей среды // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2018. Т. 17, № 4. С. 341-347. EDN [YROAMP](https://elibrary.ru/yroamp).

7. Huang, I. B., Keisler, J., Linkov, I. Multi-criteria decision analysis in environmental sciences: Ten years of applications and trends // *Science of the Total Environment*. 2011. Vol. 409, Issue 19. Pp. 3578–3594. DOI [10.1016/j.scitotenv.2011.06.022](https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2011.06.022). EDN WOKPNP.

8. Kiker, G.A., Bridges, T.S., Varghese, A. [et al] Application of multicriteria decision analysis in environmental decision making // *Integrated Environmental Assessment and Management*. 2005. Vol. 1, Issue 2. Pp. 95-108. DOI [10.1897/IEAM_2004a-015.1](https://doi.org/10.1897/IEAM_2004a-015.1).

9. Linkov, I, Satterstrom, F. K., Kiker, G. [et al] From comparative risk assessment to multi-criteria decision analysis and adaptive management: Recent developments and applications // *Environment International*. 2006. Vol. 32, Issue 8. Pp. 1072–1093. DOI [10.1016/j.envint.2006.06.013](https://doi.org/10.1016/j.envint.2006.06.013).

Дата поступления в редакцию: 22.07.2022.

Принята к печати: 05.09.2022.

Сведения об авторе:

Владимир Сергеевич Харченко, стажер-исследователь, Центр социологии религии и социокультурных процессов, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: arnorking@mail.ru

Author ID РИНЦ: 844761

V. S. Kharchenko¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

USING DECISION ANALYSIS TO ACHIEVE THE DESIRED IMAGE OF THE FUTURE

Abstract. The article is devoted to the methodology and features of the scientific direction of decision analysis, which make it essential for the state strategy development in order to achieve the desired image of the future. The history of decision analysis is studied, the basics of the scientific direction are considered: systems analysis, decision theory, probabilistic analysis and cognitive psychology. Organizations that actively use the methodology and most popular computer programs for the practical implementation of decision analysis methods are represented. The domestic contribution to the decision analysis is shown. A promising sub-direction which allows strategy development in conditions of conflicting objectives (multicriteria decision analysis) is presented. The modern methodology of decision analysis is considered: the system of values and objectives of the organization, decision context, identification and evaluation of the mathematical model elements, graphical representation of the model using influence diagrams and decision trees, the procedure of mathematical modeling, optimal strategy determination based on the criterion of maximizing/minimizing the objective function value and the criterion of risk profile dominance and sensitivity analysis methods: one-way and two-way sensitivity analysis, probability sensitivity analysis and strategy dominance analysis. The article concludes that the scientific direction of decision analysis has a number of advantages that make it suitable for use in the field of state strategy development.

Keywords: image of the future, strategy, quantitative methods, decision analysis, mathematical methods, optimization and simulation modeling, sensitivity analysis.

For citation: Kharchenko V.S. (2022) Using decision analysis to achieve the desired image of the future. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 3. Pp. 81-92. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.6)

References

1. Howard, R. A. (1966) Decision analysis: Applied decision theory. *Proceedings of the Fourth International Conference on Operational Research*. Boston, Interscience. Pp. 55-71 (in Eng.).

2. Howard, R. A. (1984) The Evolution of Decision Analysis. In: R. A. Howard & J. E. Matheson [eds.] *Readings on the Principles and Applications of Decision Analysis*. Menlo Park, CA, Strategic Decisions Group. Pp. 7-11 (in Eng.).
3. Jaynes, E. T. (2003) *Probability Theory: The Logic of Science*. Cambridge, UK, Cambridge University Press. 753 pp. ISBN 978-0521592710 (in Eng.).
4. Larichev, O. I. (2000) *Teoriya i metody prinyatiya reshenii [Theory and methods of decision-making]*. Moscow, Logos Publ. 296 p. ISBN 5-88439-046-7 (in Russ.).
5. Pesce, M., Terzi, S., Al-Jawasreh, R. I. M. [et al] (2018) Selecting sustainable alternatives for cruise ships in Venice using multi-criteria decision analysis. *Science of the Total Environment*. Vol. 642. Pp. 668–678. DOI [10.1016/j.scitotenv.2018.05.372](https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2018.05.372) (in Eng.).
6. Kharchenko, V. S. (2018) Foreign experience of decision analysis application in solving environmental problems. *Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. Vol. 17. No. 4. Pp. 341-347 (in Russ.).
7. Huang, I. B., Keisler, J., Linkov, I. (2011) Multi-criteria decision analysis in environmental sciences: Ten years of applications and trends. *Science of the Total Environment*. Vol. 409. Issue 19. Pp. 3578–3594. DOI [10.1016/j.scitotenv.2011.06.022](https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2011.06.022) (in Eng.).
8. Kiker, G.A., Bridges, T.S., Varghese, A. [et al] (2005) Application of multicriteria decision analysis in environmental decision making. *Integrated Environmental Assessment and Management*. Vol. 1. Issue 2. Pp. 95-108. DOI [10.1897/IEAM_2004a-015.1](https://doi.org/10.1897/IEAM_2004a-015.1) (in Eng.).
9. Linkov, I, Satterstrom, F. K., Kiker, G. [et al] (2006) From comparative risk assessment to multi-criteria decision analysis and adaptive management: Recent developments and applications. *Environment International*. Vol. 32. Issue 8. Pp. 1072-1093. DOI [10.1016/j.envint.2006.06.013](https://doi.org/10.1016/j.envint.2006.06.013) (in Eng.).

The article was submitted on July 22, 2022.

Accepted on September 05, 2022.

Information about the author:

Vladimir S. Kharchenko, Research assistant, Centre for the Sociology of Religion and Sociocultural Processes, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.
e-mail: arnorking@mail.ru

DOI 10.19181/nko.2022.28.3.7

EDN PSDTKS

УДК 316.422; 378

С. В. Крошили^{1,2}

¹ ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

² РязГМУ Минздрава России. Рязань, Россия.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Аннотация. Целью настоящего исследования является выявление сложившихся за три года пандемии в российских ВУЗах трендов цифровизации, которые в значительной степени связаны с необходимостью применения смешанных форм обучения на фоне развития новой коронавирусной инфекции. Объект исследования – система высшего профессионального образования. Предмет – современные тенденции цифровизации, обусловленные внешними и внутренними факторами, и отношение к ним со стороны участников образовательного процесса. Пандемия внесла значительные изменения не только в образовательный процесс, но и в систему менеджмента всей структуры получения знаний. Были выявлены значительные проблемы цифрового неравенства не только среди обучающихся, но и учебных заведений. В ситуации вынужденного перехода в смешанный и даже полностью онлайн формат обучения российская система высшего образования доказала свою состоятельность и эффективность. Большинство учебных заведений были вынуждены воспользоваться возможностями дистанционных образовательных технологий. В статье автор использует классический подход к изучению проблемы, основанный на проведении кабинетных и полевых исследований, анализе вторичных и получении первичных данных по исследуемой проблематике. Уникальность исследования заключается в том, что представлен сравнительный анализ отношения к процессам цифровизации российских ВУЗов до начала пандемии (2015 и 2020 гг.) и после пика заболеваемости (2021 г.). Для получения первичных данных был реализован авторский инструментальный лонгитюдного исследования (реализуемого более десяти лет), а также проведён опрос по изучению особенностей использования коммуникационных технологий в образовательном процессе под влиянием социальных, экономических и политических факторов, глобальных процессов, происходящих в обществе, в том числе под влиянием пандемии COVID-19. Результаты исследования могут быть значимы для учёных, специалистов, исследователей и различных структур власти, принимающих непосредственное участие в решении вопросов, связанных с системой образования и высшей школой.

Ключевые слова: российская система образования, цифровая трансформация, пандемия COVID-19, высшее профессиональное образование, тренды информатизации ВУЗов, гендерные особенности отношения к ИКТ.

Для цитирования: Крошили С.В. Цифровая трансформация российских ВУЗов в период пандемии // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 93-110. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.7. EDN PSDTKS

Введение (тренды цифровой трансформации ВУЗов). В начале 2020 года все страны мира столкнулись с проблемой, которая оказала значительное влияние на социально-экономические процессы в обществе. Пандемия COVID-19 повлияла на работу большинства отраслей в России и внесла значительные изменения не только в образовательный процесс, но и систему менеджмента образования. Трансформация коснулась всех без исключения ступеней образования во всех регионах страны. Она выявила проблему цифрового неравенства среди обучающихся, а также учебных заведений. В стрессовой ситуации система

высшего образования доказала свою состоятельность и эффективность – 96% ВУЗов смогли завершить учебный процесс в дистанте [1, с. 10–27].

В российской системе образования в 2020 году (на начало 2020/21 учебного года) обучалось свыше 30,5 млн детей и молодёжи: в высшей школе около 4 млн чел. (в том числе очно учились 60% – 2,4 млн чел.). На всех уровнях подготовки было задействовано почти 2,4 млн педагогических работников, в том числе 223 тыс. чел. НПП в 710 ВУЗах страны¹.

Весь контингент обучающихся и работников системы образования в 2021 году столкнулись с новыми вызовами, обусловленными пандемией [2, с. 1122–1125]. Большинство учебных заведений были вынуждены воспользоваться возможностями дистанционных образовательных технологий. В данный период стал значительно востребован «разнообразный арсенал» ИКТ, который предоставляет современный ИТ-рынок. Выбор платформ регламентировался исходя из требований конкретных министерств и ведомств. Школы и колледжи стали активно использовать возможности ресурса «Школьный портал», в высшем образовании основной упор был сделан на разработку собственных ЭИОС (Электронных информационно-образовательных систем) с привлечением различных платформ для ведения online-занятий (Zoom, Skype и т.п.) [3, с. 115–137; 4, с. 281–283].

В начале пандемии значительная доля российских ВУЗов имела слабую аппаратную и программную инфраструктуру. 12% не имели своих LMS-систем для организации учебного процесса на «удалёнке». 45% – использовали подобные системы в полном объеме возможностей её применения, остальные – имели LMS-систему формально в наличии. При организации синхронного онлайн-обучения в дистанте основная ставка была сделана на использование систем видеоконференций и вебинаров (85%), в основном в облачном формате, так как с технической точки зрения – это самый простой способ организации «контакта со студентами в режиме реального времени». Однако, как показал анализ, только 44% из них имеют решения, позволяющие массово организовывать синхронное обучение [5, с. 73–89].

К концу учебного года, когда большинство учебных заведений решили задачу перехода в дистанционный формат, техническая инфраструктура, как и качество проведения дистанционных занятий значительно улучшились. Позитивный тренд отражён в представленных данных масштабного аналитического и экспертного исследования по оценке и мониторингу ситуации в высшем образовании [6, с. 40–45]. Однако пандемия выявила и значительное неравенство в информационных возможностях нашего общества. Возможность использования мобильных устройств для доступа во Всемирную паутину осложняется неравномерным покрытием территорий сотовой связью. С большой вероятностью можно утверждать, что в период пандемии возможности ИКТ стали основным базисом для реализации многих потребностей современного общества, начиная от организации процесса обучения, заканчивая работой на «удалёнке». Но отношение к таким трансформациям в системе образования оценивается различными участниками образовательного процесса по-разному. Более того, в гендерном аспекте в отношении к таким новшествам нет единого мнения. Проблема сложна и многогранна и требует изучения и постоянного мониторинга.

Методы исследования. Авторский подход к проведению исследования по изучению трендов и проблем цифровой трансформации российских высшего

¹ Доклад Правительства РФ Федеральному Собранию РФ о реализации государственной политики в сфере образования 2021 г. // Официальный сайт Правительства России. URL: <https://u.to/0hZLHA> (дата обращения: 10.06.2022).

образования в современных условиях, а также в области изучения отношения молодого поколения к возможностям применения новых коммуникационных технологий общения базировался на классическом формате получения первичных данных. Дизайн структуры исследования включал в себя два этапа: первый – кабинетный, включающий анализ вторичной информации по вопросам векторов цифровой трансформации ВУЗов, а также аспектов отношения социума к возможности использования дистанционных технологий обучения в высшей школе (в том числе в период пандемии и после неё). Информационную базу исследования составили данные Росстата, аналитические материалы, отчёты Министерства образования РФ, данные международной статистики, мониторинг показателей готовности технической инфраструктуры ВУЗов к смешанным форматам обучения и организации удалённого образовательного процесса, результаты социологических исследований различных организаций.

Второй этап включал в себя проведение полевого исследования (совместно с Институтом социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН). Были использованы следующие инструменты: опрос, с использованием авторского инструментария (анкета) коллектива учёных [7, с. 94–111], а также алгоритм обработки результатов, разработанный автором при проведении лонгитюдного исследования, реализуемого с 2010 г. [8, с. 108–117] (по авторской методике [9, с. 104–117] «Влияние ИКТ на здоровье учащейся молодёжи»). Для возможности сопоставления данных исследования проанализированы результаты опроса 2015 года, 2020 года (до начала пандемии) и на начало 2021 года (период после отмены жёстких мер по соблюдению карантина). Уникальность исследований заключается в возможности всестороннего анализа особенностей использования ИКТ в образовательном процессе под влиянием социальных, экономических и политических факторов, а также глобальных процессов, происходящих в обществе, в том числе под влиянием пандемии.

В начале 2021 года было опрошено более 1,5 тыс. чел.: из них 11% – школьники (ученики старших классов), 45% – студенты ВУЗов, 36% – учащиеся колледжей и лицеев, 8% – работающая молодёжь, обучающаяся на заочной форме. Гендерное распределение включило 46% – мужчин и 54% – женщин. География опроса: средние и малые города юго-востока Московской области (Коломна, Воскресенск, Егорьевск, Луховицы, Озёры, Кашира, Ступино, Зарайск). В предыдущие этапы (2020 г. и 2015 г.) выборка строилась по аналогичному принципу: сопоставимая по количеству и географии исследования. Выбранные населённые пункты с точки зрения демографических, численных, гендерных и качественных показателей являются типичными для большинства городов России, что позволяет использовать полученные результаты и для принятий различных решений в других городах и субъектах РФ. При формировании выборки были использованы методы квотирования по численности и составу населения исследуемых когорт. Всё это позволяет аппроксимировать полученные результаты на всю страну.

Результаты анализа вторичных источников. В период «проникновения» вируса COVID-19 большинство преподавателей были не информированы или малоознакомы с возможностями применения ИКТ для организации онлайн-форм общения со студентами. Значительную нагрузку испытало и научное сообщество, которое в силу возрастных особенностей, одни из первых были вынуждены перейти в режим самоизоляции [5, с. 13–14] (см. рис. 1).

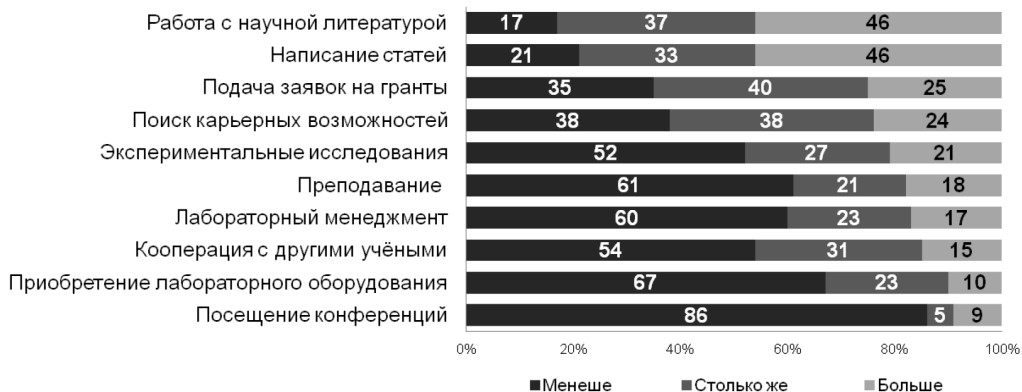

Рисунок 1. Изменения в работе научных работников и преподавателей в период самоизоляции (2020 г.), %

Источник: Построено автором на основе данных [5, с. 13–14].

Резко снизилось посещение конференций и размер затрат на лабораторное оборудование. Почти на половину сократились взаимодействия и коллаборации с другими учёными. 61% респондентов отметили, что стало меньше «самого преподавания» (работы с аудиторией). Опрос ректоров университетов, проведённый аналитической компанией Inside Higher Ed [5, с. 15–16], показывает, что основной задачей было прежде всего сохранение вовлечённости студентов в образовательный процесс, так как переход на дистант – это не только уход в онлайн преподавание, но и необходимость корректировки материала, который даётся обучающим, с учетом банального отсутствия возможности что-то быстро изобразить на доске (см. рис. 2).

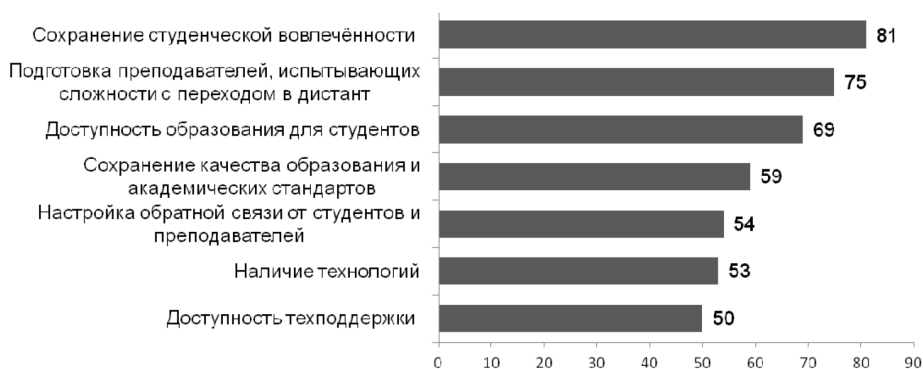

Рисунок 2. Наиболее сложные задачи (в начале работы в дистанте) с точки зрения ректоров университетов (2020 г.), %

Источник: Inside Higher Ed Report: Responding to the COVID-19 Crisis: A Survey of College and University Presidents. URL: <https://www.d2l.com/resources/assets/responding-to-covid-19/> (дата обращения: 01.06.2022).

Сложившиеся условия потребовали от учебных заведений приобретения дополнительного программного обеспечения (ПО) (в т.ч. для организации видео-лекций), развития собственных информационных систем, расширения серверного пространства ВУЗа, в отдельных случаях даже покупку видеостудий для записи лекций, кейсов, видео, практических занятий преподавателей и т.п. Все перечисленные меры были направлены на сохранение качества обучения и на соответствие существующим академическим стандартам [4, с. 281–283].

Дистанционный формат предусматривает две основные формы проведения занятий: с одной стороны, синхронное онлайн-обучение, которое базируются на непосредственном общении педагога и обучающегося в режиме реального времени с применением определенной цифровой платформы; с другой – асинхронное онлайн-обучение: в этом случае учащийся самостоятельно изучает материал, предоставленный преподавателем, а затем отчитывается на основе систем контроля знаний и измерительных материалов (тестов, опросов, эссе и т.п.). Для организации каждого из видов онлайн-обучения применяются свои цифровые решения, платформы и сервисы. Онлайн-лекции (вебинары) и онлайн-семинары (видеоконференции) – это наиболее распространенные формы синхронного онлайн-обучения [10, с. 79–87].

Синхронное обучение с использованием различных платформ можно проводить двумя способами: непосредственно на серверном пространстве ВУЗа с размещением на сервере необходимого ПО или на основе облачных технологий с использованием сторонних онлайн-сервисов. В начале 2020 года у 15% российских учебных заведений возможность реализовывать хотя бы одну из рассмотренных схем, к сожалению, не существовала в принципе. Более 70% ВУЗов могли использовать облачные сервисы, так как их инфраструктура имела необходимые параметры, а чуть больше половины работали на приобретённом ПО для реализации задач синхронного обучения. В результате исследования было выявлено, что наличие технических характеристик российских ВУЗов позволило лишь 44% организовать массовое подключение к синхронному онлайн-обучению.

Анализ используемых облачных решений для задач синхронного онлайн-обучения в российских ВУЗах показал наибольшую востребованность таких ресурсов как: Webinar.ru, Skype и Zoom. На собственных серверах ВУЗы чаще всего использовали Big Blue Button, True Conf Server и Polysom. При организации асинхронного онлайн-обучения российские учебные заведения столкнулись с необходимостью применения, размещения и использования как внутренних, так и внешних онлайн-курсов по всему спектру преподаваемых дисциплин.

Таким образом, в начале пандемии значительная доля российских ВУЗов имела слабую аппаратную и программную инфраструктуру. 12% не имели своих LMS-систем для организации удалённого учебного процесса. 45% использовали подобные системы в полном объёме возможностей их применения. При организации синхронного онлайн-обучения в дистанте «основная ставка» была сделана на использование систем видеоконференций и вебинаров (85%) чаще в облачном формате, так как с технической точки зрения – это самый простой способ организации «контакта со студентами в режиме реального времени». Однако, как показал анализ, только 44% [5, с. 73–89] из них имеют решения, позволяющие массово (в масштабе всего университета) организовывать синхронное обучение в дистанционной форме.

Пандемия выявила сильную неоднородность как с точки зрения оснащённости, так и с точки зрения возможностей коммуникационной инфраструктуры:

пятая часть ВУЗов смогла сохранить обучение в синхронном режиме, 60% – перешли в дистант «с потерями качества образования», 20% – фактически осуществляли заочное обучение, а у 15% ВУЗов студенты «потерялись» (первые недели не существовало никакой системы коммуникации с ними) [6, с. 40–45].

Результаты анализа 2,7 млн студенческих сообщений в социальных сетях в период пандемии и перехода в дистант приведены на рисунке (см. рис. 3). В целом студенты позитивно оценили такую форму обучения: 34% – не считают дистанционный формат менее эффективным; 55% – стали меньше уставать от учёбы; треть – ответили, что «дистанционный формат обучения им нравится больше, чем очный»; для 49% – важно, что стало больше свободного времени.

Рисунок 3. Распределение сообщений от студентов, %

Источник: Построено автором на основе данных [6, с. 40-45].

Однако есть и негативное восприятие данного явления: более 40% отметили существенное увеличение учебной нагрузки и увеличение доли самостоятельной подготовки; столько же – нехватку очного общения с преподавателями и сокурсниками, подчёркивая это как основную сложность организации обучения на дистанте; для 39% сложно учиться в домашней обстановке; для 35% – сложно задавать вопросы преподавателю онлайн; треть – чувствует смущение и дискомфорт, когда преподаватель просит включить веб-камеру [6, с. 40–45].

Исследование вынужденных преобразований образовательного процесса в высшей школе показало наличие некой самостоятельности и грамотной реализации горизонтальных коммуникаций университетов. Именно это и явилось ресурсом успешного преодоления вызовов образованию связанных с пандемией. Всеобщая доступность ИКТ, как со стороны пользователей образовательных услуг, так и со стороны НПР ВУЗов минимизировало, а иногда купировало возможные риски. Приобретённый в период разгара пандемии опыт реализации дистанционного образовательного процесса, поставил серьёзный вопрос перед педагогическим сообществом о возможностях использования удалённого обучения в будущем.

С начала пандемии (2020 г.) Российская академия народного хозяйства и государственной службы реализует мониторинг [11, с. 271–300] «Отношение профессорско-преподавательского (ППС) состава высшей школы к проблеме цифровизации и трансформаций в образовании». Приведём некоторые результаты данного исследования, которое проводилось в три этапа (первый этап – 10.04.2020-15.04.2020; второй – 25.06.2020-10.07.2020; третий – 23.04.2021-31.05.2021):

лишь треть респондентов могут оценить положительно происходящую цифровую трансформацию высшей школы. Больше 40% нейтрально относятся к данным процессам, 15% занимают негативистскую позицию, а 1/10 опрошенных затруднились с ответом.

Один из вопросов анкеты был связан с оценкой цифровой трансформации в собственном ВУЗе. Треть опрошенных считают, что все процессы цифрового преобразования можно оценить удовлетворительно, почти 40% – «хорошо» и только каждый десятый на «отлично» – оценил преобразования в своём учебном учреждении [11, с. 271–300].

Самым интересным, с точки зрения проведённого РАНХиГС исследования, был вопрос связанный с личным отношением ППС к вынужденному переходу к дистанционной форме обучения. Есть возможность отследить варианты ответа «до», «после» и «во время» пандемии, так как вопрос присутствовал на всех этапах исследования. Результаты ответов респондентов на вопрос: «Как вы в целом относитесь к дистанционному образованию в высших учебных заведениях?» приведены на рисунке 4.

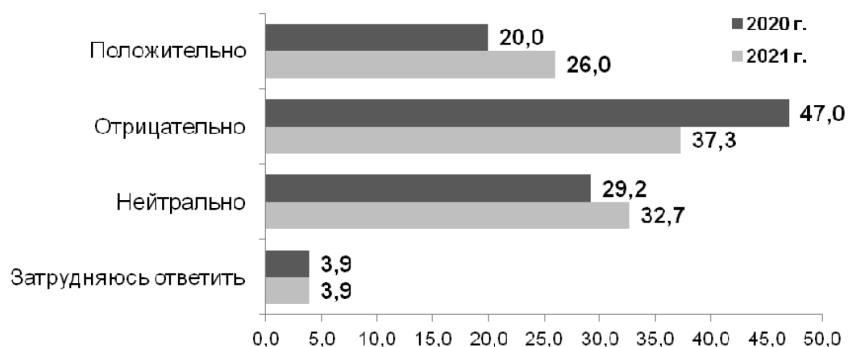

Рисунок 4. Отношение ППС к образованию в дистанционном формате, %

Источник: Построено автором на основе данных [11, с. 271–300].

Почти половина ППС в 2020 году отрицательно воспринимали дистанционное образование. Уже к 2021 году, когда большинство «вынуждено поработали в цифровом формате» ППС с отрицательным отношением стало почти на 10% меньше. Более положительно к такому формату обучения в 2021 году стали относиться 26% опрошенных. Это на 6% больше, чем в 2020. Нейтрально относятся к данному формату передачи знаний каждый третий преподаватель, то есть на 3,5% выше, чем в 2020 году [12, с. 6–19].

В начале 2020 года опрос студентов показал, что 70% признают плохую усваиваемость материала при онлайн-обучении. Лишь 15% опрошенных утверждали, что нет различия между занятиями в дистанте и при очном формате обучения. 2% студентов считают, что есть определённые преимущества в занятиях «на удалёнке» [13, с. 9–13]. В целом как для студентов, так и для преподавателей заканчивать учебный год в дистанционном формате обернулось как дополнительной психологической, так и психической нагрузкой [14, с. 31–51].

Динамику положительной реакции студентов по вопросам удобства использования дистанционного формата обучения можно проследить/увидеть согласно данным всех этапов исследования (см. рис. 5). Количество тех, кто высказал мнение «скорее не согласен» в 2021 году стало на 6,3% ниже, чем летом 2020 г. 15,9% полностью не согласны с «удобством и комфортностью» дистанционного формата обучения, – это почти на 10% меньше, чем летом 2020 г. «Скорее согласных» стало на 12,5% больше, а «полностью согласных» выросло в 2021 году на 7%.

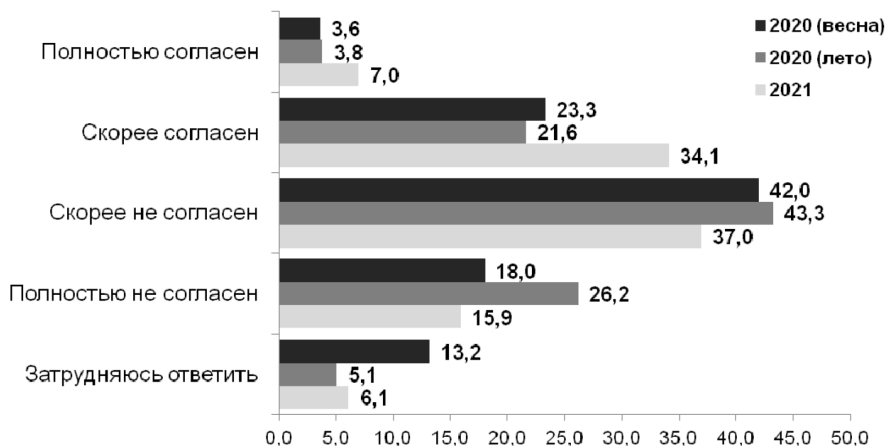

Рисунок 5. Личные оценки респондента (студента) дистанционного формата обучения (удобство и комфорт применения) (результаты трёх периодов опроса), %

Источник: Построено автором на основе [11, с. 271–300].

Среди преподавателей каждый десятый в 2021 году был «полностью согласен» с утверждением, что дистанционная форма обучения стала более комфортной и удобной (см. рис. 6). Стало меньше «скорее несогласных» с 42,1% весной 2020 до 35,2% в 2021 году. 69,5% преподавателей после проведения экзаменационной сессии утверждали, что такая форма проведения аттестации (проверки) знаний неудобна прежде всего для студента.

Полученные РАНХиГС данные [11, с. 271–300] констатируют положительный тренд в оценке преподавателей дистанционного формата обучения. Положительные ответы связаны с позиций «неизбежности» и необходимости применения дистанта в обучении для сохранения возможности осуществления образовательного процесса в период пандемии. Очевидно, что дистанционный формат и/или смешанную модель обучения (blended learning) ни в коем случае нельзя реализовать в медицине, физике, химии, в искусстве и культуре, при преподавании естественных дисциплин (в лабораториях) и сельского хозяйства [3, с. 115–137]. Такой формат может быть адаптирован для проведения занятий у экономистов, менеджеров, юристов, у некоторых ИТ-специалистов и специальностей социальной сферы.

Однако результаты одного из исследований показали, что почти 90% ППС готовы принять модель обучения blended learning. Ещё до начала пандемии данный подход в обучении считался одним из более перспективных в свете

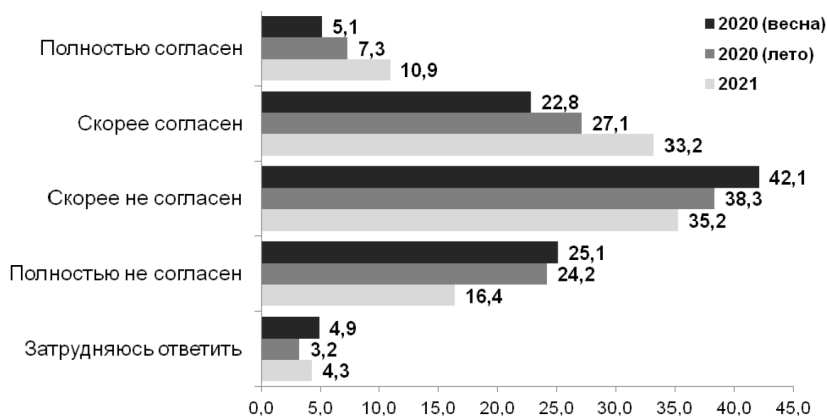

Рисунок 6. Личные оценки респондента (преподавателя) дистанционного формата обучения (удобство и комфорт применения) (результаты трёх периодов опроса), %

Источник: Построено автором на основе [11, с. 271–300].

происходящей цифровой трансформации общества. Можно сказать, что пандемия простимулировала необходимый быстрый формат перехода всех наработанных решений в сфере онлайн-обучения для сохранения работоспособности системы образования. Бурному развитию и вынужденному внедрению даже в образовательный процесс [3, с. 115–137] способствовали ограничительные меры, связанные с предотвращением распространения пандемии. Возможности такого подхода в обучении [15, с. 99–111] становятся весьма актуальными ещё более востребованными в период самоизоляции, ограничений и пандемии [16, с. 81–99].

Результаты авторского полевого исследования. Лонгитюдные исследования коллектива учёных ИСЭПН ФНИСЦ РАН в 2021 году (в период пандемии) показали, что 92% респондентов каждый день пользуются Всемирной паутиной, причем среди женщин таких больше – 94%. Среди мужчин показатели составляют 87%; 4% – пользуются Интернетом раз в неделю, 0,5% – раз в месяц и лишь 4% – не используют его вообще. Чуть меньше трети не покупают товары через Интернет, так как не видят в этом необходимости. 71,1% – покупают (среди опрошенных мужчине – 69%). Для 77% опрошенных необходимо при совершении покупки «потрогать» товар: женщины чаще указывали данный аспект – 79%.

Согласно исследованиям, переход на дистанционную форму обучения потребовал активного использования не только домашней компьютерной техники, но и мобильных устройств. В дистанционном режиме (на «удалёнке») обучающие чаще всего использовали все имеющиеся средства связи (см. рис. 7). По данному вопросу гендерного различия в ответах не наблюдалось. 69% опрошенных применяли для обучения сотовый телефон и компьютер (ноутбук), 10% – только телефон, а 14% – только компьютер (ноутбук). У 15% опрошенных во время пандемии выросли затраты на сотовую связь и интернет. Однако у 80% они остались неизменными: у тех студентов, которые имели безлимитные тарифы доступа в Интернет.

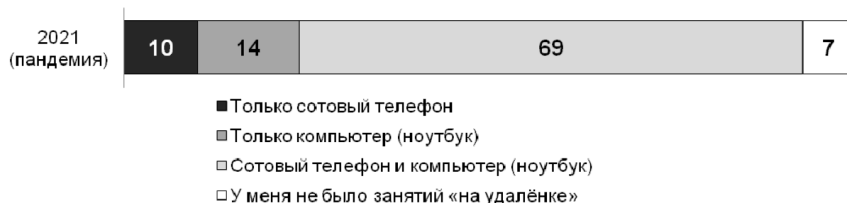

Рисунок 7. Результаты ответов на вопрос «Что Вы использовали для обучения во время занятий «на удалёнке»?» (2021 г.), %

Источник: Результаты авторского исследования (ИСЭПН, 2021 г.).

В 2015 году данные опросов показывали, что почти треть не знала о существовании образовательных информационных ресурсов, а почти четверть (24%) не понимали «как на них попасть». Сегодня для почти половины опрошенных «всё равно» с какого источника читать (электронный или бумажный). Всё меньше становится тех, кому проще читать с листа (34%). В 2020 г. таких было 44%. В 2015 – 47% (см. рис. 8).

Зависимость современных студентов и молодёжи от Интернета в процессе получения новых знаний и решение вопросов, связанных с различными ситуациями, где необходимо получить информацию – очевидна. «Цифровое» поколение всё в большей степени зависит от коммуникаций и возможностей

Гендерные особенности (в период пандемии, 2021 г.)

Рисунок 8. Результаты ответов на вопрос: «Какой источник Вам легче читать?», %

Источник: результаты авторского исследования (ИСЭПН, 2015, 2020, 2021 гг.).

быть всегда online. На вопрос «Если бы Вы вдруг лишились возможности пользоваться Интернетом, Ваша жизнь изменилась бы?»: 58% респондентов дали ответ – «Да, сильно» (женщины более категоричны – 61%). В 2020 году (до пандемии) таких было 48%, а в 2015 – 42% (см. рис. 9).

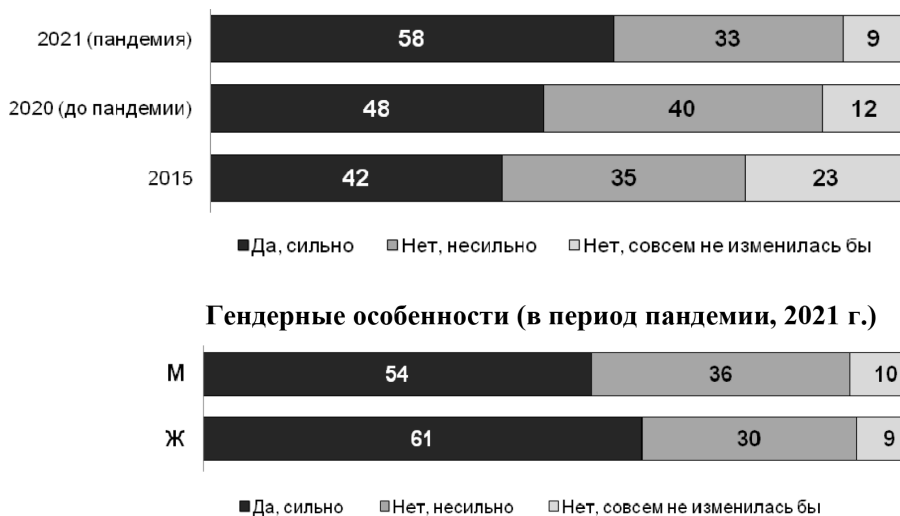

Рисунок 9. Результаты ответов на вопрос: «Если бы Вы вдруг лишились возможности пользоваться Интернетом, Ваша жизнь изменилась бы?», %

Источник: результаты авторского исследования (ИСЭПН, 2015, 2020, 2021 гг.).

42% сказали, что в условиях пандемии (самоизоляции) стали больше общаться с друзьями с помощью информационных технологий (женская аудитория – 46%), у 40% – время не изменилось. 47% – тратили на это 3 часа и больше (что почти в 2 раза больше, чем за аналогичный показатель 2020 года). Всё свободное время – указали 23% опрошенных. В 2020 г. – 20%, в 2015 – 15%. У женщин на общение с помощью современных средств ИКТ уходит больше времени, чем у мужчин (см. рис. 10 и 11).

Рисунок 10. Результаты ответов на вопрос: «В условиях пандемии (самоизоляции) Вы стали больше общаться с друзьями посредством ИКТ?», %

Источник: результаты авторского исследования (ИСЭПН, 2021 гг.).

Рисунок 11. Результаты ответов на вопрос: «Сколько приблизительно времени (во время пандемии) Вы тратили на общение с помощью ИКТ?», %

Источник: результаты авторского исследования (ИСЭПН, 2015, 2020, 2021 гг.).

17% считают, что во время самоизоляции их круг общения стал больше (18% – женская аудитория). 19% указали на уменьшение, а 61% констатировали неизменность данного показателя (у мужчин – 65%) (см. рис. 11 и 12).

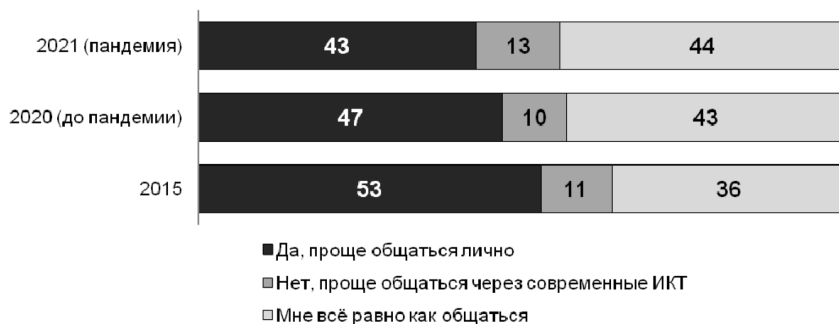

Рисунок 12. Результаты ответов на вопрос: «Ваш круг общения в условиях пандемии (самоизоляции) изменился?», %

Источник: результаты авторского исследования (ИСЭПН, 2021 г.).

При анализе средств и форматов коммуникаций для 13% людей в 2021 г. наблюдалась сложность отсутствия личного общения, хотя на 8% (за 6 лет) выросла доля тех, для кого не важен канал коммуникаций (см. рис. 13). 90% используют мессенджеры для общения (в 2020 г. – 73%). Женщины их чаще используют нежели мужчины (91% и 89% соответственно). За 5 лет разговаривать по сотовому телефону стали реже: процент сократился почти на 30.

Всё меньше стали писать электронные письма, но чаще использовать видеозвонки (39% – 2021 г.). Последние более предпочтительны у женщин (41% против 35% у мужчин) (см. рис. 14).

Гендерные особенности (в период пандемии, 2021 г.)

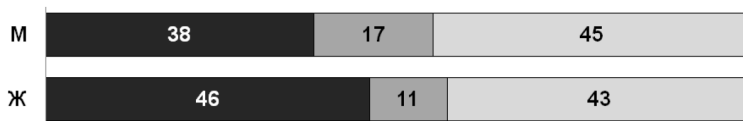
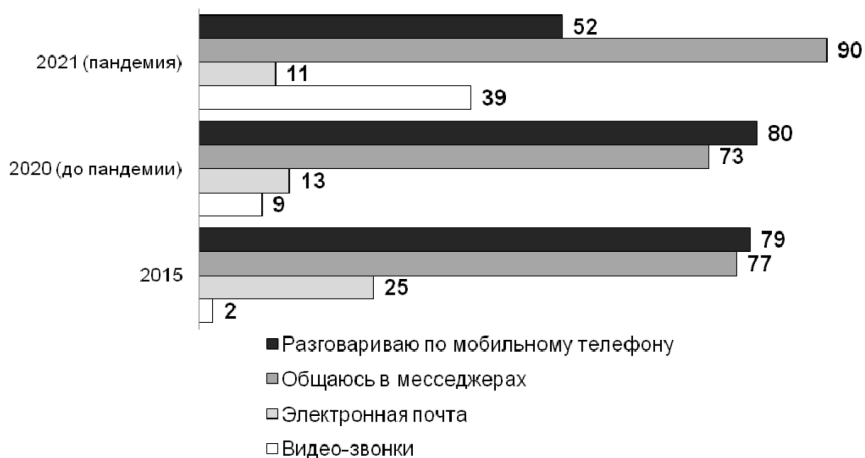

Рисунок 13. Результаты ответов на вопрос: «Для Вас проще общаться лично или с использованием ИКТ?», %

Источник: результаты авторского исследования (ИСЭПН, 2015, 2020, 2021 гг.).

Гендерные особенности (в период пандемии, 2021 г.)

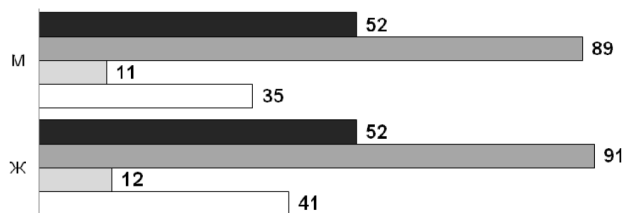

Рисунок 14. Результаты ответов на вопрос: «Для общения с друзьями, что Вы чаще всего используете из современных ИКТ?», %

Источник: результаты авторского исследования (ИСЭПН, 2015, 2020, 2021 гг.).

Респонденты стали больше времени тратить на общение в социальных сетях: 40% используют соцсети от 3 часов и более (в 2020 г. – 26%). Всё свободное время занимают таким общением 17% опрошенных. В 2020 г. таких было лишь 10% (см. рис. 15).

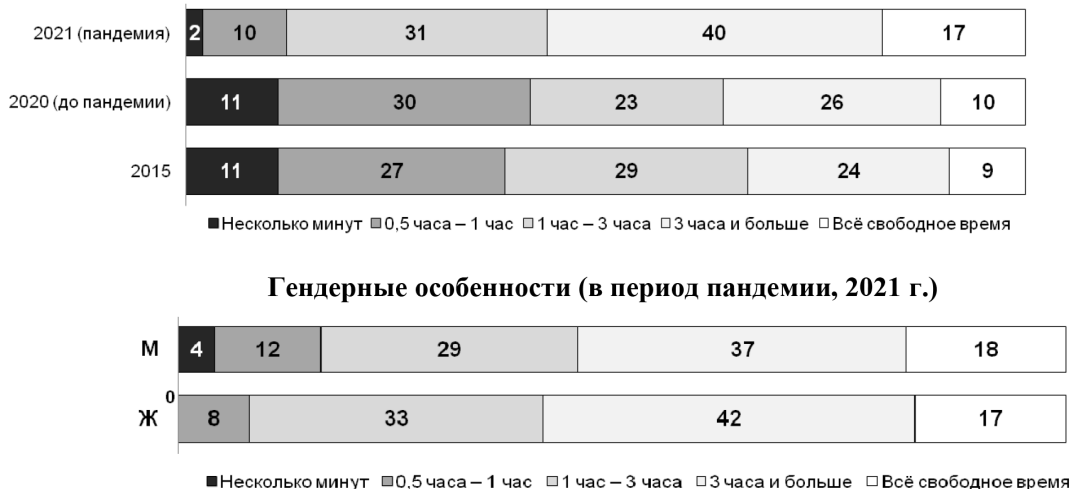

Рисунок 15. Результаты ответов на вопрос: «Сколько времени в день Вы тратите на социальные сети?», %

Источник: результаты авторского исследования (ИСЭПН, 2015, 2020, 2021 гг.).

Предпочтения соцсетей у российских студентов практически не изменились: в основном это «ВКонтакте» (93%), WhatsApp (60%) и TikTok (22%), в меньшей степени Twitter и FaceBook – 8 и 7% соответственно.

Обсуждение и выводы. Поступательное развитие российской системы образования в той или иной степени всегда остаётся в тесной взаимосвязи с цифровыми инновациями и новыми возможностями. Система образования должным образом обязана реагировать на все современные вызовы, как внешнего, так и внутреннего характера. В период пандемии российская система образования, в которой на тот момент обучалось свыше 30 млн человек, адекватно и оперативно отреагировала на все вызовы, связанные с инфекцией COVID-19. Свыше 700 высших учебных заведений за несколько месяцев смогли перестроиться на оказание образовательных услуг в смешанном или полностью в дистанционном формате при сохранении надлежащего качества подготовки студентов. Пандемия выявила цифровое неравенство как самих вузов (недостаточный уровень автоматизации учебного процесса и учебно-методического материала, проблемы возможностей каналов связи для осуществления коммуникационных процессов «обучающийся-преподаватель» и т.д.), так и студентов (технические ограничения, отсутствие необходимой техники и т.п.). Эти сложности купировались возможными вариантами проведения занятий с использованием возможностей ИКТ, которые хорошо известны молодежи: работа через соцсеть «ВКонтакте», средства видеосвязи Skype, Zoom и т.п. В будущем опыт использования ИКТ в образовании в период пандемии даст значительный толчок для развития новых форм подготовки и переподготовки

для более быстрого освоения новых компетенций и профессий. Но отношение к таким трансформациям в системах коммуникации и к цифровым трансформациям – разное.

С точки зрения гендерных особенностей, которые были выявлены в результате авторского исследования, можно утверждать, что женская часть респондентов традиционно чаще пользуются Всемирной паутиной. Кроме того, женская аудитория ориентируется в своём потребительском поведении на покупки в интернете даже больше, чем мужчины в возрасте от 16 до 24 лет. В период пандемии (2019–2021 год) 42% опрошенных в условиях самоизоляции стали больше общаться с друзьями с помощью информационных технологий: среди женской аудитории таких 46%. У женщин на общение с помощью современных средств ИКТ уходит больше времени, чем у мужчин. 17% – считают, что во время самоизоляции их круг общения стал больше. Всё же 46% женщин предпочитают общаться лично. 17% мужчин это проще делать по телефону или с помощью иного средства связи. Женщины чаще используют мессенджеры, нежели мужчины (91% и 89% соответственно). Меньше стали писать электронные письма, но чаще использовать видео-звонки (39% – 2021 г.). Видео-обращения более предпочтительны у женщин (41% против 35% у мужчин).

К происходящим цифровым трансформациям высшей школы, основной причиной которых стала пандемия, большинство преподавателей отнеслись как к возможности сохранения образовательного процесса. И если половина ППС в 2020 году воспринимали дистанционное образование отрицательно, то к 2021 году, когда большинство вынуждено поработали в цифровом формате, таких стало почти на 10% меньше, а почти треть преподавателей стали относиться к такому формату обучения положительно. Четвертая часть студентов так же стала положительно реагировать на смешанный формат обучения. В начале пандемии 70% респондентов признавали плохую усвояемость материала при онлайн-обучении и отзывались о такой форме получения знаний негативно. Тем не менее, больше половины преподавателей не поддерживают дистанционный формат обучения как комфортный или удобный лично для себя и считают что *blended learning* ни в коем образе нельзя реализовать в целом ряде областей подготовки будущих специалистов (медицина, физика, химия, искусство и культура, сельское хозяйство и т.п.). Однако необходимость перехода в онлайн-формат обучения, продиктованный пандемией, не оставил шансов для классической схемы передачи знаний в высшей школе. Ковид способствовал бурному развитию и вынужденному внедрению в образовательный процесс всех современных достижений ИКТ в обучении.

Современные вызовы, с которыми сегодня сталкивается российская система образования, обусловленные как внешними, так и внутренними факторами, могут быть купированы значительным опытом передачи знаний в смешанном формате, накопленным высшими учебными заведениями в период пандемии COVID-19. Проведённое исследование показало, что российское образование имеет достаточный запас прочности и свою особую фундаментальность, которые можно использовать и при переходе к модели образования вне Болонской системы. Полученные результаты исследования отразили отсутствие проблем мониторинга цифровой трансформации российского высшего образования. Однако восприятие и оценка различными возрастными когортами участников образовательного процесса данных нововведений неоднозначна и разнообразна. Более того, в гендерном аспекте подобные ноу-хау изучаются исследователями достаточно редко, а проблема сложна и многогранна и требует дальнейшего изучения и постоянного сопровождения.

Полученные данные исследований могут быть полезны как для учёных, специалистов и исследователей, которые занимаются проблемами высшей школы, так и для представителей всех ветвей власти, министерств и ведомств, которые связаны с решением вопросов реформирования, оптимизации и управления образованием высшей школы.

Библиографический список

1. Испытание на прочность // Ректор ВУЗа. 2020. № 9(189). С. 10-27.
2. Крошилин, С. В. Проблемы профессионального образования в период пандемии // Современное общество в условиях социально-экономической неопределённости : Сб. матер. XV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения» (Москва, 4 марта 2021 г.) : Москва : МАКС-Пресс, 2021. С. 1122-1125. DOI [10.29003/m2013.978-5-317-06609-3](https://doi.org/10.29003/m2013.978-5-317-06609-3).
3. Захарова, У. С., Вилкова, К. А., Егоров, Г. В. Этому невозможно обучить онлайн: прикладные специальности в условиях пандемии // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 115–137. DOI [10.17323/1814-9545-2021-1-115-137](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-115-137). EDN [XZFFFLV](https://www.edn.ru/XZFFFLV).
4. Крошилин, С. В. Профессиональное образование в условиях пандемии и после нее // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : Материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Вологда, 10–11 декабря 2020 г.). Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 281-283. EDN [YAONHRB](https://www.edn.ru/YAONHRB).
5. Клягин, А. В. [и др.] Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии. Москва : НИУ ВШЭ, 2020. 112 с. Серия: Современная аналитика образования.
6. Уроки стресс-теста. Вузы в условиях пандемии и после нее // Качество образования. 2020. № 2. С. 40-45. EDN [TPPTQ5](https://www.edn.ru/TPPTQ5).
7. Крошилин, С. В., Медведева, Е. И. Новые формы обучения на основе информационно-коммуникационных технологий: реализация неформального и информального образования в России // Проблемы развития территории. 2016. № 6(86). С. 94-111. EDN [XBSQRJ](https://www.edn.ru/XBSQRJ).
8. Медведева, Е. И., Крошилин, С. В. Отношение молодежи к информационно-коммуникационным технологиям, своему здоровью и здоровому образу // Народонаселение. 2012. № 4(58). С. 108-116. EDN [PRFINB](https://www.edn.ru/PRFINB).
9. Здоровье молодежи: сравнительное исследование России, Беларусь, Польша / П. Г. Абдулманапов, Р. В. Белая, М. А. Головчин [и др.]. Москва : Экон-Информ, 2016. 214 с. ISBN 978-5-9908695-4-7. EDN [WZPWMN](https://www.edn.ru/WZPWMN).
10. Доброхлеб, В. Г., Крошилин, С. В. Непрерывное образование России как фактор экономического роста. Коломна : ГСГУ, 2018. 273 с. ISBN 978-5-98492-389-7.
11. Рогозин, Д. М., Солодовникова, О. Б., Ипатов, А. А. Как преподаватели вузов воспринимают цифровую трансформацию высшего образования // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 271–300. DOI [10.17323/1814-9545-2022-1-271-300](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-271-300). EDN [KLQTLU](https://www.edn.ru/KLQTLU).
12. Логинова, Н. С., Бендрикова, А. Ю., Дегтярев, С. И. Дистанционное обучение: проблемы и варианты их решения (на примере обобщения опыта дистанционного обучения в АГМУ) // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. 2021. № 3. С. 6–19. EDN [JCTWTI](https://www.edn.ru/JCTWTI).
13. Магомедов, Ш. Б., Абдусаламов, Р. А., Магдилова, Л. В. Цифровые инструменты в обучении студентов-юристов в условиях дистанционного и смешанного обучения // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 36, № 4. С. 9-13. DOI [10.21779/2224-0241-2020-36-4-9-13](https://doi.org/10.21779/2224-0241-2020-36-4-9-13). EDN [ADGGHJ](https://www.edn.ru/ADGGHJ).
14. Рогозин, Д. М. Представления преподавателей вузов о будущем дистанционного образования // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 31–51. DOI [10.17323/1814-9545-2021-1-31-51](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-31-51). EDN [NJLSZU](https://www.edn.ru/NJLSZU).
15. Медведева, Е. И., Виноградова, К. В. Гендерные аспекты трудового поведения врачей учреждений здравоохранения города Москвы // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 2. С. 99-111. DOI [10.19181/population.2020.23.2.9](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.9). EDN [PPKJXM](https://www.edn.ru/PPKJXM).
16. Medvedeva, E., Kroshilin, S., Slabon, E. The role of communication in the formation of young people's social capital in the context of the COVID-19 pandemic // Humanities and Social Sciences. 2021. № 4. Pp. 81-99. DOI [10.7862/rz.2021.hss.33](https://doi.org/10.7862/rz.2021.hss.33).

Дата поступления в редакцию: 27.07.2022.

Принята к печати: 05.09.2022.

Сведения об авторе:

Сергей Викторович Крошилин, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; доцент кафедры математики, физики и медицинской информатики, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова Министерства здравоохранения РФ. Рязань, Россия.

e-mail: krosh_sergey@mail.ru

Author ID РИНЦ: 664581

ORCID: 0000-0002-6070-1234

Researcher ID (WoS): J-2184-2018

Scopus ID: 56292054500

S. V. Kroshilin^{1,2}

¹ ISESP FCTAS RAS. Moscow, Russia.

² RyazSMU MOH Russia. Ryazan, Russia.

MODERN TRENDS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF RUSSIAN UNIVERSITIES

Abstract. The purpose of this study was to identify the main trends in the digitalization of Russian universities, which, recently, have been largely associated with the need to use mixed forms of education against the background of the development of the pandemic. The object of research is the system of higher professional education. The subject is the current trends of digitalization caused by external and internal factors, and the attitude towards them on the part of participants in the educational process. The pandemic has made significant changes not only in the educational process, but also in the management system of the entire knowledge acquisition system. Significant problems of digital inequality were identified not only among students, but also educational institutions. In a situation of forced transition to a mixed and even fully online learning format, the Russian higher education system has proven its viability and effectiveness. Most educational institutions were forced to take advantage of the opportunities of distance learning technologies. In the article, the author uses a classical approach to the study of the problem, based on desk and field research, analysis of secondary and obtaining primary data on the studied problem. The uniqueness of the study lies in the fact that a comparative analysis of the attitude to the digitalization processes of Russian universities before and after the pandemic is presented. To obtain primary information, the author's tools of longitudinal research were implemented and a survey was conducted to study the features of the use of communication technologies in the educational process under the influence of social, economic and political factors, as well as global processes taking place in society, including under the influence of the COVID-19 Pandemic. The results of the study can be practically significant for scientists, specialists, researchers and various government structures directly involved in solving issues related to the education system and higher education.

Keywords: Russian education system, digital transformation, COVID-19 pandemic, higher professional education, trends in informatization of universities, gender-specific attitudes to ICT.

For citation: Kroshilin S.V. (2022) Digital Transformation of Russian Universities during the Pandemic. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 3. Pp. 93-110. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.7

References

1. Strength test (2020). *Rektor VUZa*. No. 9(189). Pp. 10-27 (in Russ.).
2. Kroshilin, S. V. (2021) Problems of vocational education during the pandemic. In: *Modern society in conditions of socio-economic uncertainty*. Proceedings of the XV Intern. scientific conf. "Sorokin Readings" (Moscow, March 4, 2021). Moscow, MAX-Press. Pp. 1122-1125. DOI [10.29003/m2013.978-5-317-06609-3](https://doi.org/10.29003/m2013.978-5-317-06609-3) (in Russ.).

3. Zakharova, U. S., Vilкова, K. A., Egorov, G. V. (2021) It is impossible to teach this online: applied specialties in a pandemic. *Educational Studies Moscow*. No 1. Pp. 115–137. DOI [10.17323/1814-9545-2021-1-115-137](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-115-137) (in Russ.).
4. Kroshilin, S. V. (2021) Professional education during and after the pandemic. In: *Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects* : Proceedings of the IX All-Russian scientific and pract. conf. with Intern. part. (Vologda, December 10-11, 2020). Vologda, VolSC RAS. Pp. 281-283 (in Russ.).
5. Klyagin, A. V. [et al.] (2020) *First weeks storm: how higher education entered into reality of pandemic*. Moscow, HSE University. 112 p. Series: *Sovremennaya analitika obrazovaniya* (in Russ.).
6. Lessons of the stress test. Universities in the context of the pandemic and after it. *Education Quality*. No. 2. Pp. 40-45 (in Russ.).
7. Kroshilin, S. V., Medvedeva, E. I. (2016) New forms of training based on information and communication technology: implementation of non-formal and informal education in Russia. *Problems of Territory's Development*. No. 6(86). Pp. 94-111 (in Russ.).
8. Medvedeva, E. I., Kroshilin, S. V. (2012) Attitude of youth to information and communication technologies, their health and healthy lifestyles. *Narodonaselenie [Population]*. No. 4(58). Pp. 108-116 (in Russ.).
9. Abdulmanapov, P. G., Belaya, R. V., Golovchin, M. A. [et al.] (2016) *Youth health: a comparative study of Russia, Belarus, Poland*. Moscow, Ekon-Inform. 214 p. ISBN 978-5-9908695-4-7 (in Russ.).
10. Dobrokhleb, V. G., Kroshilin, S. V. (2018) *Nepreryvnoe obrazovanie Rossii kak faktor ekonomicheskogo rosta [Continuing education in Russia as a factor of economic growth]*. Kolomna, GSGU. 273 p. ISBN 978-5-98492-389-7 (in Russ.).
11. Rogozin, D. M., Solodovnikova, O. B., Ipatova, A. A. (2022) How university teachers view the digital transformation of higher education. *Educational Studies Moscow*. No. 1. Pp. 271–300. DOI [10.17323/1814-9545-2022-1-271-300](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-271-300) (in Russ.).
12. Loginova, N. S., Bendrikova, A. Yu., Degtyarev, S. I. (2021) Distance learning: problems and options for their solution (by the example of generalizing the experience of distance learning in the ASMU). *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v obrazovanii i meditsine*. No. 3, Pp. 6-19 (in Russ.).
13. Magomedov, Sh. B., Abdusalamov, R. A., Magdilova, L. V. (2020) Digital instruments in the training of law students in the conditions of distance and mixed learning. *Law Herald of Dagestan State University*. Vol. 36. No. 4. Pp. 9-13 DOI [10.21779/2224-0241-2020-36-4-9-13](https://doi.org/10.21779/2224-0241-2020-36-4-9-13) (in Russ.).
14. Rogozin, D. M. (2021) *The future of distance learning as perceived by faculty members* // *Educational Studies Moscow*. No. 1. Pp. 31–51. DOI [10.17323/1814-9545-2021-1-31-51](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-31-51) (in Russ.).
15. Medvedeva, E. I., Vinogradova, K. V. (2020) Gender aspects of labor behavior of doctors at healthcare institutions in Moscow. *Narodonaselenie [Population]*. Vol. 23. No. 2. Pp. 99-111. DOI [10.19181/population.2020.23.2.9](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.9) (in Russ.).
16. Medvedeva, E., Kroshilin, S., Slabon, E. (2021) The role of communication in the formation of young people's social capital in the context of the COVID-19 pandemic. *Humanities and Social Sciences*. No. 4. Pp. 81-99. DOI [10.7862/rz.2021.hss.33](https://doi.org/10.7862/rz.2021.hss.33) (in Eng.).

The article was submitted on July 27, 2022.

Accepted on September 05, 2022.

Information about the author:

Sergey V. Kroshilin, Candidate of Technical Sciences, Senior researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia; Associate Professor of the Department of Mathematics, Physics and Medical Informatics, Ryazan State Medical University named after academician I.P. Pavlov of the Ministry of Health of the Russian Federation. Ryazan, Russia.

e-mail: krosh_serгей@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6070-1234

Researcher ID (WoS): J-2184-2018

Scopus ID: 56292054500

DOI [10.19181/nko.2022.28.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.8)

EDN [OBLYCT](https://oblyct.ru/)

УДК 316.35

О. В. Сорокин¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В культурном пространстве молодежи переосмысление отношения к сфере образования сопровождается складыванием гибридных образцов, совмещающих в себе противоположные смыслы. С точки зрения нормативного подхода данные образцы следует рассматривать как противостоящие ценностно-нормативным образцам, эталонам социальных взаимодействий в сфере образования. В статье природа отклоняющегося поведения молодежи рассматривается в контексте отклонения от исходных смыслов, которые закладывались в понимание морально-нравственных образцов в рамках доминирующей культуры. Выбор молодыми людьми в пользу отклоняющихся смыслов представляется как следствие усиления процессов инструментализации и рационализации молодежи в образовательной сфере. Приводятся результаты всероссийского исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2020 году. Анализируются взаимосвязи между уровнем образования, местом учебы, ценностью образования и отклоняющимися смыслами в культурном пространстве молодежи, что позволяет исследовать смысловую направленность саморегуляции девиантного поведения молодежи в образовательной сфере. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют в пользу того, что нарастающая инструментализация отношения к знанию и культурным практикам в сфере образования усиливает процессы переосмысления сущностного предназначения социальных норм в социальной реальности молодежи. Переосмысление проявляется в двух полюсах рационализации: от либерализации данных норм до практически полного нивелирования прежних эталонов взаимодействий.

Ключевые слова: молодежь, сфера образования, отклоняющиеся смыслы, изменяющаяся социальная реальность, саморегуляция девиантного поведения молодежи.

Для цитирования: Сорокин О.В. Переосмысление отношения к сфере образования в культурном пространстве молодежи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 111-121. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.8. EDN OBLYCT

Введение. Образование, как сфера жизнедеятельности, выполняет особую роль в регуляции девиантного поведения молодежи. С одной стороны, образование создает условия для социального продвижения молодого индивида, выполняя функцию социального лифта. С другой стороны, благодаря погружению в образовательное пространство, расширяется социальная реальность молодежи, благодаря чему молодой человек усваивает сущность социальных норм, их функциональное предназначение. Посредством реализации образовательных программ в учебных заведениях в социальной реальности молодежи эталонные образцы поведения, принятые в господствующей культуре, наполняются смыслами, закрепленными в нормативных документах. Таким образом, благодаря образованию происходит не только познание общепринятых сущностных предназначений норм, но и их закрепление в процессе включения молодого человека в конкретные жизненные ситуации, которые моделируются в рамках образовательного пространства.

В процессе взаимодействий, которые складываются между учителями, преподавателями и учениками, базовые смыслы норм наполняются конкретным содержанием, которое поддерживается социальными институтами. При этом складывающиеся в учебных коллективах взаимодействия между учащимися дополняют базовые смыслы норм новыми смыслами. Во многом новые смыслы связаны с включением молодого человека в жизненные ситуации, когда обкатываются модели поведения, усвоенные в сфере образования. Ситуации выбора жизненного пути в подростковом и юношеском возрастах могут переориентировать молодого человека на пересмотр своего отношения к вопросу о следовании социальным нормам. И взаимоотношения в учебных коллективах могут способствовать усилению данной тенденции.

В современном обществе регуляция социальных взаимодействий в молодежной среде все больше смещается от целенаправленного регулирования в сторону саморегуляции [1]. Во многом это обусловлено свободой в выборе способов самореализации, которые доступны для молодежи в современном обществе. Индивидуальные способы осмысления данных стратегий становятся более интенсивными в переходных условиях. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров в этой связи отмечают, что «предпосылкой к саморегуляции молодежи является состояние самого общества, степень допустимой свободы самоопределения и мышления. Таковую способность индивидуальная активность приобретает в переходные эпохи, когда осуществляется бифуркационный перелом» [2, с. 29]. В такие периоды в социальной реальности молодежи активно переосмысливаются принятые в обществе нормативные эталоны морального, нравственного, правового отношения к объектам социальной реальности [3]. Сама молодежь превращается в активного конструирующего агента [4]. В социальной реальности молодежи в такие периоды начинают преобладать инновационные формы осмысления объектов социальной реальности. Зачастую данные процессы могут сопровождаться радикальным пересмотром существующих норм и ценностей [5]. Это означает, что в процессе конструирования образа социального объекта определяющим становится противоречие между традиционным и современным в организации социальной жизни молодежи. При этом, если традиционный тип организации основывается на образцах ценностно-рациональной мотивации, то современный тип организации общественной жизни строится на основе целерациональной мотивации.

Поэтому новые способы осмысления в культурном пространстве молодежи с точки зрения феноменологической социологии рассматриваются как смысловые девиации. В условиях переходного общества исходные смыслы свойств социальных объектов переосмысливаются в социальной реальности, подвергаются разрушению, если перестает в тезаурусе блокироваться «чуждое». Появление инновационных, гибридных форм саморегуляции девиантного поведения в молодежной среде свидетельствует о серьезных ценностно-нормативных сдвигах, которые происходят в культурном пространстве молодежи.

Методы. Отклоняющиеся смыслы в социальной реальности молодежи отражают совокупность новых способов осмысления молодежью сущности и предназначения образовательного процесса, педагогов, учителей, одноклассников, одноклассников, как объектов социальной реальности, результатом новых способов осмысления выступает укоренение в данной реальности смысловых девиаций, которых не было раньше в культурном пространстве молодежи. В свою

очередь проблематика осмысления культурного пространства молодежи через призму ее изменяющейся социальной реальности изучается в исследованиях, проводимых Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН [6; 7; 8; 9]. Суть отклоняющихся смыслов заключается в отклонении от первоначальных смыслов, связанных с сущностным предназначением ценностей и норм, задаваемых доминирующей культурой. В этой связи Вал. А. Луков обращает внимание на то, что запрос на инновационные алгоритмы деятельности в молодежной среде возрастает в эпоху социальных перемен и становления информационного общества [10; с. 66]. Так, в интернет-сетях стремительно распространяются знания, которые мгновенно становятся достоянием молодежных сообществ. В форме тезаурусов, как ориентационных комплексов, данные знания, получив статус общезначимых, включаются в жизненные миры молодых людей, а значит начинают оказывать влияние на восприятие социальных объектов.

Включенность в субкультурные пространства выступает одним из основных оснований укоренения в социальной реальности молодежи отклоняющихся смыслов [11]. Ориентация на отклоняющиеся смыслы базовых ценностей объясняется стремлением молодежи обрести свою социокультурную субъектность. Включенность в субкультурные пространства выступает одним из механизмов достижения социальной субъектности, поскольку нахождение в молодежной субкультуре открывает перед молодым человеком возможности, связанные с самореализацией его потребностей. В молодежных субкультурах молодежные потребности находят свое воплощение в форме неформальных социальных практик, которые институционализируются в моде, лидерстве, дружбе и т.д. В субкультурных пространствах молодежного движения транслируются смыслы норм и ценностей, которые отвечают интересам создателей данных движений. В самоорганизующихся субкультурных молодежных сообществах конструируются общие представления о способах достижения общественных целей, отличных от официально провозглашаемых в обществе приемов. Молодежные движения выражают внешнюю сторону обретения социокультурной субъектности молодежью.

Используются результаты исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2020 г. в десяти субъектах РФ, в 36 населенных пунктах. Выборка молодежи в возрасте 15–29 лет составила 1155 человек. Опрос проводился методом личного интервью по месту жительства респондентов. Руководитель исследования – Ю. А. Зубок. Для обеспечения репрезентативности опроса была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно квотному заданию, частично был применен метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодежь с учетом региональных особенностей. Регионы: Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область, Курская область, Вологодская область, Республика Крым.

Обращение к данным 2020 года связано с тем, что именно на этот год пришлось начало пандемии новой коронавирусной инфекции. В тот год в молодежной среде усилились процессы переосмысления отношения к сфере образования. Широкое распространение в это время получили дистанционные

формы обучения, что сказалось на появлении новых смысловых девиаций в механизме регуляции девиантного поведения в сфере образования (например, оправдания практик буллинга и троллинга на онлайн-занятиях). В изменяющейся социальной реальности молодежи смысловые девиации отражают новые процессы рационализации и инструментализации отношения молодых людей к сфере образования.

Результаты и обсуждение. В таблице 1 представлены данные, свидетельствующие о складывающихся связях между одобрением отклоняющихся смыслов норм в социальной реальности молодежи и уровнем образования, полученным молодым человеком.

Таблица 1

Взаимосвязь отклоняющихся смыслов в культурном пространстве молодежи с уровнем образования

Законченное образование	Связь с отклоняющимися смыслами, в %								
	В нашем мире правят деньги и неважно, как они заработаны	Неудачник или человек, не достигший успеха в жизни, не заслуживает сочувствия и сострадания – сам виноват	Мат – это норма современной жизни, материться не стыдно	«Пранк» (розыгрыш) – это хороший способ повеселиться, и не надо его стесняться, если это прикольно	Сегодня в сети главное – хайпануть	Кто сильнее – тот и прав	Закон надо уметь обходить	«Троллинг» – это норма общения, троллить допустимо	Буллинг (насмешки, издевательства, травля) допустим, если человек неприятен
Начальное общее образование	68,3	25,0	31,7	51,0	40,4	23,1	34,6	38,5	14,4
Среднее общее образование	73,5	27,1	42,6	43,2	44,8	29,7	38,2	36,6	12,9
Среднее профессиональное образование (СПУЗ, техникум, лицей)	77,8	26,4	35,8	41,2	46,6	31,0	42,3	32,7	12,2
Высшее образование первого уровня (бакалавриат)	71,9	26,0	36,2	32,1	45,4	31,6	35,2	27,0	11,7
Высшее образование второго уровня (специалитет, магистратура)	74,0	23,2	19,9	31,5	42,5	26,0	29,3	17,7	6,1

Источник: данные Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Как следует из анализа таблицы 1, прослеживается более тесная связь между отклоняющимися смыслами и начальным и средним уровнями образования респондентов, нежели чем с более высокими уровнями образования. Так суждение о допустимости разных способов заработка поддерживается скорее теми молодыми людьми, которые включены в процесс получения среднего профессионального образования (77,8% выразивших полное или частичное согласие с суждением). Полученные данные свидетельствуют о том, что молодые люди, которые обучаются преимущественно по образовательным программам средних учебных заведений, допускают для себя разнообразные способы заработка, в том числе и неправовые практики. Среди представителей данных групп прослеживается желание оправдать уклонение от уплаты налогов, использование серых схем получения прибыли. Этим же и объясняется большая доля молодых людей со средним уровнем образования, поддерживающих суждение о том, что закон нужно уметь обходить (42,3% среди выразивших согласие с суждением).

Одобрение обценной лексики в большей степени поддерживается в тех группах молодых людей, которые имеют диплом о среднем общем образовании (42,6% среди согласившихся с суждением о допустимости мата). Данное обстоятельство объясняется тем, что экспрессивность речи, желание более ярко выразить свою мысль у данных молодых людей не всегда подкрепляется базовыми смыслами коммуникации, выбор делается часто в пользу мата в силу того, что это позволяет им быстрее адаптироваться к социальной ситуации, обозначить свою позицию. Прослеживается и взаимосвязь между одобрением отклоняющихся смыслов в сфере коммуникации и уровнем образования респондентов. Так заметно выше одобрение практик розыгрышей в форме пранка среди представителей молодых людей с начальным школьным образованием (51,0% выразивших согласие с суждением). Практики троллинга и буллинга одобряют в большей степени молодые люди с начальным и средним образованием (38,5% и 14,4% соответственно). Выбор в пользу отклоняющихся смыслов норм коммуникации в молодежной среде и их взаимосвязь с начальным и средним уровнями образования отражает тенденцию дополнения социально одобряемых смыслов коммуникации новыми, которые по мнению молодых людей позволяют выстраивать общение между людьми на принципах самовыражения, экспрессии, доминирования и эпатажа. Очень часто данные стремления подкрепляются отсутствием навыков и компетенций для самовыражения, связанных с получением других уровней образования.

Значимые изменения отношения молодежи к отклоняющимся смыслам труда отмечаются и в связи с уровнем образования. Среди молодых людей, имеющих среднее профессиональное образование значение данной связи составляет 77,8% при 68,3% среди молодых имеющих начальное общее и 74,1 – диплом магистра. Значение суждения о человеке-неудачнике, не заслуживающем сострадательного отношения, самое высокое среди молодых людей с средним общим образованием при 26,0% имеющих диплом бакалавра и 23,2% – диплом магистра. Суждение о возможности обхода закона больше разделяют молодые люди со средним профессиональным образованием (42,4%), самое меньшее значение по данному показателю среди молодых людей с дипломом магистра. Суждение о неудачнике, не заслуживающем милосердия, самое высокое среди молодых людей со средним общим образованием (27,2%) и средним профессиональным образованием (26,4), а самое низкое среди молодых людей, окончивших магистратуру (42,5).

Данные выводы находят свое подтверждение и при изучении взаимосвязи между отклоняющимися смыслами социально одобряемых норм и местом учебы молодых людей.

**Взаимосвязь отклоняющихся смыслов с местом учебы
в социальной реальности молодежи**

Место учебы	Связь с отклоняющимися смыслами, в %								
	В нашем мире правят деньги и неважно, как они заработаны	Неудачник или человек, не достигший успеха в жизни, не заслуживает сочувствия и сострадания – сам виноват	Мат – это норма современной жизни, материться не стыдно	«Пранк» (розыгрыш) – это хороший способ повеселиться, и не надо его стесняться, если это прикольно	Сегодня в сети главное – хайпануть	Кто сильнее – тот и прав	Закон надо уметь обходить	«Троллинг» – это норма общения, троллить допустимо	Буллинг (насмешки, издевательства, травля) допустим, если человек неприязнен
В школе, в гимназии	70,8	31,5	33,7	51,7	43,8	27,0	37,1	38,2	19,1
В лицее, в техникуме,	71,9	30,7	43,0	48,2	48,2	28,1	36,0	41,2	17,5
В университете, институте	71,4	22,8	39,7	41,8	52,9	29,6	35,4	38,1	12,7

Источник: данные Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Учащиеся школ, гимназий и лицеев, техникумов охотнее одобряют суждения, которые отражают отклоняющиеся смыслы базовых норм коммуникации, чем молодые люди, которые учатся в университетах и институтах. Так доля опрошенных, которые одобряют практики буллинга, заметно превалирует среди школьников (19,1% среди школьников против 12,7% у студентов вузов). 51,7% школьников одобряют практики розыгрышей в форме пранка, в то время как среди студентов вузов, принявших участие в опросе, доля таких молодых людей составила 41,8%. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что мат как норму готовы принимать 43% опрошенных учащихся техникумов и колледжей и 39,7% студентов вузов при 33,7% школьников. Столь широкое представительство студентов, одобряющих практики обценной лексики, свидетельствуют о серьезных сдвигах в переосмыслении базовых норм коммуникации в социальной реальности российской молодежи.

Среди учащихся школ и техникумов по сравнению со студентами вузов также выше доля тех, кто одобряют суждение о том, что неудачник не заслуживает сострадания (31,5% – среди школьников, 30,7% – среди учащихся техникумов и 22,8% – среди студентов вузов). Это свидетельствует об усиливающихся процессах дифференциации, которые оказывают влияние на школьные коллективы и коллективы учащихся техникумов. Отсутствие сострадания к людям, которых заклеили как неудачников, свидетельствует также о переосмыслении в социальной реальности значительной части подростковой и юношеской молодежи базовых норм отношения к ближнему, построенному на милосердии и сострадании. Это чревато в будущем ростом

конфликтных ситуаций в подростковой среде и социальной напряженности. К этому добавляется наметившийся рост одобрения практик группового морального и физического унижения (буллинга) сверстников в подростковой среде, который вместе с негативным отношением к неудачникам становится причиной формирования типа личности молодого человека, который жаждет исключительно мести для своих обидчиков.

Во всех рассматриваемых группах молодежи по месту обучения отмечается примерно одинаковое в доле соотношении одобрение суждения о правде как демонстрации силового превосходства (27% – для школьников, 28,1% – для учащихся колледжей и техникумов и 29% – для студентов вузов). Данные свидетельствуют о нарастании в молодежной среде конкуренции, которая выражается в противоборствах, в т.ч. и с применением физической силы. Среди студентов вузов заметно выше доля тех молодых людей, которые одобряют суждение о том, что сегодня в сети главное хайпануть (52,9% опрошенных студентов вузов). Студенты, особенно очных форм обучения, рассматривают заработок в сети, в том числе связанный и с ростом популярности, как вполне нормальный способ улучшить свое материальное положение.

Проанализируем в какой степени отклоняющиеся смыслы норм связаны со смыслами образования (см. табл. 3). Ценностное отношение к образованию анализировалось на основе распределения ответов на вопрос «В чем для Вас ценность образования?». Терминальная ценность образования определялась на основе выбора респондентом следующих вариантов ответов: «развитие способностей» и «потребность в познании», а инструментальная ценность на основе выбора вариантов: «диплом» и «возможность сделать карьеру».

Данные таблицы 3 подтверждают вывод о взаимосвязи рассматриваемых отклоняющихся смыслов с инструментальной ценностью образования. Так среди инструментально мотивированных респондентов в получении образования, когда образование рассматривается исключительно как источник получения диплома, выше доля тех, кто считают, что неудачник не заслуживает сострадания (33,3%), мат – это норма современной жизни (46,7%), пранк – это хороший способ повеселиться (52,0%), сегодня в сети главное хайпануть (53,3%), кто сильнее – тот и прав (36,0%), закон надо уметь обходить (40,0%), троллинг – это норма общения (44,0%) и буллинг допустим, если человек неприятен (21,3%). А среди респондентов, которые рассматривают образование как возможность сделать карьеру, выше значения доли ответивших, которые считают, что в нашем мире правят деньги и неважно как они заработаны (72,5%).

Превращение в результате российских реформ образования в сферу услуг усиливает нарастание в социальной реальности молодежи процессов, связанных с переосмыслением базовых норм общения, взаимоотношений, зарабатывания денег, отношения к ближнему и т.д., наделения их новыми, зачастую противоположными смыслами. В этом случае процесс обучения превращается в арену самопрезентации, на которой допускаются эпатажные формы самовыражения, часто девальвирующие ценность морали, а получение новых знаний связывается в большей степени с получением выгод в форме диплома об окончании учебного заведения и возможности сделать карьеру.

В ходе анализа таблицы 3 прослеживается связь ценности образования и знания с отклоняющимися смыслами норм в социальной реальности молодежи. В группах респондентов, разделяющих суждения об отклоняющихся смыслах, значения инструментальных ценностей образования («Диплом», «Возможность сделать карьеру») превышают соответствующие значения терминальных

Связь ценности образования с отклоняющимися смыслами

Ценность образования	Связь с отклоняющимися смыслами, в %								
	В нашем мире правят деньги и неважно, как они заработаны	Неудачник или человек, не достигший успеха в жизни, не заслуживает сочувствия и сострадания – сам виноват	Мат – это норма современной жизни, материться не стыдно	«Пранк» (розыгрыш) – это хороший способ повеселиться, и не надо его стесняться, если это прикольно	Сегодня в сети главное – хайпануть	Кто сильнее – тот и прав	Закон надо уметь обходить	«Троллинг» – это норма общения, троллить допустимо	Буллинг (насмешки, издевательства, травля) допустим, если человек неприязнителен
Развитие способностей	70,4	26,1	33,9	41,7	45,2	27,8	34,8	33,0	18,3
Диплом	69,3	33,3	46,7	52,0	53,3	36,0	40,0	44,0	21,3
Потребность в познании	67,5	30,0	37,5	35,0	52,5	22,5	40,0	37,5	15,0
Возможность сделать карьеру	72,5	26,3	40,6	48,1	50,6	28,8	36,3	41,9	13,1

Источник: данные Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

ценностей («Развитие способностей», «Потребность в познании»). Это подтверждает гипотезу о наличии связи инструментальной ценности образования и знания с отклоняющимися смыслами в механизме саморегуляции девиантного поведения молодежи.

Выводы. Терминальное отношение к знанию является одной из главных особенностей российской ментальности. Вместе с тем рационализация ценности знания в современном российском обществе является ответом на текущие вызовы, связанные с адаптацией и самореализацией молодых людей в условиях общества риска.

Нарастающая инструментализация отношения к знанию и культурным практикам в сфере образования усиливает процессы переосмысления сущностного предназначения социальных норм в социальной реальности молодежи: от рационализации в форме либерализации данных норм до практически полного нивелирования, как, например в сфере коммуникаций, прежних эталонов взаимодействий. Результаты исследования показали, что система образования как совокупность механизмов целеориентированного регулирования духовных процессов в молодежной среде, в текущих условиях не способна системно ответить на текущие вызовы, связанные с девальвацией норм, обеспечивающих успешную интеграцию молодых людей в российское общество.

Инструментальная мотивация формирует запросы на знания и навыки, связанные с решением актуальных, ситуативных проблем молодежи. Именно поэтому снижается интерес к поддержанию некогда монолитных социальных норм, которые обеспечивали формирование базовых оснований личности, связанных с гуманизмом, милосердием, приоритетом духовного над материальным, чувствами долга, гражданственности и готовности помогать ближнему.

Данные процессы отражают противоречие, которое возникает между культурными и социальными основаниями норм. В тех молодежных группах, в которых усиливается запрос на инструментальное отношение к знанию, в большей степени проявляется желание подстроить или перестроить действующие культурные нормы под свои сиюминутные интересы с целью адаптации к меняющимся условиям социальной реальности. В тех же молодежных группах, где терминальная ценность остается преобладающей, растет запрос на поддержание действующих культурных норм.

При этом идея допустимости платного образования в высшей и средней школе со стороны преимущественно высокостатусных молодежных групп усиливает их притязания на доказательство своего превосходства, демонстрации силы, поддержания буллинг-практик в отношении тех, для кого платное образование и связанные с ним услуги (кружки, секции и т.д.) остаются практически недоступными.

В текущих условиях система образования нуждается в выстраивании новых приоритетов, связанных с целенаправленным регулированием духовной сферы молодежи. Для этого необходимо восстанавливать взаимосвязь учебных и воспитательных процессов в рамках учреждений, выполняющих образовательные функции.

Библиографический список

1. *Зубок, Ю. А., Яковук, Т. И.* Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест : Альтернатива, 2008. 204 с. ISBN 978-985-521-004-8. EDN [XSNCSF](#).
2. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневецкий [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN [SUHSWJ](#).
3. *Юревич, А. В.* Эмпирические оценки нравственного состояния современного общества // Наука. Культура. Общество. 2017. Т. 23, № 2. С. 46-55. EDN [YTJSZT](#).
4. *Бергер, П., Лукман, Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. Москва : Медиум, 1995. 323 с. ISBN 5-85691-036-2.
5. «Нормальная аномия» в России и современном мире / Н. Н. Зарубина, И. Г. Каргина, Д. Н. Карпова [и др.]. Москва : МГИМО-университет, 2017. 281 с. ISBN 978-5-9228-1750-9. EDN [ZNCCOD](#).
6. *Зубок, Ю. А., Чупров, В. И.* Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. Москва : Норма, 2020. 304 с. ISBN 978-5-00156-082-1. EDN [WLJWBA](#).
7. *Зубок, Ю. А., Чупров, В. И.* Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник. 2017. Вып. 15. С. 12-48. EDN [ZFBDYV](#).
8. *Зубок, Ю. А., Чупров, В. И.* Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164-186. DOI [10.19181/vis.2019.31.4.614](#). EDN [SBTVHF](#).
9. *Чупров, В. И., Зубок, Ю. А., Романович, Н. А.* Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. Москва : Норма, 2014. 352 с. ISBN 978-5-91768-444-4. EDN [XRYSUR](#).

10. Луков, Вал. А., Погорский, Э. К. Информационное общество и молодежь. Москва : Московский гуманитарный университет, 2014. 159 с. ISBN 978-5-98079-979-3. EDN [SNELCV](#).

11. Шендрюк, А. И. Социология культуры: учеб. пособие. Москва : Юнити-Дана, 2012. 495 с. ISBN 5-238-00896-1. EDN [RYRQDH](#).

Дата поступления в редакцию: 24.07.2022.

Принята к печати: 19.08.2022.

Сведения об авторе:

Олег Владимирович Сорокин, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия.

e-mail: sorokinov@my.msu.ru

Author ID РИНЦ: 719446

ORCID: 0000-0003-2597-9465

Researcher ID (WoS): N-1103-2013

Scopus ID: 57419291000

O. V. Sorokin¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

RETHINKING ATTITUDES TOWARDS EDUCATION IN THE CULTURAL SPACE OF YOUNG PEOPLE

Abstract. In the cultural space of young people, the rethinking of attitudes towards education is accompanied by the emergence of hybrid patterns that combine opposite meanings. From the perspective of normative approach these patterns should be considered as opposing value-normative patterns, standards of social interactions in the field of education. The paper considers the nature of youth deviant behaviour in the context of deviation from the underlying meanings that have been incorporated into the understanding of moral and ethical standards within the dominant culture. Young people's choice in favour of deviant meanings is presented as a consequence of intensified instrumentalisation and rationalisation of youth in the educational sphere. The results of the All-Russian study conducted by the Centre of Sociology of Youth ISPI FNIS RAS in 2020 are presented. The relationships between the level of education, place of study, value of education and deviant meanings in the cultural space of youth are analyzed, which allows to investigate the semantic orientation of self-regulation of deviant behavior of youth in the educational sphere. The findings of the study suggest that the increasing instrumentalization of knowledge and cultural practices in education reinforces the processes of rethinking the essence of social norms in the social reality of youth. This rethinking manifests itself at two poles of rationalization: from the liberalization of these norms to the almost complete leveling out of former standards of interaction.

Keywords: youth, education, deviant meanings, changing social reality, self-regulation deviant behavior of the youth.

For citation: Sorokin O.V. (2022) Rethinking attitudes towards education in the cultural space of young people. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 3. Pp. 111-121. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.8

References

1. Zubok, Y. A., Yakovuk, T. I. (2008) *The cultural life of youth in a transforming society*. Brest, Alternativa Publ. 204 p. ISBN 978-985-521-004-8 (in Russ.).
2. Zubok, Yu. A., Bezrukova, O. N., Vishnevskiy, Yu. R. [et al] (2021) *Samoregulyatsiya zhiznedejatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nye praktiki [Self-regulation of youth life: methodology and social practices]*. Belgorod, Epicentr Publ. 500 p. ISBN 978-5-6045221-7-2 (in Russ.).

3. Yurevich, A. V. (2017) Empirical estimates of the moral state of modern Russian society. *Science. Culture. Society*. Vol. 23. No. 2. Pp. 46-55 (in Russ.).
4. Berger, P., Luckmann, T. (1995) *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. Moscow, Medium. 323 p. ISBN 5-85691-036-2 (in Russ.).
5. Zarubina, N. N., Kargina, I. G., Karpova, D. N. [et al] (2017) "Normalnaia anomiiia" v Rossii i sovremennom mire ["Normal anomie" in Russia and the modern world]. Moscow, MGIMO-University. 281 p. ISBN 978-5-9228-1750-9 (in Russ.).
6. Zubok, Y. A., Chuprov, V. I. (2020) *Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulatsiya zhiznedeyatel'nosti* [Youth in the cultural space: self-regulation of life activity]. Moscow, Norma Publ. 304 p. ISBN 978-5-00156-082-1 (in Russ.).
7. Zubok, Y. A., Chuprov, V. I. (2017) Modern sociology of youth: changing reality and new theoretical approaches. *Reforming Russia: Yearbook*. Issue 15. Pp. 12-48 (in Russ.).
8. Zubok, Y. A., Chuprov, V. I. (2019) Self-regulation of life purpose values in youth cultural space. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 10. No. 4. Pp. 164-186. DOI [10.19181/vis.2019.31.4.614](https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614) (in Russ.).
9. Chuprov, V. I. Zubok, Y. A., Romanovich, N. A. (2014) *Otnoshenie k sotsial'noi real'nosti v rossiiskom obshchestve: sotsiokul'turnyi mekhanizm formirovaniya i vosпроизводства* [Attitudes to the social reality in the Russian society: socio-cultural development and reproduction mechanism]. Moscow, Norma Publ. 352 p. ISBN 978-5-91768-444-4 (in Russ.).
10. Lukov, Val. A., Pogorskii, E. K. (2014) *Informatsionnoe obshchestvo i molodezh'* [Information society and youth]. Moscow, Humanitarian University. 159 p. ISBN 978-5-98079-979-3 (in Russ.).
11. Shendrik, A. I. (2012) *Sociology of culture: textbook for students*. Moscow, Unity-Dana Publ. 495 p. ISBN 5-238-00896-1 (in Russ.).

The article was submitted on July 24, 2022.

Accepted on August 16, 2022.

Information about the author:

Oleg V. Sorokin, Candidate of Sociology, Senior Researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

Moscow, Russia.

e-mail: sorokinov@my.msu.ru

ORCID: 0000-0003-2597-9465

Researcher ID (WoS): N-1103-2013

Scopus ID: 57419291000

DOI [10.19181/nko.2022.28.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.9)EDN [ASJVNB](https://www.edn.ru/ASJVNB)

УДК 316.4; 373

П. В. Шевченко¹¹ Московский городской педагогический университет.
Москва, Россия.

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА: ИТОГИ РЕФОРМ

Аннотация. В статье рассматриваются результаты 10-летнего периода активного реформирования московской системы образования, которое было инициировано на федеральном уровне, но имело свою городскую специфику. Описываются меры по стандартизации единого образовательного пространства, новая система оплаты труда, подушевое финансирование.

Изменения в структуре управления образованием города – ликвидация окружных управлений образования, объединение школ и детских садов в образовательные комплексы, появление новых функций у школы и её администрации анализируются с точки зрения концепции управления изменениями.

В качестве основных последствий реформ отмечаются возникновение социально-профессиональной прослойки школьных администраторов, придерживающихся единой системы ценностей, а также снижение социальной напряжённости, выравнивание ресурсных возможностей основной массы школ и улучшение образовательных результатов московского образования в целом.

Эмпирическую основу составляют статистические данные и результаты интервью с администраторами школ – директорами и их заместителями, большинство из которых успешно справились с новыми задачами и условиями работы в период интенсивного реформирования столичного образования.

Ключевые слова: система образования, реформирование, образовательный комплекс, управляемость, рейтинг школ.

Для цитирования: Шевченко П. В. *Московская школа: итоги реформ* // *Наука. Культура. Общество.* 2022. Т. 28, № 3. С. 122-136. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.9). EDN [ASJVNB](https://www.edn.ru/ASJVNB)

Введение. Изменения привычного порядка, инициированные «сверху», чаще всего вызывают сопротивление, если «внизу» нет понимания, к какому результату они должны привести. Это характерно для всех сфер жизни, особенно для таких инертных как образование или государственная служба.

Десять лет реформ столичного образования (2010-2020), которые ещё долго будут ассоциироваться с личностью руководителя столичного Департамента образования (далее – Департамент) И. И. Калиной (*в тексте интервью – И.И.*), были периодом наиболее значительных изменений во всех сферах профессиональной деятельности работников системы образования. Новации, проводимые в Москве, частично были городской инициативой, но в основной части – следствием инициатив, принятых на федеральном уровне и реализованных с присущей городу спецификой.

Реформы, нововведения всегда вызывают разные оценки, в том числе, полярные, в зависимости от разных обстоятельств, которые влияют на людей. Важны вовлечённость в процесс и личная результативность в нём. Немаловажен и фактор времени – многие результаты имеют отсроченный эффект. В данной статье автор опирается на мнение экспертов – директоров и заместителей директоров школ, успешно осуществлявших свои функции в означенный период.

Цели и методы. Целью данного исследования было получить качественную оценку преобразований, которые существенно изменили организацию школьного образования в городе и принципы управления им. Научная проблема состоит в том, что в настоящий момент отсутствуют систематизированные и теоретически обоснованные представления о том, как повлияли реформы на эффективность работы системы среднего образования.

Основным методом исследования стало формализованное экспертное интервью и анализ данных из открытых источников. Все 20 экспертов начинали свою административную деятельность ещё до 2010 г., 3 чел. ушли с поста директора до 2020 г.: 2 чел. – на другие должности в системе образования, 1 чел. – на пенсию.

Дореформенный стандарт московского образования. Предпосылкой для масштабных реформ в сфере школьного образования стало понимание руководством страны того, что старая система образования, сформировавшаяся ещё в индустриальную эпоху, не отвечала задачам нового времени. Это утверждение не было бесспорным, но сам факт того, что в течение долгого времени образование, скорее не развивалось, а выживало, наводит на мысль о том, что какие-то изменения были неизбежны.

К концу 80-х годов московская система среднего образования состояла из общеобразовательных школ, где учились более 90% всех детей, нескольких десятков школ с углублённым изучением предметов, имевших право на отбор более способных детей, и профтехучилищ, которым доставались выпускники 8 или 10 классов, которые планировали получить рабочую профессию, а не высшее образование. Школы, существовавшие на особом положении (но при этом бывшие неотъемлемой частью системы), демонстрировали высокие результаты. В эпоху перестройки само развитие системы предполагало опору, прежде всего, на сильные школы: предполагалось, что они будут накапливать свой передовой опыт, которые все остальные смогут использовать.

В 90-ые годы, несмотря на резкое сокращение финансирования, многие «обычные» школы изменили свой статус – стали называться центрами образования, лицеями, гимназиями, школами «с углублённым изучением...», с этнокультурным компонентом, «школами здоровья», экспериментальными площадками и т.д. При этом сама система, развиваясь, оставалась по сути советской – с дифференцированным финансированием, привилегированным положением лучших школ, чьи директора вполне оправданно стремились «выбить» из системы побольше:

Когда я стал директором, то финансирование гимназии было на 80% выше, чем в «школе напротив». И я за десять лет правдами и неправдами довёл разрыв до 120-140% (эксперт 11, стаж адм. работы 29 лет).

Эта ситуация способствовала тому, что двадцать лет наиболее творческие и инициативные кадры уходили из 90-95% московских школ, концентрируясь в сильных школах. Непрозрачным был и процесс зачисления детей в такие школы. Привыкшие к отбору детей в 1-й класс школы организовывали платные подготовительные курсы. В некоторые гимназии и лицеи был открытый конкурсный набор в 5 класс, но в какие-то из них можно было попасть только через прогимназию. В «хорошие» школы, принимавшие всех подряд, с ночи перед днём начала записи выстраивалась очередь родителей.

Дореформенная система образования насчитывала порядка 3800 образовательных учреждений и характеризовалась большим разнообразием (учре-

ждений, дающих начальное и среднее образование – 17 видов, дошкольное образование – 11 видов). Разные по силе учреждения требовали разного финансирования, большинство из них подчинялось окружным управлениям образования, но 60 гимназий и школ подчинялись напрямую Департаменту. Система была сложно управляемой, и для решения масштабных задач новому руководству, не имевшему опыта решения таких задач, предстояло «ликвидировать многоукладность», чтобы упростить систему и сделать её быстро реагирующей на вводные.

Инновации федерального уровня. Распад СССР способствовал образовательным экспериментам, но внёс значительную долю хаоса в систему, стандарт которой предусматривал единую программу и одинаковые для всей страны учебники. В качестве новой точки отсчёта начался поиск всеохватывающего образовательного стандарта. Первый стандарт был принят в 2004 г., к 2009 его уже заменил ФГОС второго, а в 2021 – третьего поколения.

Единый государственный экзамен проходил стадию эксперимента в течение девяти лет и с 2009 г. стал единственной формой государственной итоговой аттестации (ГИА) при получении среднего образования и одновременно вступительным испытанием в вуз. ЕГЭ от многих школ потребовал перестройки всей работы, администраторы школ высказывали разное отношение к нему, но для всех это основной показатель качества «на выходе».

Подготовка класса к ЕГЭ у учителя отнимает много времени, которого не хватает на тех, кто недопонял базу. Нет времени на базовые знания (эксп. 2, стаж 16 л.).

Согласен, что ЕГЭ требует «натаскивания». ЕГЭ-репетиторством теперь заняты и школьные, и вузовские педагоги (эксп. 3, стаж 30 л.).

Я не трачу дополнительных усилий на подготовку, у меня дети и так готовы: проходя темы, можно совмещать понимание и подготовку к ЕГЭ, и у нас нет специальных часов по подготовке к ЕГЭ (эксп. 14, стаж 36 л.).

Есть ЕГЭ, нет ЕГЭ – мы всегда учили хорошо. В содержательном плане ЕГЭ – не сложный экзамен. Если у школьника есть опыт тестирования, выполнения заданий в форме ЕГЭ, он его пройдёт (эксп. 10, стаж 32 г.).

Очевидно, что аттестация в форме ЕГЭ – это лишь итог, а то, как школа к нему подходит – затрачивая специальные усилия или работая планомерно, – зависит от самой школы, от её учителей. Всероссийские проверочные работы (ВПР) появились в 2015 г. и имели схожую с ГИА функцию – установить реальный уровень знаний школьников (а заодно и обоснованность выставляемых им в школе оценок). ФГОС, ЕГЭ и ВПР служат одной цели – сформировать единое образовательное пространство с единым государственным стандартом. Это формирование ещё не закончено, в Москве с 1 сентября этого года планируется запустить единые программы, перейти на единые учебники. Московским центром качества образования (МЦКО) разработан свой аналог проверочных работ, и в Москве от ВПР отказались.

Нормативно-подушевое финансирование (НПФ) образовательных организаций как эксперимент в некоторых регионах начался ещё в конце 1990-х. В Москве с 2006 г. действовал принцип подушевого финансирования, при котором норматив финансирования зависел от статуса школы, а пилотный проект по единому нормативу стартовал в 2011 году¹. Переход

¹ О проведении пилотного проекта по развитию общего образования в городе Москве: Постановление правительства г. Москвы № 86-ПП от 22.03.2011 // Оф. сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/10355220> (дата обращения: 15.06.2022).

к универсальному принципу «всем школам – одинаковая сумма за ученика» призван был восстановить справедливость распределения. Естественно, он вызвал разные мнения в зависимости от того, в какую сторону изменилось финансирование школы.

Это было правильно. Неожиданно, «простые» школы стали жить лучше (эксп. 7, стаж 28 л.).

Кому стало лучше? Школам с большим контингентом, а в школе – учителям с большими классами, то есть, не нам: на английском мы делили класс на 3 подгруппы, а потом стали делить на две (эксп. 15, стаж 27 л.).

Выигравших было существенно больше, чем проигравших, поскольку основной массе «обычных» школ удвоили уровень финансирования (с 63,1 тыс. р. до 123 тыс. р.), приравняв его по уровню к спецшколам и задав высокую планку социальных гарантий учителям. Несправедливой такая «уровнировка» представлялась гимназиям и лицеям (получавшим до этого около 150 тыс. р. на ученика), демонстрировавшим высокие результаты и вдруг лишившимся стимула работать лучше. Такими стимулами стали гранты Мэра за высокие позиции в рейтинге школ.

Гранты увеличили наш ФОТ: 30% налог, 10% – в развитие, остальное – в стимулирующие (эксп. 3, стаж 30 л.).

Гранты и прочее нам не были доступны, мы не в рейтинге, я за него и не боролась (эксп. 15, стаж 27 л.).

С декабря 2008 года в РФ вводилась новая система оплаты труда (НСОТ) для работников бюджетной сферы с целью повысить мотивационную составляющую оплаты труда педагога за счет надбавок и доплат, до этого оплата труда соответствовала ставке, установленной в соответствии с Единой тарифной сеткой. НСОТ была возложена на региональные власти.

С 2012 по 2014 гг. все школы Москвы перешли на НСОТ. Помимо того, что иначе стал распределяться фонд оплаты труда, школам разрешили всю экономию, включая коммунальные услуги и материальные затраты, направлять на выплаты стимулирующего характера². НСОТ предполагала периодическое коллективное обсуждение и перераспределение стимулирующей части зарплаты. Таким образом (по аналогии с другими странами [1, с. 11]) был запущен механизм конкуренции между учителями. В Москве конкуренция педагогов внутри самих школ способствовала улучшению результатов, но только в первой сотне [2, с. 40] наиболее успешных школ.

Процедура правильная, если учителя обсуждают, какие результаты считаются приоритетными (эксп. 16, стаж 15 л.).

Кто работает, тот и доказывает, что он лучше, с аргументами (эксп. 4, стаж 14 л.).

Все устремились приписать себе больше: 100-балльников, проведённые мероприятия... но где связь с самим качеством обучения? (эксп. 12, стаж 25 л.)

Делёжка зависит от коллектива, кое-где начинается очковтирательство. Хорошо, когда все заполняют анкеты, считают баллы, понимают, сколько стоит каждый балл. Плохо, когда единолично решает директор – обычно пристрастно и субъективно. У меня всегда было коллективно (эксп. 15, стаж 27 л.).

Введение НСОТ отменило гарантированные надбавки за звания заслуженного и народного учителя, за квалификационные категории, а также введённые

² О новых системах оплаты труда работников государственных учреждений города Москвы : Постановление правительства г. Москвы от 24 октября 2014 года N 619-ПП // Оф. сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/2705220> (дата обращения: 15.06.2022).

в 2005 г. в Москве надбавки к окладу учителям иностранных языков и молодым специалистам, теперь за что доплачивать, решал педколлектив. Школам предписывалось при НСОТ платить не меньше, чем раньше, но оснований для прежних доплат у школ уже не было. После нескольких лет ежегодных обсуждений и пересмотров коэффициентов приоритеты устоялись, положение о стимулирующей части зарплаты есть на сайте любой школы, новые учителя его изучают при приёме на работу.

Заметно возросший уровень финансирования (только в 2012 году на 30% больше, чем в предыдущем, и далее – ещё больше) и связанный с ним рост зарплаты позволил большинству учителей смириться с потерями прежних надбавок. В дальнейшем именно высокий уровень зарплаты педагогов и директоров в Москве станет важным условием реализации нововведений. Регионам с этим повезло меньше, поскольку любая система распределения средств вторична по отношению к самому финансированию. У столичных властей была возможность заметно (а не символически) стимулировать приоритетные направления работы. Например, введённая доплата за классное руководство учителю составляет порядка 30 тыс. р., из них 5 тыс. р. – федеральные и 25 тыс. р. – московские.

Коллективное обсуждение порядка распределения стимулирующих выплат было первым проявлением самоорганизации и самоуправления с выработкой новых правил. Другим индикатором самоорганизации стало появление управляющих советов школ, но их функция в реальном управлении школой – согласовательная.

Реорганизация городской структуры управления. Изменения в структуре Департамента стали первым решительным действием его нового руководителя в течение первых двух лет работы и запомнились заменой команды заместителей, сокращением значительного числа госслужащих и переводом оставшихся на срочный контракт. В 2011 г. заканчивалось действие Государственной-Программы «Столичное образование-5». Автор статьи лично составлял сводный отчёт о её исполнении, постоянно сталкиваясь с тем, что цели управления Департамента, упомянутые в Программе в качестве ответственных за мероприятия или достижение показателей, уже отсутствовали как таковые. «Столичка-5» была выполнена частично, поскольку была профинансирована на 42%.

Программа-преемник («Столичное образование – 2012-2016») составлялась с учётом положений Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» и декларированной задачи всеобщей доступности качественного образования. Соответственно, вся структура управления была перестроена под иные приоритеты: усиливались функции надзора и финансового контроля, обеспечение учебной деятельности передавалось в подведомственные учреждения, шёл поиск формы управления, способной обеспечивать достижение новых целевых показателей.

Вторым действием стала ликвидация к 2015 году окружных управлений образования (ОУО) со всеми их функциями – финансовой, кадровой и методической. Эти функции передавались непосредственно образовательным организациям, но для их успешного осуществления нужны были специальные условия. Эти условия школы должны были создать у себя самостоятельно.

Округа (ОУО) остались без реально контролирующих и помогающих функций (эксп. 11, стаж 29 лет).

Полномочия передали директору, и ОУО стали ему не нужны. Как «управление» они своё отжили, подсказать уже не могли, ничего не решали (эксп. 3, стаж 30 л.).

Третьим действием стала глобальная реорганизация сети образовательных учреждений путём их слияния или, что случалось чаще – поглощения [3]. Большая часть школ, детских садов, колледжей объединились к 2015 г., но сам процесс объединения и присоединения, судя по статистике, продолжается до сих пор (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество школ в Москве

Год	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Школ	1609 ³	645	659	639	611	573	556	546

Процесс укрупнения школ был ориентирован на формальную унификацию (создание многопрофильной школы, имеющей все ступени образования – от дошкольного до полного среднего). На то, какие именно образовательные организации и в каком количестве объединятся, влияли амбиции и взаимоотношения их руководителей, специфика района, позиция родителей обучающихся. Результатом стало многообразие вариантов объединения – от двух школ без детских садов с бюджетом порядка 40 млн руб. в год до комплекса-гиганта, чей бюджет превышает 1 млрд рублей, объединившего все имевшиеся здания детских садов и школ района. Независимо от количества зданий и количества обучающихся структура управления новой школы унифицирована: директору полагается иметь 4-х заместителей, формулы расчёта заработной платы и контрольных финансовых показателей также едины для всех.

Все, кто прошёл через трудности объединения, теперь понимают преимущества объединённого комплекса, но поскольку условия у всех разные, различен и опыт разных школ.

Это был вопрос социальной справедливости – настолько уже стали различаться школы обычные и элитные. Объединялись сильные и слабые школы. Нужно было распределить кадры туда, где их нет, с целью поднять качество образования слабых. Справились постепенно (эксп. 11, стаж 29 л.)

Сначала и я не понимала, зачем объединение, но создавалась новая система, и получилось более гибко, чем до объединения. Большой школе проще варьировать – разобраться с нагрузкой предметников и разогнать (увеличить) внебюджет (эксп. 13, стаж 14 л.)

Объединили три обычных, но разных школы, все разом стали одинаковыми, но не лучше (эксп. 5, стаж 32 г.).

Мы объединились с коррекционной школой и с ней прошли путь от «школы уголовников» до школы, куда приводят своих детей очень известные личности (эксп. 7, стаж 22 г.).

Нас объединили механически, две школы рядом – перегруженная и недогруженная. Говорили, что это экономически обоснованно, но экономия получилась небольшая. Зато теперь у нас 4 разных профиля (эксп. 10, стаж 32 г.).

Видеть в основе реформ то, что на поверхности – экономические соображения, а не вопрос управления, типично для недостаточно информированных

³ В начале 2010/2011 г. данные Мосгорстата отдельно учитывали школы и 2314 детских сада, которые позже были присоединены к школам. Данные Федерального статистического наблюдения (ФСН) используются с 2016 г, когда была разработана Форма ОО-1 и впервые опубликована на сайте Минобрнауки (позднее – Министерства просвещения).

участников процесса. Отношение к объединению и другим новациям у директоров менялось от сопротивления до активного принятия, что вполне естественно, особенно при отсутствии опыта, неизбежных ошибках руководства [4, с. 300; 5] и дефиците времени, при котором «принудительный подход к подавлению сопротивления», возможно, единственно правильный способ управления изменениями [6, с. 392].

Некогда было слушать «не хочу не буду». Реформирование шло очень интенсивно, задачи были «неразжёваны», было волнение от непонимания, не всё было очевидно (эксп. 6, стаж 33 г.).

...Он (И.И.) меня спросил: «Я всё делаю правильно, почему люди не хотят принимать эти изменения? Я ответила: «Вы просчитали ситуацию на 10 шагов вперёд и знаете, к какому конечному результату хотите прийти, а нам Вы только про 2 шага говорите, поэтому мы сопротивляемся» (эксп. 8, стаж 18 л.).

Сейчас я вижу только плюсы. Пусть грубой форме, пусть ценой потерь, но чёткая поставленная цель достигнута. Вернее, много целей... (эксп. 5, стаж 32 г.).

С реорганизацией сети учреждений закончился первый этап реформ – этап преобразования управленческой структуры. Этот этап требует осмысления двух основных вопросов: про управленческие функции и про изменения в социальной прослойке занятых в управлении, поскольку, когда полностью исчезает или частично трансформируется структура, возникает вопрос о функциях, которые она осуществляла до того.

Реорганизация управленческих функций в школе. Школа стала субъектом таких экономических отношений, в каких раньше не участвовала – закупки (через торги, аукционы в соответствии с новыми законами)⁴, ведение претензионной работы и т.д. Вместе с тем школа получила самостоятельность в принятии решений о покупке нужного ей оборудования или мебели. Для ведения такой работы нужны были специальные должности заместителя директора по ресурсам и контрактного управляющего. Директору и заместителю срочно пришлось получать дополнительное образование, на контрактника переучивались сокращаемые школьные бухгалтеры и заместители директора. Выведенные из штата школ уборщицы, дворники и повара, а также охранники стали сотрудниками аутсорсинговых компаний, выигравших конкурс на обслуживание школ.

Кадровая работа и прежде осуществлялась школой в части ведения трудовых книжек и поиска перспективных работников, но увеличение штата с нескольких десятков до нескольких сотен, работа с сайтами и резюме, освоением «облачного сервиса» потребовала выделения для этого одного, а то и двух специальных сотрудников.

Методическое обеспечение образовательного процесса обусловило создание методических объединений (или кафедр) предметников или учителей начальных классов в школах. Сейчас в школах встречаются методисты и по дошкольному, и по инклюзивному, и по дополнительному образованию. Содержательные стороны контролируют методист и заместитель директора по содержанию и конвергенции программ. Внешней поддержки, осуществляемой ранее окружным управлением, какое-то время не было, так как предполагалось, что школы сами установят связи с педагогическими университетами. Этот процесс шёл у школ с разной успешностью, и Департамент вернулся

⁴ Федеральные законы 44-ФЗ и 223-ФЗ о закупках в бюджетных организациях.

к организации процесса. Сейчас методическую поддержку в разной форме можно найти на сайтах МГПУ, Городского методического центра, Центра цифровизации образования и т.п.

Методическая система ОУО была жизнеспособной: всех учителей знали в лицо, нас учили, заставляли исправлять ошибки. Но в комплексе работа кафедр это компенсирует (эксп. 14, стаж 36 л.).

Методическая работа внутри школьных методобъединений и кафедр сейчас намного качественнее, чем та, что была. На каникулах сколько всего предлагается: онлайн-встречи для предметников, вебинары МГПУ в постоянном режиме ... (эксп. 10, стаж 32 г.)

Не надо часами сидеть в интернете, есть МЭШ, есть готовые варианты из которых ты можешь моделировать любую задачу (эксп. 2, стаж 16 л.).

Новый тип администратора. Наиболее существенную трансформацию претерпела позиция директора – как в части ролевых требований, так и в части технологии выдвижения на должность. Прежний порядок предполагал минимальный набор опыта учителем примерно в течение 5 лет и 3 года – завучем. Отработанная десятилетиями технология подготовки директора полностью соответствовала «старой» школе – руководители пользовались авторитетом в коллективе и защищали интересы школы в окружном управлении, но не все смогли переориентироваться на освоение новых направлений деятельности и достижение новых задач в условиях управления большим хозяйствующим субъектом.

У Департамента, лишённого промежуточного звена ОУО, не было ресурса управлять деятельностью такого количества школ, поэтому всё свелось к контролю за директорами персонально. Опыта экономической деятельности у директоров не было, им выдавались рекомендации, но, чтобы их соблюсти в точности, необходимо было отказаться от части привычных дел, а несоблюдение могло обернуться нарушением закона.

И.И. говорил, что он не для того назначал директоров, чтобы их потом под суд отдавали... потому, что они слишком много ведут уроков, занимаются турслётками и мало занимаются финансово-хозяйственной деятельностью (эксп. 11, стаж 29 лет).

Помню разговор с И.И. в самом начале – про утраченную связь с учениками. Он чётко сказал: «Если так нужна связь с учениками, иди, работай завучем или просто учителем». Я поняла: наверное, он прав, время других управленческих задач (эксп. 5, стаж 32 г.).

Я научилась решать иные задачи. В крупном комплексе – иные функции. Близкого общения, как в маленькой школе нет, я общаюсь с мамами и их помощниками (эксп. 6, стаж 33 г.).

Помимо методистов в комплексах, состоящих из разбросанных по району зданий, необходимость оперативно собирать информацию обо всём, что в них происходит, заставила иметь «старших воспитателей» в детских садах и «администраторов зданий» в школах. Свои административные задачи имеют и «педагоги-организаторы». Всё это дополнительные звенья системы управления. Только сформировав команду, способную адекватно реагировать на нововведения, директор мог сохранить своё место.

Директоров отучали вести уроки и приучали к персональной ответственности за всё – финансы, охрану здания, неубранный вовремя снег, травмы учеников, ошибки учителей. Директор должен был быть на связи постоянно – время его реагирования на новое сообщение в корпоративной информационной системе составляло 15 минут (сейчас – 2 ч), за большее можно

было получить замечание. Стимулом активно участвовать в изменениях была высокая зарплата директора (как минимум, в три раза выше учительской) и поддержка руководством инициатив директора. Не справляющихся с новыми обязанностями директоров заменяли быстро, оставляя в системе только адаптировавшихся.

Логика министра была понятна: эффективных кадров было мало, «встрянули» кадры, запустили рост (эксп. 5, стаж 32 г.).

Снятие раньше, чем через 2 года – это неверно, помогать надо было (эксп. 3, стаж 30 л.).

Кто не успевал – отвалился сам, кто сопротивлялся всему – увольняли, кто старался и имел помощников, команду – тот и сейчас директор (эксп. 6, стаж 33 г.).

Интенсивная ротация директоров методом проб и ошибок (см. табл. 2) была реализацией принципа работы с руководящими кадрами, устоявшегося ещё со времён плановой экономики [7; 8, с. 21].

Таблица 2

Количество ежегодно назначаемых новых директоров школ
(в % от общего количества директоров, по данным на 1 сентября)

Регион	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Москва	13	25,4	14,5	11,8	13,1	9,7
РФ в целом	6,4	6,4	6,7	6,6	6,2	7,1

Источник: ФСН ОО-1. Сайт Министерства просвещения. URL: <https://docs.edu.gov.ru> (дата обращения: 09.08.2022).

Из таблицы видно, что последним учебным годом, когда в Москве было назначено 25,4% новых директоров, стал 2016/17 год. В последние годы ситуация стабилизировалась, но процесс обновления кадров остаётся интенсивнее, чем в среднем по РФ.

Современная регулярная публичная аттестация директора, в которой главная роль отводится директорам лучших школ, сформировала важное для управления системой профессиональное сообщество взаимозависимых школьных менеджеров [9, с. 154], которые одинаково понимают задачи образования и не пропустят в свой круг (не аттестуют) недостаточно зрелого кандидата.

Процедуру аттестации проходит и заместитель директора, поскольку обновилась требования и к нему⁵. Основной новацией стала переориентация администратора на помощь учителю, развитие его профессиональных навыков. У заместителей директоров появились новые функции – подготовка решений об открытии новых профилей в многопрофильной школе, перестройка учебного процесса, приведение образовательных программ в соответствие с ФГОС, освоение новых информационных технологий и организация учебного процесса с их использованием.

Хороший зам – это логистик. У него в августе готов план всей работы на год: известно расписание, куда идти, что к какой дате собрать, когда у учителя пропадут уроки из-за мероприятий и т.д. (эксп. 2, стаж 12 л.).

⁵ См. Лебедева М. Зачем школе заместитель руководителя // Учительская газета. № 4 от 24.01.2015. URL: <https://u.to/XsVLHA> (дата обращения 10.06.2022).

На школу сваливается много чего – собрать, обеспечить, заявку составить. Благодаря электронным сервисам всё делается быстро. Я (замдиректора) не могу перевалить свои административные обязанности на учителя. У учителя из ежедневного – только электронный журнал, оценки и комментарии к ним (эксп. 14, стаж 36 л.).

Хотели создать Гугл-форму, чтобы учителя её заполнили, но отказались от самой идеи – нельзя перегружать учителя «бумажной работой» (эксп. 10, стаж 32 г.).

Зарубежные исследования показывают, что качество руководства школьного администратора «статистически и практически связано с успеваемостью учащихся» [10, с. 137]. Московский учитель, работая в режиме многозадачности, избавлен от отчётной бумажной работы, на которую жалуется его коллеги в регионах [11, с. 228]. По всей стране учителя после проведения ВПР подолгу составляют отчёты о её результатах для органов управления образованием, что вызывает протестные настроения⁶, в Москве результаты диагностики обрабатывает МЦКО и направляет отчёт в каждую школу. Департамент не требует от школ отчётности, чтобы составить рейтинг школ или аттестовать директора. Вся информация берётся из электронных сервисов.

Рейтингование московских школ стало управленческим инструментом, который призван стимулировать школьные коллективы работать лучше, разнообразнее. За высокую позицию в рейтинге школа получает грант Мэра, которые тратит на развитие, в том числе, на стимулирование тех учителей, которые внесли вклад в достижение этой высокой позиции. Первые годы рейтинг возглавляли одни и те же школы, поскольку основные баллы приносили, в основном, ученики-победители предметных олимпиад и выпускники с высокими баллами ЕГЭ.

Позже, чтобы дать шанс отличиться школам, в которых учеников с высокой успеваемостью мало или совсем нет, правила изменялись: вводились дополнительные баллы за работу с детьми с особыми потребностями, профилактику правонарушений, любительский спорт, участие в соревнованиях по профессиональному мастерству, олимпиаде «Музеи. Парки. Усадьбы» и прочие показатели «доступности образования». В результате в верхнюю часть рейтинга стали попадать не только школы, отбирающие себе наиболее способных учеников, но и те, у которых никогда не было высоких образовательных результатов, а интернат СУНЦ при МГУ покинул Топ-20.

Рейтинг – это не «про лучшие», это «про управляемость» (эксп. 3, стаж 30 л.).

В краткосрочной перспективе рост школы в рейтинге показывает, как все зашевелились, напряглись. Но дальней перспективы не вижу... (эксп. 11, стаж 29 лет).

Были моменты, на которые до рейтингования мы вообще не обращали внимания, теперь взялись за них... (эксп. 4, стаж 14 л.).

В количественных показателях мы, маленькая школа, проигрываем гигантам, никто не делит средний балл на количество детей. Зато у нас хороший RAEX-рейтинг (эксп. 17, стаж 19 л.).

Рейтинг оправдал себя как показатель того, насколько достижения конкретной школы соответствуют вектору развития всей столичной системы образо-

⁶ См.: Кампания «Стоп ВПР», «Дайте учителю учить» // Сайт профсоюза «Учитель». URL: <https://u.to/QcZLHA> (дата обращения 10.06.2022).

вания, а его задаёт учредитель, и, если у него приоритетом станет высокая степень соответствия новому стандарту единого образовательного пространства, возможна смена лидеров рейтинга.

Расширение возможностей школ. Второй этап реформ был связан с развитием возможностей школьного образования. Профилизация школ предусматривалась ещё Министерством образования в 2002 г., но до реформирования она была доступна только 5-10% «сильных школ» города. В 2015 г. был запущен мегапроект по интеграции разных уровней образования. Профильные и предпрофильные классы стали появляться массово во всех школах города. Первыми, в 2016 г. появились инженерный и медицинский классы, что было достаточно ново при существовавшей моде на экономистов и юристов. Сейчас таких проектов уже 12 (академический класс, IT-класс, медиа-класс и др.), для каждого утверждён образовательный стандарт, и в среднем каждая школа участвует в 2-3 таких проектах, предварительно изучив родительские пожелания по выбору профиля.

Многопрофильность большинства школ, в которые дети попадают с первого класса «по микрорайону», снизила социальную напряжённость, связанную с тем, что углублённое изучение предметов было доступно обучающимся только в «сильных» школах. Также дети могут проверить свой интерес к двум-трем профилям, не переходя из школы в школу и не испытывая психологического стресса, связанного со сменой школы.

С 2017 г. началось позиционирование школы как важного элемента экономики города. Школу призвали удовлетворить все возможные запросы горожан. Той же цели служило и указание всем школам развивать спектр платных услуг в сфере дополнительного образования, довести уровень дохода от них до 10-15% от суммы бюджетного финансирования школы. Это делало систему платных услуг открытой и давало дополнительный заработок учителям (преимущественно, старшего возраста) [12, с. 15]. Вместе с тем, дополнительное образование, как и основное, было переориентировано на показатели, учитываемые в рейтинге школ.

Мы открыли бисероплетение, глину, «художку», и народ пошёл. Можно было бы и ещё больше, но не успели набрать 10% до ковида (эксп. 15, стаж 27 л.).

Есть возможность выйти за ФГОС, проявить творчество, заработать балл в рейтинг и удовлетворить каприз родителя (эксп. 3, стаж 30 л.).

Сейчас нет просто кружка испанского языка, он или участник международного проекта, или готовит «экскурсовода на испанском», либо театр примет участие в конкурсе. Рейтинг стимулирует измеримые образовательные результаты (эксп. 4, стаж 14 л.).

Различными формами дополнительного образования охвачено 86% московских школьников в возрасте от 5 до 18 лет (для сравнения в РФ в среднем – 76%).

Эффект от доступности качественного образования измерить можно по-разному. Если опираться на результаты PISA (2018 г.), Москва вошла в список мировых лидеров по качеству школьного образования, улучшив результаты по сравнению с предыдущим периодом, хотя для России в целом показатели оказались чуть ниже предыдущих⁷. Это, с высокой долей вероятности, – следствие выравнивания возможностей московских школ. Показательно, что в конце XX века реформу в целях доступности качественного образования

⁷ Международные исследования качества образования // МЦКО. URL: https://mcko.ru/pages/i_s_q_e_pisa#PISA-2018 (дата обращения: 09.08.2022).

провела Финляндия, и у неё улучшились показатели, измеряемые с помощью PISA (2000, 2003 и 2006 гг.) [13, с. 5], но впоследствии равнодоступное высокое качество обучения исчезло из-за реализации права родителей на выбор школы и социального расслоения, и по результатам PISA (2012 г.) финская школа потеряла лидирующие позиции [14, с. 142].

По результатам всероссийских олимпиад школьников (ВсОШ) Москва давно занимает лидирующее место в стране, но олимпийская «пирамида» имеет свои особенности. В её основе – массовость участия такая, что в каждой третьей школе столицы есть хотя бы один победитель или призёр завершающего этапа олимпиады, а на вершине – 15 школ, на которые приходится половина всех московских победителей и призёров.

Олимпийский «рывок» можно считать целенаправленным ответом Москвы на ЕГЭ, после введения которого абитуриентов-москвичей существенно потеснили в столичных вузах абитуриенты из регионов. С 2011 г. ежегодно росло московских школьников – участников олимпиад, и в среднем на 16% увеличивалось число тех, кто дошёл до заключительного этапа и становился победителем или призёром⁸. Москвичи завоевывают ежегодно около 40% всех дипломов ВсОШ (в 2022 г. – 45%) и поступают в вузы вне конкурса, поэтому их доля в лучших вузах увеличивается.

За высокие баллы ЕГЭ «отвечают» в равной мере как школы, так и репетиторы, а олимпиады – исключительно «школьная» история. Для сравнения: в 2022 году победителями и призерами ВсОШ стали более 200 обучающихся из 62 базовых школ РАН, расположенных в 27 городах РФ⁹. В Москве только два основных лидера – Школа ЦПМ¹⁰ и Вторая школа заработали вместе 248 наград. На международных олимпиадах 2021 г. юные москвичи получили 60% всех золотых медалей, завоеванных сборной России.

Секрет такого отрыва – в технологии работы специалистов ЦПМ, среди которых много бывших олимпийцев: отбор мотивированных, решение задач повышенной сложности, частые сборы, выезды – в точности, как в спортивной школе олимпийского резерва. Сам ЦПМ был создан задолго до реформ, но тогда ему таких задач не ставили. Теперь же измеримые показатели свидетельствуют о лидерстве московской системы образования.

Выводы. Подводя итоги 10 лет интенсивных преобразований, можно констатировать, что значительная часть изменений в Москве проведены в русле федеральных изменений, но Департамент принимал собственные оригинальные решения, такие как слияние образовательных учреждений и реорганизация системы управления ими, применял проектный подход, стимулировал предпринимательское мышление.

Московская система образования стала более клиентоориентированной и более управляемой, более восприимчивой к вызовам времени и различным изменениям. Была создана социальная группа управленцев, принявших единую систему ценностей образования и прошедших испытание временем. Новые директора в целом справились с задачей обеспечить доступность качественного образования несмотря на демографический подъём конца 2000-х.

⁸ Команда Москвы на заключительном этапе 2022 года // ВсОШ. URL: <https://u.to/pcxLHA> (дата обращения: 09.08.2022).

⁹ Финал Всероссийской олимпиады школьников-2022: успехи базовых школ РАН // Сайт РАН. 4 мая 2022. URL: <https://u.to/z81LHA> (дата обращения 10.06.2022).

¹⁰ Центр педагогического мастерства, подведомствен Департаменту образования.

Всё доступное образование стало более разнообразным и качественным, но всё разнообразие может стать доступным для всех, поскольку ресурсы любой школы, даже самой большой или самой продвинутой, имеют естественные ограничения в виде количества классов, возможностей учителей, закреплённой территории микрорайона. Открытый конкурсный набор в профильные и лицейские классы не нарушает принципа доступности.

Заложенная в обновлённую систему конкуренция школ заставляет руководителей пробовать новое, искать возможности получения дополнительных стимулов для педагогов, при этом условия у разных школ не равны. Школы сильно различаются по количеству зданий, их дислокации, и, соответственно, количественным и качественным характеристикам контингента обучающихся.

Нововведения не изменили модель управления школой принципиально, это невозможно сделать исключительно руками практиков [15, с. 23]. Действия московского министра следует квалифицировать как целенаправленное управление изменениями, инициированными извне. Развитие сети образовательных организаций через их объединение и предоставление большей самостоятельности оказалось наиболее осуществимой идеей развития образования.

Эффект от преобразований, выраженный в измеримых показателях, уже есть, но социальный эффект от изменений в образовании всегда отсрочен. Никто из директоров сейчас не хотел бы вернуться в прежнее, даже привилегированное, состояние. Перефразируя известное высказывание эпохи индустриализации, один из них сказал: «Мы пробежали это расстояние в десять лет. И пока не остановились...».

Библиографический список

1. *Lamby, J.* Distributed Leadership and bureaucracy // *Educational Management Administration & Leadership*. 2019. № 47(1). Pp. 5-19. DOI [10.1177/1741143217711190](https://doi.org/10.1177/1741143217711190).
2. *Весманов, С. В., Весманов, Д. С., Иванова, М. А.* Исследование профессиональной деятельности и социальных перспектив учителей, преподавателей и студентов Москвы в контексте изменений и нововведений в системе образования. Москва : МГО Профсоюза образования, 2020. 176 с. EDN [JXMNJK](#).
3. *Шевченко, П. В.* Модели управления объединёнными образовательными организациями Москвы // *Социологические исследования*. 2015. № 2(370). С. 134-138. EDN [TNETDB](#).
4. *Кобзева, Н. М.* Феномен сопротивления изменениям: сущность, виды и формы проявления // *Вестник ВГУИТ*. 2013. № 4(58). С. 298-303. EDN [RTUHVf](#).
5. *Комтер, Дж.* Впереди перемен / Пер с англ. А. Успенского. Москва : Олимп-бизнес, 2003. 237 с. ISBN 5901028449.
6. *Ансофф, И.* Новая корпоративная стратегия // Пер. с англ. С. Жильцова. Санкт-Петербург : Питер, 1999. 416 с. ISBN 5-314-00105-5.
7. *Новокрещёнов, А. В.* Ещё раз о номенклатурном методе работы с руководящими кадрами // *Социологические исследования*. 2021. № 8. С. 170-174.
8. *Прохоров, А.* Русская модель управления. Москва : Изд-во студии А. Лебедева, 2011. 480 с. ISBN 978-5-98062-030-1.
9. *Cameron, E., Green, M.* Making sense of change management. London and Philadelphia : Kogan Page, 2009. 372 p. ISBN 978-0-7494-5310-7.
10. *Donahoo, S., Hunter, R.* Teaching leaders to lead teachers: educational administration in the era of constant crisis. Bingley : Emerald Group Publishing Limited, 2007. 389 p. ISBN 978-0-7623-1461-4.
11. Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании / Ю. В. Башкирова, П. А. Бояджиева, К. К. Елкина [и др.]. Великий Новгород : РНФ, 2020. 351 с. ISBN 978-5-6042052-1-1. EDN [MSNLLC](#).
12. *Косарецкий, С. Г. [и др.]* Дополнительное образование: изменения в контексте реализуемых приоритетов государственной политики // *Мониторинг экономики образования*. 2020. № 17. 15 с.

13. *Sahlberg, P.* A short history of educational reform in Finland. Working Paper, European Training Foundation. 2009. 38 p. URL: <https://www.disal.it/Resource/Finland-Sahlberg.pdf> (дата обращения: 17.05.2022).

14. *Осунгов, А. М.* «Троянские кони» неолиберализма в образовании // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 136-146. DOI [10.7868/S0132162517080153](https://doi.org/10.7868/S0132162517080153). EDN [ZGOXVZ](https://www.edn.ru/entry/20170517080153).

15. *Волков, В. Н.* Модель управления школой в условиях концептуальных изменений // Евразийский союз ученых. 2016. № 30-3. С. 22-24. EDN [XAAEQV](https://www.edn.ru/entry/20160330030003).

Дата поступления в редакцию: 10.06.2022.

Принята к печати: 15.08.2022.

Сведения об авторе:

Павел Владимирович Шевченко, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Лаборатория управления проектами, Московский городской педагогический университет.

Москва, Россия.

e-mail: shevpav@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 664633

ORCID: 0000-0002-3025-9617

Scopus ID: 56990426100

P. V. Shevchenko¹

¹ Moscow City University, Moscow, Russia.

MOSCOW SCHOOL: RESULTS OF THE REFORMS

Abstract. The article examines the results of a 10-year period of active reform of the Moscow education system. The reforms began as an initiative of the federal government, and their implementation in Moscow had its own specifics. The measures to standardize the unified educational space, a new system of remuneration, per capita financing are described.

Changes in the structure of the city's education management – the liquidation of district education departments, the unification of schools and kindergartens into educational complexes, the emergence of new functions for the school and its administration are analyzed from the point of view of the concept of change management.

The main consequences of the reforms are the emergence of a socio-professional stratum of school administrators who adhere to a single system of values, as well as the reduction of social tension, the equalization of resource capabilities of the bulk of schools and the improvement of educational results of Moscow education as a whole.

The empirical basis consists of statistical data and the results of interviews with school administrators – principals and their deputies, most of whom successfully coped with new tasks and working conditions during the period of intensive reform of the capital's education.

Keywords: education system, reformation, educational complex, manageability, school rating.

For citation: Shevchenko P.V. (2022) Moscow school: results of the reforms. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 3. Pp. 122-136. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.9)

References

1. Lumby, J. (2019) Distributed Leadership and bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*. No. 47(1). Pp. 5-19. DOI [10.1177/1741143217711190](https://doi.org/10.1177/1741143217711190) (in Eng.).

2. Vesmanov, S. V., Vesmanov, D. S., Ivanova, M. A. (2020) *Research of professional activity aspects and social perspectives of participants in educational relations in the context*

of changes and innovations in the Moscow education system. Moscow, MGO Profsoyuzna obrazovaniya. 176 p. (in Russ.).

3. Shevchenko, P. V. (2015) Models of administering unified education organizations in Moscow. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 2(370). Pp. 134-139 (in Russ.).

4. Kobzeva, N. M. (2013) The phenomenon of resistance to change: the nature, types and forms. *Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. No. 4(58). Pp. 298-303 (in Russ.).

5. Kotter, J. (2003) *Leading change*. Transl. from Eng. by A. Uspenskii. Moscow, Olimp-biznes Publ. 237 p. ISBN 5901028449 (in Russ.).

6. Ansoff, I. (1999) *The new corporate strategy*. Transl. from Eng. by S. Zhil'tsov. St. Petersburg, Piter. 416 p. ISBN 5-314-00105-5 (in Russ.).

7. Novokreschenov, A. V. (2021) Once again about the nomenclature method of working with leading personnel. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 8. Pp. 170-174 (in Russ.).

8. Prokhorov, A. (2011) *Russian Management Model*. Moscow, Art. Lebedev Studio Publ. 480 p. ISBN 978-5-98062-030-1 (in Russ.).

9. Cameron, E., Green, M. (2009) *Making sense of change management*. London and Philadelphia, Kogan Page. 372 p. ISBN 978-0-7494-5310-7 (in Eng.).

10. Donahoo, S., Hunter, R. (2007) *Teaching leaders to lead teachers: educational administration in the era of constant crisis*. Bingley, Emerald Group Publishing Limited. 389 p. ISBN 978-0-7623-1461-4 (in Eng.).

11. Bashkirova, Yu. V., Boyadzhieva, P. A., Elkina, K. K. (et al.) (2020) *School in the paper abyss: crisis of information flows in education*. Veliky Novgorod, RNF. 350 p. ISBN 978-5-6042052-1-1 (in Russ.).

12. Kosaretsky, S. G. [et al.] (2020) Additional education: changes in the context of the implemented state policy priorities. *Monitoring of education markets and organizations*. No. 17. 15 p. (in Russ.).

13. Sahlberg, P. (2009) *A short history of educational reform in Finland*. Working Paper. European Training Foundation. 38 p. URL: <https://www.disal.it/Resource/Finland-Sahlberg.pdf> (last request: 17.05.2022) (in Eng.).

14. Osipov, A. M. (2017) Trojan horses of neoliberalism in education. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 8. Pp. 136-146. DOI [10.7868/S0132162517080153](https://doi.org/10.7868/S0132162517080153) (in Russ.).

15. Volkov, V. N. (2016) The model of school management in the context of conceptual changes. *Eurasian Union of Scientists*. No. 30. Pp. 22-24 (in Russ.).

The article was submitted on June 10, 2022.

Accepted on August 15, 2022.

Information about the author:

Pavel V. Shevchenko, Candidate of Psychology, Associate professor, Senior Researcher, Laboratory of Projects Management, Moscow City University, Moscow, Russia.

e-mail: shevpav@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3025-9617

Scopus ID: 56990426100

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI 10.19181/nko.2022.28.3.10

EDN DJTCUQ

УДК 316.74:791.4

А. И. Туманов^{1,2}

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

² Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания.
Москва, Россия.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА В ПРИЗМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И МИРОВОГО ОПЫТА КИНОИНДУСТРИИ

Аннотация. Статья посвящена российскому кинематографу и проблемам, которые существуют на современном кинорынке страны. Это касается как очевидных, сиюминутных трудностей, например, падения посещаемости кинотеатров в отсутствие больших голливудских премьер в прокате, так и более глубоких недостатков, среди которых – отсутствие у российского кино собственной идентичности. Автор описывает, как современная система государственной поддержки кинематографа невольно поощряет создание однотипных и односложных фильмов, что не только негативно влияет на совокупные кассовые сборы российских кинотеатров, но и не позволяет отечественной киноиндустрии развиваться, а также эффективно выполнять свои социально-политические функции. Самым востребованным в последние годы видом российской кинопродукции становятся высокобюджетные блокбастеры, в сюжетной основе которых лежат героические события отечественной истории, рассказанные языком западного коммерческого кино. Не столь уж частые, но громкие успехи таких фильмов создали конъюнктурную ситуацию, в которой подобного рода проекты получают львиную долю государственного финансирования. В то же время кассовые сборы показывают, что зрителей чаще привлекают фильмы не столь эпические, но о жизни наших современников сегодня и завтра. Нынешняя ситуация в отечественном кинематографе сопоставляется с успешным опытом развития советской и зарубежной киноиндустрии Китая, Южной Кореи и Франции.

Ключевые слова: государственная поддержка кинематографа, национальная идентичность, отрасль кинопоказа, российская киноиндустрия, социально-политические функции искусства.

Для цитирования: Туманов А.И. Социально-политические особенности и перспективы становления российского кинематографа в призме отечественного и мирового опыта киноиндустрии // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 137-151. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.10. EDN DJTCUQ

О ситуации в отечественной киноиндустрии. Серия заявлений голливудских кинокомпаний об остановке проката своих фильмов в России в конце февраля – начале марта 2022 г. привела к обвальному падению посещаемости российских кинотеатров зрителями и массовому закрытию кинозалов

(770 неработающих кинозалов по итогам мая 2022 года¹), что продемонстрировало всю степень зависимости национального кинорынка от американских блокбастеров. И это при том, что отечественной киноиндустрии уделялось пристальное внимание в последние несколько лет. Ежегодно объем государственного финансирования российского кинематографа составлял в среднем 5 млрд рублей, в 2022-м году он увеличился до 15 миллиардов.

Российская система государственной поддержки киноиндустрии рассчитана в первую очередь на субсидирование кинопроизводства, а не всей инфраструктуры кинорынка. Дополнительные бюджетные средства позволяют делать отечественные фильмы более конкурентоспособным на рынке и поощряют создание социально значимого, а не просто развлекательного кино, но при этом создают ситуацию, при которой кинематографисты с целью гарантированно получить поддержку сами себя ограничивают в выборе тематики и обращаются преимущественно к комедиям или патриотическим блокбастерам. В итоге засилье однообразного кино становится одним из факторов падения интереса зрителя к отечественным фильмам и кинотеатрам. Таким образом, оказывается, что все успехи, достигнутые отечественной киноиндустрией в налаживании производства крупнобюджетных блокбастеров, нивелируются полупустыми кинозалами.

Касовых хитов российских мастеров не хватает для поддержания рыночной жизнеспособности отечественного кинорынка без голливудских премьер в релизной сетке. Чтобы разобраться, почему отечественные фильмы не в состоянии стабильно привлекать зрителя в кинотеатры, следует обратиться к истории советского кинорынка, который не зависел от иностранных прокатчиков, но все равно процветал долгие годы, и к опыту тех стран, где долю голливудской продукции на кинорынке удалось сократить, не жертвуя посещаемостью кинотеатров.

Советский опыт становления киноиндустрии. Мобилизованные советской властью ресурсы на создание в стране развитого кинематографа, призванного выполнять важнейшие функции идеологической и политической консолидации общества и государства, своевременно и эффективно дали свои результаты. Киноиндустрия СССР на протяжении большей части XX века была одной из самых развитых в мире, а кино для советского человека стало культовым народным времяпровождением. Как отмечает историк Е. Волков, «всеобщее увлечение кинематографом в тот период, например, зафиксировано в стихотворении современника – советского поэта А. А. Вознесенского «Пожар в архитектурном институте» (1957), которое завершается следующими словами: Все выгорело начисто. / Милиции полно. / Все – кончено! / Все – начато! / Айда в кино!» [1, с. 26].

Отличительной особенностью советского кинематографа было государственное участие в разработке приоритетных тем, финансировании и плановом управлении всеми циклами производства и кинопроката. В Советском Союзе кинематограф практически сразу становится включенным в политическую жизнь страны и начинает выполнять ряд важнейших социально-политических функций, таких как просвещение, агитация, социализация и пропаганда коммунистических ценностей. Многие из них были закреплены правительственными постановлениями и приказами в отрасли кинопроизводства, которая была организована на индустриально-технологической основе.

¹ Рынок кинотеатров в России – итоги мая-2022 // Невафильм Research. URL: <https://u.to/BJHHA> (дата обращения: 03.08.2022).

Сложившееся в нашем обществе стереотипное представление о советском кино, особенно о фильмах второй половины XX века, заключается в том, что оно было светлым, моральным, добрым, тогда как перестроечное и постсоветское кино выдержано в основном в мрачной, «чернушной», злой тональности. Очевидно, что подобные оценки рождаются в ностальгии зрителей по советским временам, что показывают, например, результаты опроса «Левада-центр»: 63% россиян сожалеют о распаде СССР, а 36% в качестве причины сожаления называют возросшее недоверие и жесточенность в обществе².

Такие настроения о советском прошлом, особенно среди молодежи, продолжают создавать советское кино, демонстрируя относительно бесконфликтную картину жизни и позитивный образ будущего в стране. Между тем во многих советских фильмах, включая те, что считаются классикой и находятся в регулярной ротации телеканалов, нередко завуалированно присутствует классовая и идеологическая критика социалистической действительности. Впрочем, критический подтекст часто остается незамеченным в изменившейся аудитории, тогда как общая атмосфера и эстетические качества художественных образов заставляют зрителя мечтать о лучшем мире, переданном художественными средствами кинематографа.

На ловушку «черно-белой» картины мира указывают исследователи кино, которые склонны объяснять преимущества советского кинематографа перед современным нарушением баланса социально значимых воспитательных целей и развлекательных функций. Так, М. Косинова пишет: «В советское время наш кинематограф ориентировался на проблемы современной жизни, снимались фильмы о семье, любви, о войне и исторических деятелях, т.е. выбор тематики в целом был продиктован прежде всего познавательными и идейно-воспитательными задачами. Сейчас же в отношении зрителей к кино массовый характер носят два мотива: во-первых, желание отвлечься от сложных проблем жизни, отдохнуть, и, во-вторых, посмеяться» [2, с. 154]. А крупнейший в России специалист по истории кино Михаил Жабский сетовал, что постсоветский кинорынок выродился в «средство превращения мощной в былом кинодержавы в средне-ординарную территорию кинобюта» [3, с. 31]. В свою очередь Н. Лубашова кризис, в котором оказался современный кинематограф, объясняет «отсутствием у постсоветской кинематографии целей и задач по формированию культурно-ценностных ориентиров в условиях разрушения советской системы культурных, нравственных и художественно-эстетических ценностей» [4, с. 91]. Приведённые оценки с одной стороны реалистично показывают причины главных целевых и аксиологических дисфункций современного кинематографа, а с другой, упрощают интерпретацию результатов исследований, проведенных том числе и вышеперечисленными учеными.

О внимательном отношении советской власти и лично В. И. Ленина к кинематографу мы знаем по цитате в статье 1925 года наркома просвещения Советской России А. В. Луначарского «Беседа с В. И. Лениным о кино»: «Вы у нас слывете покровителем искусства, так вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино» [5, с. 19]. Предыстория этой беседы такова: принимая во внимание необходимость просвещать многомиллионное население СССР, значительная часть которого была безграмотна, Ленин поставил задачу наладить прокат киносеансов, пропорционально состоящих из картин образовательных и развлекательных. Идея заключалась в том, что

² Ностальгия по СССР // Левада-центр. 24 декабря 2021. URL: <https://u.to/g5I1HA> (дата обращения: 03.08.2022). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

при наличии ленты, продвигающей идеи коммунизма, картина «беспольная, более или менее обычного типа» [5, с. 19] никакого вреда не принесет, а напротив привлечет аудиторию. То есть уже на самых первых этапах развития послереволюционного кинематографа в высших эшелонах власти понимали важность соблюдения баланса между кинематографом развлекательным и просветительским.

Успех советского кино на микроуровне (отдельных фильмов) и макроуровне (разных этапов истории кинематографа СССР) во многом и определяется умением сочетать идеологические, образовательные, эстетические и рекреационные задачи. Вероятность общего успеха зависела от кинематографистов и руководителей страны, которые сверху, в меру своего таланта и видения вызовов жизни, задавали курс киноиндустрии и могли как давать определенный уровень свободы, так и «закручивать гайки». С каждым годом социально-политические задачи, стоявшие перед киноиндустрией, становились все более многозначными, сложными. Вместе с тем обогащался опыт советских кинематографистов, художественный инструментарий становился искуснее, появилось больше возможностей для реализации их творческих замыслов. Параллельно менялось и развивалось общество, и запросы зрителей киноиндустрия не могла игнорировать точно так же, как и требования властей. На стыке актуальных социально-политических вызовов и возможностей общества и государства возникали различные практики и жанры в истории отечественного кинематографа. Приведем наиболее яркие примеры.

Так, после постановления Совнаркома СССР от 7 декабря 1929 года «Об освоении производства и показа политико-просветительных кино-картин», возникло распространенное в первой половине 30-х годов направление «агитпрофильм». Для него характерны: симбиоз художественного и документального кино, раскрытие темы в духе визуального эссе, экранизация актуальных политических лозунгов. И хоть под категорию «агитпрофильма» попадают такие важные для истории кино картины, как повествующий о добытчиках угля «Энтузиазм: Симфония Донбасса» Дзиги Вертова или посвященный электрификации страны «40 сердец» Льва Кулешова, большая часть картин данного направления не снискала зрительского успеха и сейчас интересует преимущественно исследователей.

Гораздо более посещаемыми были традиционные игровые картины, в которых просветительское и политически ангажированное начало выражено деликатнее. Это, например, «Чапаев» Георгия и Сергея Васильевых, где героическое изображение красноармейцев в гражданскую войну сочетается со зрелищными сценами, увлекательным сюжетом и проработанными персонажами. Или, как пишут Г. Сидорова и Н. Шутая о дилогии Михаила Ромма «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», «характерна трактовка исторических событий и личности Ленина в духе официальных исторических установок» [6, с. 29] вкупе с продуманной драматургией.

Присущая ранним этапам развития советской киноиндустрии тяга к экспериментам с формой и акцент на идеологическую и пропагандистскую составляющую – это результат сознательного старания отойти от «упаднического», «декадентского» и «буржуазного» дореволюционного и зарубежного кино. С одной стороны, это дало начало авангардному кинематографу, шедеврам Эйзенштейна, Вертова и других советских мастеров, которых до сих пор изучают в киношколах по всему миру, а с другой – не давало развиваться зрительскому кино. Постепенно такое дистанцирование прекратилось, и стало понятно, что коммерческий потенциал кинематографа важен ничуть не меньше, чем прос-

ветительский, и киноиндустрия СССР все чаще обращалась к зарубежному опыту, те же картины Ромма о Ленине используют наработки голливудских байопиков, будучи переделанными целиком и полностью по советским лекалам, как по своей форме, так и по содержанию.

Фильмы об известных исторических личностях и событиях станут особенно актуальны в послевоенное время, в еще одну показательную для истории отечественного кинематографа эпоху «малокартинья» 1946–1953 годов. В этот период усиливается контроль за отраслью кинопроизводства, это выражается в тщательном тематическом планировании, проверке проектов. Нельзя было допустить никакой двусмысленности, двойного дна, ведь СССР вступал в стадию жестокой конфронтации с Западом, началась холодная война. Главный жанр этой эпохи – историко-биографический. Такого рода фильмы уже успели продемонстрировать свой недожинный зрительский потенциал, но, как пишет М. Косинова: «его (историко-биографического жанра – *прим. авт.*) продолжение в послевоенном кино получило иное развитие. Совершенно разные биографии и судьбы великих сынов России, подвиги полководцев, истории великих научных открытий в фильмах «Адмирал Нахимов», «Адмирал Ушаков» и др. были пропущены сквозь такой беспощадный унифицирующий каток штампов агитпропа, что из этих фильмов было вытравлено все живое» [7, с. 61]. Исследовательница отмечает: «введение этой эстетики привело к тому, что с экрана полностью исчезла жизнь простого человека, его быт, чувства» [7, с. 60]. То есть кардинально сузилось не только жанровое разнообразие кинематографа, но и его художественные характеристики. На смену лирике, народному колориту, тонкости пришли безэмоциональность, официоз и гигантомания. Как результат посещаемость советских кинотеатров стала неуклонно падать, а из-за скрупулезных проверок производство фильмов катастрофически замедлялось. Поэтому советское руководство обратилось к зарубежному кино, а именно «трофейным» лентам, конфискованным на иностранных территориях в ходе Второй мировой войны. Такие фильмы пользовались большим успехом у публики, еще раз продемонстрировав большое значение развлекательной составляющей [8, с. 82].

Смена парадигмы в кинематографе пришла в эпоху оттепели, когда на большие экраны снова вернулось отечественное кино, обратившее внимание на личные переживания героев, их судьбы, рассматривающее человека не как шестеренку в историческом процессе или в качестве ходячего монумента достойного подражания. «...Авторы оттепельного кино были склонны работать в лирических комедиях мелодрамах – кинематографисты обращаются к личным, камерным историям, интроспекции» [9, с. 40].

Пиком зрительского кино СССР можно назвать эпоху застоя. Самые посещаемые советские фильмы вышли именно в это время. Мелодрама «Москва слезам не верит» Владимира Меньшова, боевик «Пираты XX века» Бориса Дурова, комедии Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука» и «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», мюзикл Андрея Тютюшкина «Свадьба в Малиновке», фильм-катастрофа Александра Митты «Экипаж» – всё это лидеры проката СССР по посещаемости, созданные в период застоя. Очевидно тематическое разнообразие этих фильмов. Именно в застойный период советские режиссеры безупречно освоили коммерческие жанры кино. Поэтому многие из вышеперечисленных лент до сих любят и смотрят миллионы.

Стоит отметить, что при возросшем акценте на развлекательность фильмов в периоды оттепели и застоя, внимание руководства к кинематографу оставалось пристальным, а проверки на приверженность идеалам коммунизма, социализма и государственности продолжались. Так, сейчас считающийся

программным для эпохи оттепели фильм «Застава Ильича» первоначально вышел в прокат с купюрами и под измененным названием «Мне двадцать лет», полная версия вышла только в 1988 году. Шедевр Александра Аскольдова «Комиссар» был запрещён к показу и пролежал на полке более 20 лет. Препяды на разных этапах создания встретила одна из самых пронзительных лент о Великой отечественной войне «Восхождение» Ларисы Шепитько. И возможно только реакция первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Петра Машерова, который был поражен фильмом, спасла картину от вмешательства Госкино. Тем не менее, за долгие годы работы кинематографисты из поколения в поколение передавали свой опыт, истории о том, как можно договориться с чиновниками. Постепенно выработалась система, при которой режиссеры и сценаристы уже заранее знали, как выстраивать общение с руководством, как внедрять в свое кино шутки на грани фола, сатирические комментарии, иронию. Десятилетия жесткого контроля привели к самоцензуре и умению иносказательно и завуалировано донести мысли и идеи, которые не пропустили бы, будучи рассказанными напрямую.

В эпоху перестройки, когда был задан курс на гласность, у отечественных кинематографистов появилась свобода, которой раньше не было. Но именно тогда начинается неумолимый процесс угасания зрительского интереса к отечественному кино. Причин этому было несколько, например, увеличение количества зарубежных фильмов как в официальном прокате, так и на рынке пиратских видеокассет. С одной стороны, зрительские ожидания изменились после знакомства с широким спектром зрелищных иностранных лент самых разных жанров, а с другой публика ещё не была готова к тем метаморфозам, которые так резко произошли с отечественным кинематографом. Долгое время традиция кино в Советском Союзе являлась соцреалистической и сочетала в себе правдивое изображение жизни и превозношение ценностей коллективизма и социализма с целью воспитания и формирования личности [10, с. 30].

В теории перестроечный кинематограф мог бы отражать идеалы перестройки, как в свое время фильм Георгия Данелии «Я шагаю по Москве» впитал в себя настроение и оптимизм оттепели. На деле фильмы перестройки, как выражается А. Колесникова, «становятся заведомо пессимистичными, не оставляющими надежды на светлое будущее, которое, по сути, было одним из символов советского искусства» [11, с. 2030]. Не опираясь на идеологическую модель, отечественные кинематографисты начали показывать окружающую реальность без прикрас, предельно натуралистично, пользуясь тем, что теперь в фильмах было допустимо использование грубой лексики и демонстрация обнаженного тела. Главный прокатный успех перестроечного кино – фильм «Маленькая Вера» Василия Пичула. Зрителей он привлек скандальностью показа сексуальных сцен. Проблема заключалась в том, что не каждая правдивая драма может быть хитом проката, а засилье подобного кино – жесткого и пессимистичного в оценке прошлого, настоящего и будущего – негативно отразилось на посещаемости кинотеатров.

В девяностые разрыв между зрителем и отечественными кинематографистами стал только шире. Как ответ на происходившие со страной потрясения отечественное кино стало трансгрессивным, мрачным, эзотерическим. После распада СССР проблемы с киноиндустрией лежали гораздо глубже, чем просто невыполнение зрительского заказа, – вся система была в плачевном состоянии. С потерей госфинансирования и при недостатке частных инвестиций, кинорынок оказался в полном упадке. В стране не было ни современных кинотеатров, ни налаженного выпуска фильмов, иностранных дистрибьюторов

российских рынок также не интересовал. Все изменилось, когда американская компания Kodak – производитель кино- и фотопленок – построила кинотеатр там, где фактически не было конкуренции – в России. Именно возведенный в 1996 году в центре Москвы «Кодак Киномир» стал первым по-настоящему современным кинотеатром на территории Российской Федерации – с соответствующим оборудованием, удобными креслами, кинобаром. Полностью распроданные сеансы в «Кодаке» и постоянный ажиотаж вокруг кинотеатра послужили предпринимателям сигналом к действию – так в России оживился рынок кинопоказа и дистрибуции. Дело оставалось за отечественным кинопроизводством. Зрители охотно шли на голливудские блокбастеры, обеспечивая высокие кассовые сборы. Доходы только увеличивались с появлением новых современных кинотеатров. Сцена была готова для первого российского блокбастера, и никто не знал, каким он будет.

Проблемы современной отечественной киноиндустрии. Какое-то время создание многобюджетных российских фильмов связывали с участием зарубежных партнеров. Так, одной из первых попыток выпустить большой российский блокбастер стал фильм «Сибирский Цирюльник» Никиты Михалкова, снятый совместно с европейскими компаниями при внушительном для постсоветской России бюджете в размере 35 млн долларов. Тем не менее историческая эпопея Михалкова, несмотря на её впечатляющую визуальную составляющую и на внушительную рекламную кампанию, оказалась кассовым провалом. Можно утверждать, что первым фильмом, снятым в современной России, который стал действительно значимым культурным событием и оставил свой отпечаток в массовом сознании, оказалась криминальная драма «Брат» Алексея Балабанова. Не выдающийся по кассовым сборам, но хорошо продававшийся на видеокассетах этот фильм захватил воображение россиян. На улице часто можно было увидеть, футболки, значки, рюкзаки и другой неофициальный мерчандайз по фильму. Девяностые, оставшиеся в истории России временем разгула преступности, стали вдохновением для многих криминальных фильмов и какое-то время в российском кинематографе этот жанр был ходовым. На телевидении сериалы на бандитские темы начали пользоваться небывалым успехом, но в прокате не было по-настоящему большого криминального блокбастера. «Брат» же выгодно отличается от своих собратьев по жанру содержанием, глубокой проработкой тем, неоднозначным главным героем, который олицетворяет различные пороки общества, но при этом имеет ценностные установки близкие многим россиянам. Этот фильм – не просто развлечение, но и не назидание. Он не несёт лобовой воспитательный характер, но стал поводом для дискуссий, которые ведутся до сих пор вокруг нравственного посыла, вмонтированного в поступки и диалоги главных героев картины и её продолжения. Фильмы, сюжет которых так или иначе крутился вокруг криминала, будь то комедийные («Мама не горюй» Максима Пежемского), или более драматические («Бумер» Петра Буслова), или с акцентом на экшен («Антикиллер» Егора Кончаловского) на долгое время стали мейнстримом, но никто не смог занять места «Брата».

Девяностые и первая половина–середина нулевых – это время, когда российский кинематограф искал путь к созданию мейнстримового кино через подражание западным жанровым фильмам. Кроме криминальных драм, это были похожие на репертуар видеосалонов гипермускулинные боевики («Мужской сезон: Бархатная революция» Олега Степченко), молодежные комедии («ЖАРА» Резо Гигинеишвили), фильмы ужасов («С.С.Д.» Вадима Шмелева).

Значительное количество рассчитанных на массового зрителя картин нулевых были недостаточно самобытными и оригинальным, чтобы выдержать конкуренцию с аналогичными зарубежными лентами. Поэтому они собирали скромную кассу и быстро испарялись из массового сознания.

На волне расцвета жанра фэнтези в производство был запущен проект, которому было суждено стать первым действительно большим кассовый успехом в России, речь идёт о «Ночном дозоре» Тимура Бекмамбетова. Он стал прорывным для отечественной индустрии и при этом, несмотря на свой фантастический сюжет, был укоренен в российской действительности. Отражалось это и в костюмах, и в локациях, и в сюжете. В продолжении «Ночного дозора» – «Дневном дозоре» – сочетание узнаваемых московских достопримечательностей и фантастических обстоятельств имеет еще большее значение. Бьющиеся стекла останкинской башни; сошедшее со своей оси колесо обзора; бросающий вызов гравитации проезд автомобиля по стене гостиницы «Космос» – все это послужило поводом увидеть «Дневной дозор» на широком экране. Разумеется, в успехе «Дозоров» свою роль сыграло сочетание сразу несколько факторов. В том числе масштабная рекламная кампания, сопровождавшая выход этих фильмов. Но неслучайно популярность завоевала именно такая самобытная франшиза, использовавшая элемент узнавания как главное отличие от голливудских аналогов. Сейчас «Дозоры» смотрятся причудливым памятником нулевым, с вездесущим продакт-плейсментом, испещренной рекламой и торговыми точками Москвой, находившейся в расцвете эстетики гламура и светской жизни, с вереницей камео российских поп-звезд и медийных личностей.

Наиболее удачные мейнстримовые картины могут и не нести в себе функций просветительских и образовательных, но, будучи продуктом своего времени, они отражают современность и являются произведениями искусства, с помощью которых можно многое узнать и увидеть со стороны те вещи, которые проходят незаметными в обычной жизни. Иными словами, даже не являясь глубоким по смыслу произведениями, многие блокбастеры играют значительную роль в процессе формирования и закрепления национальной идентичности.

Во многом суждение, что эффективно выполнять социально-политические функции могут только те картины, которые по своей форме и содержанию являются дидактическими и нравоучительным, является грубым упрощенным пониманием и примитивным воплощением принципов соцреализма в кинематографе. На деле кинематограф, как и всё искусство, работает гораздо сложнее в художественном отражении диалектических по своей природе законов жизни. Поэтому и вызывает удивление проявившийся сегодня тренд возвращения к догматическому пониманию патриотической и социальной функции кино.

С момента выхода «Дозоров» количество российских блокбастеров стало стремительно расти, а с ним рос и объем государственного финансирования и частных инвестиций в кинематограф. Это помогло сформировать ту систему государственной поддержки, которая существует и сейчас в стране. Постепенно стало возможным вычленив те студии-мейджоры, которые стали реципиентами субсидий со стороны Фонда кино, чьей задачей является поддержка фильмов с кассовым потенциалом, тогда как Департаменту кинематографии Министерства культуры была отведена роль органа, который занимается независимым кино, дебютами и документальными фильмами.

Именно эта система помогла выработать своего рода платонический идеал отечественного патриотического блокбастера, одновременно обладающего все-

ми производными для успеха в прокате и при этом повествующего о какой-то из страниц истории отечества, о выдающихся личностях или важных событиях. Яркий пример – вышедшая в 2017 году спортивная драма Андрея Мегердичева «Движение вверх». Феноменальный успех этого фильма в прокате – по сборам он до сих пор занимает третье место в истории современной России после двух голливудских фильмов – а также успехи других отечественных картин, использующих реальные исторические события, наряду с уверенностью, что именно такое кино получит государственную поддержку, привели к засилию похожих друг на друга лент в российском прокате. Поэтому нередко в России друг за другом могут состояться премьеры двух спортивных драм, сюжеты которых взяты из советской истории («Одиннадцать молчаливых мужчин» Алексея Пименова и «Мистер Нокаут» Артема Михалкова) или двух фильмов о Великой Отечественной войне («Первый Оскар» Сергея Мокрицкого и «Крылья над Берлином» Константина Буслова).

С отсутствием фильмов голливудских студий-лидеров в прокате вопрос однообразия в репертуаре стоит особенно остро. Взаимозаменяемые премьеры приводят к падению посещаемости кинотеатров и планировать график релизов с отменами голливудских премьер, когда на очереди идет сразу несколько однотипных отечественных картин, составляющих друг другу прямую конкуренцию, представляется затруднительным. Превалирующий в российской индустрии упор на исторический и военный жанры уже начал продуцировать негативные последствия. Опираясь на отдельные примеры успеха картин подобного толка, поднять посещаемость отечественных фильмов не удалось. Вместо этого зритель пресыщается однообразным репертуаром. Это очевидно по стагнации доли российского кино в прокате, наблюдавшейся последние пять лет, и отсутствию громких кассовых успехов отечественных исторических фильмов, сравнимых с результатами «Движения вверх». Другим негативным аспектом современных патриотических блокбастеров является их вторичность по отношению к голливудским. В таких фильмах, как «Легенда №17» Николая Лебедева и «Лев Яшин. Вратарь моей мечты» Василия Чигинского обнаруживаются клише голливудских спортивных драм, распространенных еще в 80-е, а современные фильмы о Великой Отечественной изобилуют заимствованиями не только из голливудских военных драм [9, с. 42], но и из южнокорейских или из китайских.

Иностраный опыт становления национального кинематографа. Китай часто приводится в пример в качестве удачного опыта формирования национального кинематографа. Кинорынок КНР по совокупным сборам самый крупный в мире. В 2021 году касса страны составила более 7 млрд долларов. Доля голливудской продукции в ней всего 12%, а доля национальной – более 80%. Но, прежде чем стать большим бизнесом, китайское кино завоевало репутацию на международных фестивалях.

С 60-х до середины 80-х, пока свою мощь набирала киноиндустрия капиталистического и космополитического Гонконга, умело сочетающая восточную экзотику и жанровые законы западного коммерческого кинематографа, кино материкового Китая прозябало в условностях соцреализма и цензурных ограничениях. С либерализацией коммунистического режима в 80-х годах ситуация начала меняться в лучшую сторону и, несмотря на то, что новое поколение китайских режиссеров нередко встречало препятствия со стороны цензурных органов в своей родной стране, за рубежом такие фильмы, как «Красный гаолян» Чжана Имоу или «Прощай, моя наложница» Чэня Кайгэ, приобрели репутацию

выдающихся картин, а с ней и сам Китай стал заметной кинематографической державой. И хоть идеологически произведения упомянутых авторов могли вызывать возмущения со стороны руководства КНР, в нулевые, когда вместе с экономическим бумом, ускоренной урбанизацией и повышением платежеспособности населения станет набирать оборот кинорынок материкового Китая, и Имоу, и Кайгэ встанут в авангарде коммерческого кинематографа страны.

Современный китайский кинематограф держится на двух столпах. Во-первых, это фильмы, попадающие под категорию «главной темы» (на китайском 主旋律). «Главная тема» – это принцип, разработанный в 1987 году в ходе Национальной рабочей кинематографической конференции, на которой была поставлена задача диверсифицировать формы пропаганды, продвигая «главную тему», то есть основные принципы и ценности Коммунистической партии Китая. В отношении кинематографа – это означало, что фильмам не обязательно быть торжественными и возвышенными по своей тональности. Они могут относиться и к легким жанрам, если все равно продвигают идеологию коммунистического Китая, служат примером национального духа и объединяют народ в восхвалении исторических достижений партии, армии и «культурной революции». Сейчас фильмы «главной темы» стабильно выбиваются в лидеры проката в Китае. В основном это военное кино, как, например, занявший в 2021 году первое место по кассовым сборам боевик «Битва при Чосинском водохранилище», которую сняли живой классик Чэнь Кайге и культовые режиссеры Гонконга Данте Лам и Цуй Харк.

Кино «главной темы» выходит нерегулярно, обычно в год выпускают небольшое количество патриотических блокбастеров с датами релиза, выпадающими на крупные национальные праздники. В остальном национальный рынок Китая полагается на разножанровое кино. Вот и в 2021 году второе и третье место осталось не за картинами «главной темы», а за фильмами более легкой темы – комедийной ретродрамой «Привет, мам» Цзя Лин и юмористическим боевиком «Детектив из Чайнатауна 3» Чэня Сычэна. Важно понять, что успех большого патриотического кино КНР и целесообразность заимствования китайской модели вряд ли возможны в нашей стране. Кинематограф КНР развивался в совершенно иных условиях: с жестким ограничением на прокат зарубежного кино и богатым опытом создания остросюжетных зрительских фильмов, который удалось перенять у мастеров из Гонконга, работающих сейчас на материке [12].

Южнокорейский кинематограф сегодня является одним из самых влиятельных на международной арене. В 2020 году картина режиссера Пон Чжун-хо завоевала «Оскар» в категории «лучший фильм года» и стала первой леной в истории не на английском языке, получившей награду в этой номинации. Как и в России, в Южной Корее развита система государственной поддержки кино. Во многом именно благодаря ей национальный кинематограф начал активно развиваться в стране. В отличие от России в Южной Корее государство в основном субсидирует кинотеатры и рекламу, создавая продюсерам и режиссерам условия для ведения успешного бизнеса и не определяет темы кинопроектов [13]. Наряду с привычными для современного глобального кинорынка историческими боевиками, костюмированными драмами, комедиями и мелодрамами, традиционными корейскими блокбастерами являются гангстерские фильмы, триллеры и детективы – жанры, которые во многих странах теряют свои позиции. Причем корейскому кинематографу свойственно смешение стилей и жанров: детективная интрига, например, может присутствовать и в мелодраме, и в комедии. Именно благодаря жанровому кино,

в частности триллерам, корейские режиссеры и приобрели известность за рубежом. В отличие от российской киноиндустрии, где фестивальные хиты отечественных режиссеров редко собирают большую кассу на национальном кинорынке, корейское фестивальное кино имеет большой успех у массовой аудитории, ничуть не теряя при этом свою тематическую глубину и острую социальную составляющую, как показал пример «Паразитов».

Наряду с Южной Кореей, практика государственных субсидий сильно развита во Франции. Там телевизионные каналы отдают часть ежегодной прибыли от демонстрации европейских фильмов в пользу национальной киноиндустрии. Также режиссеры и продюсеры получают субсидии напрямую от Национального центра кинематографии Министерства культуры [14]. Доля национального кино во Франции ежегодно составляет порядка 40%. При этом традиционно десятка лидеров по сборам в большинстве своем представлена голливудскими лентами, а высокую посещаемость и прибыльность французского кино удается сохранять за счет выпуска разноплановых фильмов среднего и малого бюджета. Французские блокбастеры часто выпускаются в копродукции и нередко основаны на классических литературных произведениях или франкоязычных комиксах, популярных в стране. Для французского кинематографа характерна приверженность традициям классического разговорного европейского кино, основанного на межличностных конфликтах – это привлекает аудиторию старшего возраста.

Все вышеперечисленные примеры национальных киноиндустрий в своей истории так или иначе столкнулись с влиянием Голливуда, и каждой в разной степени и разными способами удалось не только сократить долю американских картин в прокате, но и сохранить высокую посещаемость кинотеатров. Китайское, южнокорейское и французское кино объединяет одно – у каждого из них есть свой колорит, черты, с которыми в мире ассоциируются эти индустрии. Испытав на себе влияние Голливуда, корейские фильмы преобразуют любой из распространенных жанров на свой лад. Режиссеры французской «новой волны», которые ставили на пьедестал жанровых кинематографистов Голливуда, использовали приемы коммерческого кинематографа, чтобы создавать интеллектуальные разговорные фильмы, и в конечном счете выработали свой киноязык, чье влияние прослеживается и в наше время.

Проблема современной российской киноиндустрии заключается в своего рода потерянных после распада Советского Союза годах, к которым можно приплюсовать еще время постепенного угасания национального кинематографа в эпоху перестройки. В СССР кинематограф развивался в тепличных условиях ограниченной конкуренции со стороны иностранных фильмов и на полной дотационной основе, которая налагала на создателей ограничения, но содержала их за счет бюджета, не говоря уже о том, что в особых случаях подключался административный ресурс, как, например, при создании «Войны и мира» Сергея Бондарчука. Режиссер мог использовать в качестве массовой тысячи красноармейцев и создать потрясающие своим масштабом батальные сцены. Оказавшись не только без финансовой поддержки, но и без ценностной системы координат, отечественные кинематографисты в поисках нового творческого метода потеряли связь со зрителями, которых переманил зарубежный кинематограф. Современное российское коммерческое кино развивается, но в недостаточных темпах для того, чтобы восполнить потери зрителей после ухода голливудских студий-мейджоров.

Сегодня российские патриотические блокбастеры выполняют социально-политическую функцию консолидации граждан и государства, в основном пове-

ствуя о военных, спортивных и научных подвигах в истории нашей страны. Разовые коммерческие успехи этих фильмов заставляют задуматься о том, что отечественный кинематограф может и должен опираться на более широкую социальную философию. Российский кинематограф, обращаясь преимущественно к историческим сюжетам, которые не плохи сами по себе, но при их великом количестве, а также топорном и вторичном исполнении, напоминающем одновременно старомодные голливудские блокбастеры и фильмы периода советского малюкартинья, набивает оскомину и выталкивает зрителя из кинозалов.

Сегодня зритель ждет фильмы с ярко выраженной народной многонациональной культурной и политической идентичностью большого российского мира. Об этом свидетельствует не только опыт советский и зарубежный, но и отечественный современный. В 2021 году из порядка 150 релизов российского производства, в прокате окупались пять. Каждый из них нельзя причислить к какой-то одной категории. «Корень зла» Дмитрия Дьяченко – это фэнтези, «Родные» Ильи Аксенова – комедийный роуд-муви, «Пальма» Александра Домогарова младшего – семейный фильм, «Пара из будущего» Алексея Нужного – романтическая комедия с элементами фантастики, «Батя» Дмитрия Ефимовича – драма взросления. Что объединяет все эти фильмы, так это использование национальной фактуры, будь то фольклор, музыка или природа. Они связаны обращением к народной культуре, органически пропитаны свойственным России колоритом, их корни прочно укрепились в отечественных социокультурных реалиях, без примитивного лубочного обращения к историческим событиям, без манипуляции патриотическими чувствами зрителя.

Заключение. Имея богатое кинематографическое наследие, оставленное советскими режиссерами, российское кино, особенно коммерческое, до сих пор не приобрело узнаваемого почерка, все больше опираясь на приемы голливудского зрительского кинематографа вне технологий и социальных сетей Большой Цифры. Ситуация корректируется, благодаря фильмам среднего бюджета, многие из которых посвящены проблемам современности или столкновения младшего и старшего поколения, настоящего с прошлым.

Самым верным способом сохранить посещаемость российских кинотеатров может быть ставка на увеличение жанрового и тематического разнообразия отечественных премьер, а с ним и поощрение производства фильмов на темы, актуальные для современного общества, остросоциальные и проблемные, способные помочь преодолеть социально-политические догматические стереотипы, связанные с современным российским кино. Устойчивость и способность к саморазвитию отечественной киноиндустрии могло бы придать выраженное в законах и регламентах социально-политическое и социально-экономическое партнерство правового государства и гражданского общества.

Кроме того, наряду с той огромной информационной поддержкой от федеральных каналов, которую получают патриотические блокбастеры, при этом все равно теряющие зрительский интерес, продвижение могут получать и фильмы другой направленности, которые регулярно выходят в кино, но остаются незаметными для широкого зрителя. Организационные, ресурсные и технологические проблемы, которые сейчас стоят перед киноиндустрией и инфраструктурой кинопроката, можно и необходимо решить с помощью политики тонкой настройки реформы системы государственной поддержки национального кинематографа в интересах устойчивого развития общества и государства.

Библиографический список

1. Волков, Е. В. «Ущемление интересов кино — это есть ущемление интересов зрителя»: проблемы советского кинопроката и качества фильмов в текстах периода «оттепели» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 2. С. 25-31. DOI [10.14529/ssh200203](https://doi.org/10.14529/ssh200203). EDN [EBKSYD](https://www.edn.ru/EBKSYD).
2. Косинова, М. И. История взаимоотношений отечественного кинематографа со зрительской аудиторией // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 147–155. EDN [TDUYCB](https://www.edn.ru/TDUYCB).
3. Жабский, М. И. Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 25-35. EDN [МОУКНЛ](https://www.edn.ru/МОУКНЛ).
4. Лубашова, Н. И. Социология российской кинематографии эпохи социализма // Аналитика культурологии. 2015. № 1(31). С. 86-92. EDN [ТҮҮҮЗТҮ](https://www.edn.ru/ТҮҮҮЗТҮ).
5. Болтянский, Г. М. Ленин и кино. Москва – Ленинград : Госиздат, 1925. 96 с.
6. Сидорова, Г. П., Шутая, Н. К. Советское художественное кино о революции 1917 года в России: динамика производства и потребления (1918-1991) // Культура и искусство. 2017. № 10. С. 26-39. DOI [10.7256/2454-0625.2017.10.24522](https://doi.org/10.7256/2454-0625.2017.10.24522). EDN [ZTCGDJ](https://www.edn.ru/ZTCGDJ).
7. Косинова, М. И. Советская кинофикация и кинопрокат во второй половине 1940-х годов... «трофейное кино» — спасение киноотрасли в период «малокартинья» // Сервис plus. 2015. Т. 9, № 3. С. 59-69. DOI [10.12737/12541](https://doi.org/10.12737/12541). EDN [UGAUCB](https://www.edn.ru/UGAUCB).
8. Танис, К. А. Трофейные фильмы в СССР в 1940-1950-е годы: к практикам кинопроката // Артикульт. 2019. № 2(34). С. 79-88. DOI [10.28995/2227-6165-2019-2-79-88](https://doi.org/10.28995/2227-6165-2019-2-79-88). EDN [NCBRBD](https://www.edn.ru/NCBRBD).
9. Туманов, А. И. Отечественный кинематограф и его значение в формировании национальной идентичности // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27. № 3. С. 35-49. DOI [10.19181/nko.2021.27.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.4). EDN [AKUOVR](https://www.edn.ru/AKUOVR).
10. Танис, К. А. Кино и зритель в эпоху перестройки: изменение горизонта зрительских ожиданий в 1980-1990-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3(46). С. 26-33. DOI [10.17072/2219-3111-2019-3-26-33](https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-3-26-33). EDN [LYLWJZ](https://www.edn.ru/LYLWJZ).
11. Колесникова, А. Г. Образ советского прошлого в игровом кино эпохи перестройки // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 10. С. 2029-2032. DOI [10.30853/mns210383](https://doi.org/10.30853/mns210383). EDN [IHCRRD](https://www.edn.ru/IHCRRD).
12. Nilsson, P. Chinese Government's Role in Commercialization of the Film Industry : Master thesis / Lund University. 2015. URL: <https://u.to/fxYrHA> (дата обращения: 21.05.2021).
13. Parc, J. A Retrospective on Korean Film Policies // European Centre for International Political Economy. 2014. URL: <https://u.to/6Z9IHA> (дата обращения: 22.05.2021).
14. Messerlin, P., Parc, J. The Real Impact of Subsidies on the Film Industry (1970s–Present): Lessons from France and Korea // Pacific Affairs. 2014. Vol. 90. № 1. Pp. 51-75. DOI [10.5509/201790151](https://doi.org/10.5509/201790151).

Дата поступления в редакцию: 25.05.2022.

Дата поступления финальной версии: 11.08.2022.

Принята к печати: 22.08.2022.

Сведения об авторе:

Арсений Игоревич Туманов, соискатель, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; редактор, ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания». Москва, Россия.

e-mail: tumanovarsenii@gmail.com

Author ID РИНЦ: 941049

ORCID: 0000-0002-8966-7623

A. I. Tumanov^{1,2}

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

² All-Russia State Television and Radio Broadcasting Company.
Moscow, Russia.

SOCIO-POLITICAL FEATURES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN MOVIE INDUSTRY THROUGH THE PRISM OF THE HISTORY OF SOVIET CINEMA AND INTERNATIONAL FILM INDUSTRY EXPERIENCE

Abstract. The article is devoted to the Russian movie industry and the problems that national cinema is currently facing. This applies to surface level, urgent difficulties, such as the rapid decline in cinema attendance in the absence of Hollywood tentpoles at the box office, as well as to deeper shortcomings, among them the lack of Russian cinema's own identity. The author describes how the modern system of state support of the movie industry unwittingly leads to a deluge of similar run-of-the-mill movies, which not only negatively affects the total revenue of Russian cinemas, but also does not allow the domestic film market to grow, as well as effectively perform its socio-political functions. Patriotic high-budget blockbusters have become the most demanded type of Russian film production in recent years, the plot of which is based on events from Russian history, told in the language of Western commercial cinema. The rare but nevertheless sound successes of such films have led to the system under which these types of movies receive the lion's share of budget funding. Disregarding the fact that box office data shows that viewers are more often attracted to films of a smaller scale, but about lives of our contemporaries of today and tomorrow. The current situation in the Russian movie industry is compared with the experience of the formation of the Soviet cinema and with the development of national film industries of China, South Korea and France.

Keywords: state support of the movie industry, national identity, theatrical business, Russian cinema, socio-political functions of art.

For citation: Tumanov A.I. (2022) Socio-political features and prospects for the development of the Russian movie industry through the prism of the history of soviet cinema and international film industry experience. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 3. Pp. 137-151. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.10

References

1. Volkov, E. V. (2020) "Impairment of cinema interests is an impairment of viewer interests": problems of soviet film distribution and quality of films in the texts of the "thaw" period. *Bulletin of South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"*. Vol. 20. No. 2. Pp. 25-31. DOI [10.14529/ssh200203](https://doi.org/10.14529/ssh200203) (in Russ.).
2. Kosinova, M. I. (2014) The history of relations between Russian cinema and its audience. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 4. Pp. 147-155 (in Russ.).
3. Zhabskij, M. I. (1996) Westernization of Cinema: Skill and Lessons from History. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 1996. No. 2. Pp. 25-35 (in Russ.).
4. Lubashova, N. I. (2015) The Sociology of Russian Cinema in the Socialist Era. *Analitika kul'turologii*. 2015. No. 1(31). Pp. 86-92 (in Russ.).
5. Boltyanskij, G. M. (1925) *Lenin i kino [Lenin and Cinema]*. Moscow – Leningrad, Gosizdat. 96 p. (in Russ.).
6. Sidorova, G. P, Shutaya, N. K. (2017) Soviet Art Cinema about Revolution of 1917 in Russia: Dynamics of Film Production and Perception (1918-1991). *Culture and Art*. No. 10. Pp. 26-39. DOI [10.7256/2454-0625.2017.10.24522](https://doi.org/10.7256/2454-0625.2017.10.24522) (in Russ.).
7. Kosinova, M. I. (2015) Soviet spreading of the cinema and film distribution during the second half of the 1940-ies... "trophy movies" as the salvation of the film industry

in the period of “malokartinye”. *Servis plus*. Vol. 9. No. 3. Pp. 59-69. DOI [10.12737/12541](https://doi.org/10.12737/12541) (in Russ.).

8. Tanis, K. A. (2019) Trophy films in the USSR during the 1940s and 1950s: to some practices of film exhibition. *Artikult*. No. 2(34). Pp. 79-88. DOI [10.28995/2227-6165-2019-2-79-88](https://doi.org/10.28995/2227-6165-2019-2-79-88) (in Russ.).

9. Tumanov, A. I. (2021) Role of national cinema in the formation of national identity. *Science. Culture. Society*. Vol.27. No. 3. Pp. 35-49. DOI [10.19181/nko.2021.27.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.4) (in Russ.).

10. Tanis, K. A. (2019) Cinema and spectator in ‘perestroika’ era: changing of horizon of viewers’ expectations during the 1980s and the 1990s. *Perm University Herald. History*. No. 3(46). Pp. 26-33. DOI [10.17072/2219-3111-2019-3-26-33](https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-3-26-33) (in Russ.).

11. Kolesnikova, A. G. (2021) Image of Soviet past in fiction films of perestroika era. *Manuskript*. Vol. 14. No. 10. Pp. 2029-2032. DOI [10.30853/mns210383](https://doi.org/10.30853/mns210383) (in Russ.).

12. Nilsson, P. (2015) *Chinese Government’s Role in Commercialization of the Film Industry*. Master thesis. Lund University. URL: <https://u.to/fxYrHA> (last request: 21.05.2021) (in Eng.).

13. Parc, J. (2014) A Retrospective on Korean Film Policies. *European Centre for International Political Economy*. URL: <https://u.to/6Z9IHA> (last request: 22.05.2021) (in Eng.).

14. Messerlin, P., Parc, J. (2014) The Real Impact of Subsidies on the Film Industry (1970s–Present): Lessons from France and Korea. *Pacific Affairs*. Vol. 90. No. 1. Pp. 51-75. DOI [10.5509/201790151](https://doi.org/10.5509/201790151) (in Eng.).

The article was submitted on May 25, 2022.
The final version arrived on August 11, 2022.
Accepted on August 26, 2022.

Information about the author:

Arseniy I. Tumanov, PhD applicant, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS; Editor, FSUE The All-Russia State Television and Radio Broadcasting Company. Moscow, Russia.
e-mail: tumanovarsenii@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8966-7623

DOI 10.19181/nko.2022.28.3.11

EDN HLNQZF

УДК 316.354.4

М. П. Сухарькова¹

¹ НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КИТАЙСКОЙ ОЛИМПИЙСКОЙ ВОЛОНТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «ПЕКИН 2022»

Аннотация. В статье анализируются результаты исследования, проведенного среди волонтеров, принимавших участие в волонтерских программах Олимпийских и/или Паралимпийских игр 2022 года (Пекин, Китай). Рассматривается опыт участия китайских олимпийских волонтеров в соответствующей деятельности до игр, их мотивация для участия в олимпийской/паралимпийской волонтерской программе, уровень удовлетворенности от участия в организации и проведении игр, жизненные и ценностные ориентации и установки на дальнейшее участие в волонтерской деятельности.

Согласно полученным данным, более половины опрошенных имели предшествующий опыт участия в волонтерской деятельности, как правило, – организованной. Олимпийские волонтеры имеют не только альтруистические, но и эгоистические основания в своей мотивации. Большинство волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр в Пекине удовлетворены участием в данной программе, наибольшая доля опрошенных выразила желание повторного участия в ней. Участники олимпийской/паралимпийской волонтерской программ продемонстрировали позитивные установки на свое настоящее положение и будущее, значительная их часть планирует продолжать волонтерскую деятельность. Олимпийские волонтеры, исходя из данных по уровню удовлетворенности и дальнейшим планам, представляют ценный ресурс для волонтерства и могут сформировать кадровый резерв для профессионального волонтерства и оказания качественных волонтерских услуг.

Информация об олимпийских/паралимпийских волонтерских программах и их участниках необходима для повышения эффективности волонтерской деятельности, оптимизации программ подготовки и методов удержания опытных волонтеров как кадрового резерва.

Ключевые слова: волонтеры; участники олимпийской/паралимпийской волонтерской программы; мотивация волонтеров; удовлетворенность волонтеров; жизненные установки волонтеров.

Для цитирования: Сухарькова М. П. Кадровый потенциал китайской олимпийской волонтерской программы «Пекин 2022» // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 152-164. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.11. EDN HLNQZF

Введение. Волонтеры играют решающую роль в обеспечении устойчивости многих сервисных организаций в современном обществе, сектор спортивных мероприятий также во многом зависит от волонтеров, поскольку они играют важную роль в предоставлении прямых услуг, что имеет решающее значение для успеха спортивных мероприятий [1]. В мировой практике отмечается рост числа и популярности спортивных мероприятий различного масштаба. Благодаря повсеместному характеру, спортивные мероприятия становятся всё более популярным местом реализации эпизодического волонтерства во всем мире [2]. Эпизодическое, событийное направление волонтерской деятельности характеризуется кратковременностью этих практик и связано с привлечением волонтеров к организации и проведению различных мероприятий, в том числе спортивных.

Такие мероприятия как Олимпийские и Паралимпийские игры относят к спортивным мега-событиям. Современные исследователи достаточно много внимания уделяют изучению разных аспектов положительного и негативного влияния спортивных мега-событий на принимающую территорию. В то время как экономические издержки и выгоды мега-событий для принимающих городов и стран хорошо задокументированы, оценка и характер социальных последствий таких мероприятий менее ясны [3]. Волонтерские программы, реализуемые к определенным спортивным мега-событиям, являются частью социальных последствий этих мероприятий. Вклад волонтеров в успешное проведение спортивных мега-событий высоко оценен. Например, волонтеры зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине получили благодарность от президента Международного олимпийского комитета Томаса Баха¹, что подчеркивает важность человеческих ресурсов в проведении успешного мероприятия, в частности роль волонтеров [4].

Участие в волонтерской деятельности означает новые возможности социального взаимодействия, получения уникального опыта в разных сферах жизни, что подчеркивает социальную значимость дальнейшего изучения волонтерской деятельности [5]. Опытные волонтеры, обладающие необходимыми знаниями и практическим опытом, выступают ценным ресурсом в сфере волонтерства, где традиционно остро стоит проблема высокой текучести кадров. В этой связи особо актуально изучение участников волонтерских программ спортивных мега-событий с точки зрения потенциального ресурса профессиональной волонтерской деятельности, часто ли эти люди планируют продолжать волонтерство после игр.

В рамках данной статьи подробно рассматриваются волонтеры Олимпийских и Паралимпийских игр 2022 года, которые проходили в Пекине (Китай). Россия и Китай продолжают развивать стратегическое партнерство, для дальнейшего развития обоих государств значимо сотрудничество в гуманитарном направлении как перспективное направление реализации государственных гарантий благополучия граждан и сохранения национальных интересов. Автор считает, что одной из сфер международного сотрудничества между нашими странами могла бы стать некоммерческая сфера, в том числе организация волонтерских программ [6]. Изучение и анализ олимпийских волонтерских программ и их участников может способствовать разработке мер по повышению уровня удовлетворенности волонтеров, а также повышению качества самих волонтерских программ.

Удержание волонтеров в волонтерской деятельности. Олимпийские волонтеры проходят обучение, подготовку, тестовую работу и получают опыт работы на крупном международном мероприятии, что дает возможность говорить о том, что волонтеры после игр обладают необходимыми компетенциями для оказания качественных волонтерских услуг в будущем. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что некоммерческие и другие организации заинтересованы в удержании людей, обладающих олимпийским опытом в волонтерской деятельности. Высокая текучесть волонтерских кадров относится экспертами к наиболее существенной проблеме при работе с волонтерами [7]. Управление волонтерами представляет собой сложную систему управления человеческим ресурсами, от которой зависит не только эффективность деятельности

¹ Президент МОК поблагодарил волонтеров Олимпийских игр в Пекине // Олимпийский комитет Республики Казахстан. 19 февраля 2022. URL: <https://u.to/TNdIHA> (дата обращения: 29.04.2022).

волонтеров, но и их желание продолжать волонтерство [8]. По этой причине специалистам, которые работают с волонтерами, необходимо уделять внимание разработке мер по удержанию опытных волонтеров [9]. Удержание – важная часть работы с волонтерами, неудовлетворенность волонтеров приводит к потере кадров и оказанию услуг низкого качества [10]. Группа международных исследователей доказала, что волонтеры чаще продолжают свое участие в волонтерской деятельности, если в этом виде деятельности они получают то, зачем приходят в волонтерство [11], то есть если их мотивация удовлетворяется через волонтерство.

Таким образом, важно понимать основания мотивации волонтеров, приводящей людей в добровольческую деятельность; понимание мотивов и обладание данными об уровне удовлетворенности значительно повышают шансы на удержание волонтеров. В свою очередь, волонтеры со стажем будут оказывать более качественные услуги, что способствует профессионализации волонтерских услуг.

Олимпийская/паралимпийская программа «Пекин 2022». Организация спортивных мега-событий – это не только значительные материальные затраты, но и вклад большого числа специалистов (трудовых ресурсов) разных направлений, от простых рабочих до высококвалифицированных специалистов и экспертов, чтобы спортивные мероприятия проходили без отклонений от программы, на высоком уровне при сохранении безопасности. Для этих целей Оргкомитеты спортивных мега-событий нанимают профессионалов, обладающих соответствующими знаниями и навыками. Но остается множество задач, для решения которых могут привлекаться волонтеры, способные выполнять – в зависимости от квалификации, – как простейшие действия, так и оказывать узконаправленные специальные услуги². Волонтеры были заметными участниками мероприятий на играх в Пекине, организуя встречи спортсменов и других официальных участников соревнований и делегаций, работу со СМИ, помощь на спортивных объектах и местах проживания участников, информационную поддержку, содействие в транспортировке, логистике, обеспечении безопасности и пр.³

По данным организационного комитета «Пекин 2022», участниками олимпийской и паралимпийской волонтерской программ стали более 18 000 человек⁴, из которых 94% оказались моложе 35 лет⁵. Прошедшие отбор волонтеры проходили обязательное обучение и подготовку для работы на олимпийских и паралимпийских мероприятиях. Так, в олимпийской деревне Пекина более 500 волонтеров прошли подготовительные курсы в онлайн и офлайн режиме, в ходе которых они отрабатывали навыки общения с интеллектуальными роботами-помощниками в центре приёма делегаций и использования телекоммуникационных средств в информационном центре⁶. Кроме этого, поми-

² Глобальная программа рекрутинга для добровольцев Олимпийских игр в Пекине 2022 года // Kikky. 16 мая 2022. URL: <https://u.to/c9hIHA> (дата обращения: 15.03.2022).

³ Beijing 2022 volunteers thanked by IOC President // International Olympic Committee. February 18, 2022. URL: <https://olympics.com/ioc/news/beijing-2022-volunteers-thanked-by-ioc-president> (дата обращения: 10.04.2022).

⁴ Оргкомитет назвал число вовлеченных в Олимпийские игры-2022 волонтеров // Известия. 03 февраля 2022. URL: <https://u.to/BtlIHA> (дата обращения: 10.04.2022)..

⁵ Олимпиаду в Пекине обеспечивают около 18 тысяч волонтеров // ИА «Красная весна». 18 февраля 2022. URL: <https://u.to/SNIIHA> (дата обращения: 10.04.2022).

⁶ Волонтеры начали подготовку к зимней олимпиаде в Пекине // Big Asia. 25 октября 2021. URL: https://bigasia.ru/content/news/sport_and_health/volontyery-nachali-podgotovku-k-zimney-olimpiade-v-pekine/ (дата обращения: 11.04.2022).

мо подготовки к выполнению своих обычных обязанностей, олимпийские и паралимпийские волонтеры прошли специальную подготовку по мерам предосторожности COVID-19⁷.

Таким образом, респонденты проведенного исследования, как и все остальные участники олимпийской/паралимпийской волонтерской программы – добровольцы, которые прошли через специальный отбор, процессы подготовки и обучения и приняли участие в организации и проведении Олимпийских/Паралимпийских игр.

Об исследовании. Исследование проводилось методом онлайн-опроса на китайском языке, под руководством автора, при содействии Олимпийского комитета Китая, в период с апреля по май 2022 года. Основным требованием к респондентам был опыт участия в олимпийской и/или паралимпийской волонтерской программе 2022 года, что означает целевую выборку исследования. Потенциальные респонденты получали предложение принять участие в опросе через волонтерские центры, в которых они проходили подготовку к играм. Общее число респондентов – 1 050 человек. Все они граждане Китайской народной республики, среди которых 58% мужчин и 42% женщин; 60% опрошенных можно отнести категории молодежи (респонденты от 18 до 30 лет), 35% – к средней возрастной группе (респонденты от 31 года до 55 лет) и 5% участников исследования – к старшей возрастной группе (старше 55 лет).

Прошлый волонтерский опыт участников программы «Пекин 2022». Более половины опрошенных волонтеров (56%) уже имели опыт участия в волонтерской деятельности (см. табл. 1). Среди мужчин волонтеров со стажем оказалось больше (64%), чем среди женщин (46%). Также высокий уровень волонтерской активности до участия в программе «Пекин 2022» продемонстрировали наиболее молодые (18-30 лет; 64%) и наиболее возрастные (старше 55 лет; 57%) респонденты.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Участвовали ли Вы в волонтерских проектах до игр?» (% , N=1050)

Вариант ответа	Всего	Мужчины	Женщины	Молодые волонтеры	Волонтеры среднего возраста	Старшие волонтеры
Да, принимал участие	56	64	46	64	41	57
Нет, не принимал участие	44	36	54	36	59	43

Говоря о регулярности участия в волонтерской деятельности до Олимпийской/Паралимпийской волонтерской программы, 35% волонтеров сообщили, что работают в качестве волонтеров примерно раз в месяц, ещё 35% – несколько раз в год, 17% – несколько раз в месяц, 6% – единожды работали в качестве волонтеров, 4% – работают в качестве волонтеров каждую неделю, 2% – несколько раз в неделю.

⁷ Пекин-2022 отдал дань уважения волонтерам во время зимних олимпийских игр // Олимпийский комитет Республики Казахстан. URL: <https://u.to/hNIIHA> (дата обращения: 10.04.2022).

Стоит отдельно рассмотреть вопрос о том, какой характер носил предыдущий опыт волонтерской деятельности респондентов (см. табл. 2). Так, участники исследования чаще отмечали работу в организованном волонтерстве, что означает участие в волонтерской деятельности через какую-либо организацию (58%). Значительно реже бы отмечен вариант участия в неорганизованном волонтерстве. Опыт участия в волонтерской деятельности, инициатором которой выступал сам респондент или другие люди, отметили 40% респондентов.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «До игр Вы работали в качестве волонтера в проекте, инициатором и организатором которого были: ...» (% , N=1050)

Варианты ответа	Всего	Мужчины / женщины	Молодые волонтеры	Волонтеры среднего возраста	Старшие волонтеры
Какая-либо организация	58	62 / 53	62	51	58
Непосредственно Вы сами	21	16 / 28	19	24	23
Другие люди или группа людей	19	20 / 17	16	23	15
Затрудняюсь ответить	2	2 / 2	2	2	4

Что касается направлений волонтерской деятельности, в которой они участвовали до игр, наиболее популярным среди участников исследования оказалось социальное волонтерство (28%). Также олимпийские волонтеры отметили опыт работы по сбору денежных средств и необходимых вещей (21%), профилактике здорового образа жизни или в спортивном волонтерстве (20%), онлайн-волонтерстве (16%), медицинском волонтерстве (14%), событийном волонтерстве (12%), экологическом волонтерстве (7%), зооволонтерстве (6%) и волонтерской работе по сохранению исторических памятников (3%).

Треть опрошенных волонтеров считает, что участие в волонтерской деятельности дает им чувство собственной необходимости (34%), перспективы профессиональной карьеры (30%). Также участники исследования, говоря о том, что дает им участие в волонтерстве, отмечали: друзей, новые контакты (24%), полезные знакомства (20%), доступ к необходимой информации (19%), новые умения, знания, квалификацию (18%), опыт работы (18%), взаимодействие с людьми (16%), интересную работу/вид деятельности (14%), уважение окружающих/знакомых (10%), интересный и полезный вид досуга/свободного времени (8%), опыт общественной/социальнополезной деятельности (4%).

Участие в олимпийской волонтерской программе. Говоря об источниках информации по возможности участия в олимпийской/паралимпийской волонтерской программе 2022 года, 29% волонтеров ответили, что они узнали о такой возможности самостоятельно в интернете, 20% – из средств массовой информации (телевидения, радио, журналов, газет), ещё 20% получили ин-

формацию от учебного заведения, 14% – рассказали и предложили на работе, 8% – от коллег, 6% – от друзей и 3% – от родственников и членов семьи.

Подчеркнем, что более половины волонтеров от общего числа участников исследования (65%) сказали о том, что они самостоятельно приняли решение стать олимпийскими и/или паралимпийскими волонтерами (см. табл. 3). Среди выбравших этот ответ респондентов оказалось 79% участников женского пола, 72% респондентов в возрасте от 55 лет и старше и 71% – в возрасте от 18 до 30 лет.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Есть ли люди, которые оказали решающее влияние на Ваше участие в олимпийской/паралимпийской волонтерской программе?»
(%, N=1050)

Варианты ответа	Всего	Мужчины / женщины	Молодые волонтеры	Волонтеры среднего возраста	Старшие волонтеры
Я самостоятельно принял решение стать волонтером игр	65	62 / 70	71	55	72
Я принял решение стать волонтеров игр по совету друзей, знакомых	10	11 / 7	7	13	23
Я принял решение стать волонтеров игр по совету преподавателей, коллег	5	3 / 7	5	5	0
У меня не было выбора, участие в играх было обязательным	20	23 / 16	17	27	0
Затрудняюсь ответить	1	1 / 1	0	1	6

Участникам исследования также предлагалось ответить на вопрос о причинах, которые были значимы для них при принятии решения об участии в волонтерской программе «Пекин 2022». Отвечая на этот вопрос, 78% назвали возможность улучшение своего резюме, 71% указали на возможность посещения мероприятий, 66% – возможность получения трудового опыта, 59% – возможность сделать свой вклад в организацию игр, 58% – возможность приобретения новых знакомств, 52% – опыт работы в крупной международной организации, 48% – возможность путешествия и 38% выделили практику изучения иностранных языков (см. табл. 4).

Большинство волонтеров олимпийский и паралимпийской программ игр 2022 года в Пекине удовлетворены своим участием (см. табл. 5). Об этом сказали 87% от общего числа участников исследования. При этом, мужчины продемонстрировали более высокий уровень удовлетворенности (94%). Среди разных возрастных групп, наиболее высокий уровень удовлетворенности участием в практиках олимпийского/паралимпийского волонтерства показали респонденты в возрасте старше 55 лет (100%) и волонтеры в возрасте от 18 до 30 лет (90%).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Укажите, пожалуйста, причины, которые были значимы для Вас при решении принять участие в волонтерской программе “Пекин 2022”» (% , N=1050)

Варианты ответа	Привлекало	Не привлекало	Затрудняюсь ответить
Возможность сделать свой вклад в организацию игр	59	41	1
Практика изучения иностранных языков	38	61	1
Возможность путешествия	48	51	1
Опыт работы в крупной международной организации	52	48	0
Возможность приобретения новых знакомств	58	41	1
Возможность посещения мероприятий	71	28	1
Возможность получения трудового опыта	66	33	1
Возможность улучшить своего резюме	78	21	1

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы участием в олимпийской и/или паралимпийской волонтерской программе «Пекин 2022»?», (% , N=1050)

Вариант ответа	Всего	Мужчины / женщины	Молодые волонтеры	Волонтеры среднего возраста	Старшие волонтеры
Да, удовлетворен(а)	87	94 / 76	90	78	100
Нет, не удовлетворен(а)	13	6 / 24	10	22	0

Высокая степень удовлетворенности участием привела к тому, что подавляющее большинство участников опроса (70%) ответили, что они хотели бы повторно принять участие в олимпийской и/или паралимпийской волонтерской программе (см. табл. 6). Этому мнению придерживаются все респонденты старше 55 лет, 80% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет и только 49% волонтеров в возрасте от 31 до 55 лет. Такой результат, в целом, коррелирует с несколько меньшей степенью удовлетворенности волонтеров средней возрастной группы от участия в олимпийской/паралимпийской волонтерской программе «Пекин 2022».

Отдельное внимание уделим ответам опрошенных волонтеров на вопрос о применимости в повседневной жизни знаний и навыков, полученных за время обучения и работы в качестве олимпийского/паралимпийского волонтера. 78% от общего числа опрошенных волонтеров считают, что полученные знания полезны и применяются ими во многих сферах жизни. Также, 62% волонтеров ответили, что они применяют полученные знания в основной трудовой деятельности. Более полная информация о применимости знаний и навыков, полученных за время обучения в качестве олимпийского/паралимпийского волонтера представлена в таблице 7.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Хотели ли Вы еще раз принять участие в олимпийской и/или паралимпийской волонтерской программе или подобной программе другого крупного спортивного мероприятия?» (% , N=1050)

Варианты ответа	Всего	Мужчины/ женщины	Молодые волонтеры	Волонтеры среднего возраста	Старшие волонтеры
Да, хотел(а) бы	70	64 / 79	80	49	100
Нет, не хотел(а)	30	36 / 21	20	51	0

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, направления применения знаний и навыков, полученных за время обучения в качестве олимпийского/паралимпийского волонтера» (% , N=1050)

Вариант ответа	Согласен с положением	Не согласен с положением	Затрудняюсь ответить
Полученные знания полезны и применяются мною во многих сферах жизни	78	20	1
Полученные знания интересны, но не применимы в повседневной жизни	7	92	1
Полученные знания я применяю в трудовой деятельности	62	37	1
Полученные знания были полезны только во время работы на играх	6	93	1

Мнение олимпийских волонтеров о перспективах на будущее. Одним из блоков анкеты были вопросы о жизненных установках олимпийских/паралимпийских волонтеров. Оценивая свое положение в настоящий момент, 67% волонтеров сообщили, что они удовлетворены возможностью получения образования и знаний, которые им необходимы, то есть имеющимся образовательными возможностями, 63% – удовлетворены уровнем своего материального обеспечения, 57% – удовлетворены своим положением и статусом в обществе, 51% – удовлетворены тем, как в целом складывается их жизнь (см. табл. 8). При этом, более половины респондентов оказались неудовлетворены возможностью реализовать себя в профессии (57%) и местом в котором они проживают (50%).

Отметим, что 59% от общего числа участников исследования считают, что им удалось добиться в жизни большего, чем их родителям в аналогичном возрасте. Это показатель наиболее высокий среди женщин-волонтеров (62%) и участников исследования в возрасте старше 55 лет (68%).

Сравнивая свое положение в настоящий момент с ситуацией пятилетней давности (2017 год), 57% волонтеров отметили улучшение своего положения. Чаще всего улучшение по сравнению с 2017 годом отметили волонтеры женского пола (70%) и волонтеры старшей возрастной группы – от 55 лет (70%).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы в целом оцениваете свое положение сегодня?» (% , N=1050)

Варианты ответов	Удовлетворительно	Не удовлетворительно	Затрудняюсь ответить
Уровнем материального обеспечения	63	36	1
Имеющимся возможностями профессиональной самореализации	41	57	2
Собственными образовательными возможностями (получения знаний, навыков, умений)	67	32	1
Местом собственного проживания	49	50	1
Своим положением и статусом в обществе	57	42	1
В целом собственной жизнью	51	49	1

Участникам исследования также предлагалось оценить свои перспективы на последующие пять лет (до 2027 года). 77% от общего числа опрошенных волонтеров считают, что их положение за этот период улучшится, 19% – что скорее ухудшится, чем улучшится и еще 3% считают, что ситуация останется без изменений. Наиболее высокие позитивные оценки на будущее дали женщины (88%) и волонтеры в возрасте от 31 до 55 лет (83%). Наиболее высокий показатель пессимистических оценок на будущее дали мужчины (26%) и волонтеры младшей возрастной группы – от 18 до 30 лет (23%).

Каждому участнику исследования предлагалось оценить несколько высказываний для составления картины ценностных установок волонтеров. Согласно полученным результатам, 85% участников исследования выразили несогласие с тезисом, что они не способны оказывать влияние на то, что с ними происходит (см. табл. 9). Это свидетельствует о том, что волонтеры осознают ответственность за собственную жизнь. 74% – согласны с тем, что они всегда могут выполнить запланированное, что говорит о их рациональном целеполагании. Эти выводы подтверждаются и позицией 72% опрошенных волонтеров, согласных, что всё, что предстоит им в будущем, во многом зависит от них самих. Еще 59% респондентов согласны с тем, что они могут привлечь людей для совместного решения актуальной проблемы и найти единомышленников, то есть осознают свои организаторские способности и лидерские качества.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Примите, пожалуйста, решение о согласии со следующими высказываниями» (% , N=1050)

Варианты ответа	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Я не способен оказывать влияние на то, что со мной происходит	14%	85%	1%
Я всегда могу выполнить запланированное	74%	26%	1%
Только от меня зависит то, что со мной происходит	72%	27%	1%
Я могу найти единомышленников и привлечь людей для совместного решения актуальной проблемы	59%	39%	1%

Планы китайских олимпийских волонтеров на дальнейшее участие в волонтерской деятельности. Более половины от общего числа участников исследования (63%) планируют в будущем продолжить участие в волонтерской деятельности. Наиболее большее число давших такой ответ, – среди молодые волонтеры (68%) и волонтеров старшего возраста (72%). Вместе с тем, более половины опрошенных волонтеров среднего возраста (52%) не планируют продолжать волонтерскую деятельность в будущем.

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Планируете ли Вы принимать участие в волонтерской деятельности в будущем?» (% , N=1050)

Варианты ответов	Всего	Мужчины / женщины	Молодые волонтеры	Волонтеры среднего возраста	Старшие волонтеры
Да, планирую	63	64 / 62	68	48	72
Нет, не планирую	37	36 / 38	32	52	28

Среди участников исследования, которые планируют продолжать участие в волонтерской деятельности, только 36% хотели бы принимать участие только в событийном направлении волонтерства, 29% – хотели бы участвовать только в олимпийском волонтерстве в будущем, 35% – хотят принимать участие в различных направлениях волонтерской деятельности.

Вместе с этим, 55% от числа олимпийских волонтеров, которые планируют дальнейшее волонтерство, хотели бы в перспективе уделять больше времени этой деятельности, и только 9% хотели бы сократить количество времени на волонтерство. Также, для 60% респондентов сохранение волонтерской деятельности обладает принципиальной важностью, для 12% – волонтерство не представляет особой важности.

Выводы. А протяжении статьи автор формирует портрет опытного волонтера на основе исследования среди участников олимпийской/паралимпийской волонтерских программ «Пекин 2022».

Согласно полученным данным, более половины опрошенных (56%) уже имели опыт участия в волонтерской деятельности, как правило – нерегулярный: около трети (35%) респондентов работали в качестве волонтеров примерно раз в месяц, сколько же (35%) – несколько раз в год. В большинстве случаев (58%) речь шла об организованном волонтерстве, через какую-либо организацию. Наиболее популярные направления среди волонтеров с опытом, – это социальное волонтерство (28%), а вот опыт работы в событийном волонтерстве до игр имели только 12% от общего числа участников исследования. Участие в практиках волонтерства респонденты объясняли желанием решить конкретную проблему (28%) или повысить свою конкурентоспособность на рынке труда (26%). Треть волонтеров считают, что участие в волонтерской деятельности дает им чувство собственной необходимости (34%), перспективы профессиональной карьеры (30%).

Более половины участников исследования (65%) самостоятельно приняли решение стать олимпийскими и/или паралимпийскими волонтерами, около трети (29%) узнали о такой возможности из интернета. В основе мотивации 78% респондентов оказалась возможность улучшения резюме, 71% волонтеров отметили возможность посещения мероприятий, 66% – возможность получения трудового опыта, 59% – возможность сделать свой вклад в ор-

ганизацию игр. Это дает нам возможность говорить не только об альтруистической основе волонтерской деятельности, но и эгоистических причинах участия в волонтерстве.

Большинство волонтеров олимпийский и паралимпийской программ игр 2022 года в Пекине (87%) удовлетворены своим участием, 70% даже хотели бы повторить подобный опыт. Полученные в ходе подготовки и олимпийского волонтерства навыки 78% респондентов применяют в самых различных сферах жизни, а 62% – в своей трудовой деятельности.

В целом, участники олимпийской/паралимпийской волонтерской программы продемонстрировали позитивные установки на свое настоящее положение, прогресс за последние пять лет, а также на перспективы ближайшего будущего. В целом, больше половины олимпийских волонтеров (59%) считают, что им удалось добиться в жизни большего, чем их родителям в аналогичном возрасте.

Стоит отметить активную жизненную позицию волонтеров: они осознают ответственность за собственную жизнь, абсолютно большинство (85%) уверены в своей возможности влиять на события своей жизни в настоящем, 72% согласны, что события их будущего зависят от них самих. 74% считают, что всегда могут выполнить задуманное, что говорит о их рациональном целеполагании. 59% респондентов отмечают возможность самостоятельного привлечения людей для совместного решения актуальной проблемы, то есть осознают свои организаторские способности и лидерские качества.

В рамках целей нашего исследования, важно намерение значительной части олимпийских волонтеров (63%) продолжать волонтерскую деятельность в будущем. Из числа выбравших такой ответ волонтеров, 29% хотели бы в будущем участвовать именно в олимпийском волонтерстве, 36% в событийном волонтерстве, а 35% хотели бы принимать участие в различных направлениях волонтерской деятельности.

На основе полученных результатов можно сформулировать следующие рекомендации для повышения качества волонтерских программ: уделять повышенное внимание формированию системы мотивации волонтеров и предоставлению возможностей для удовлетворения потребностей волонтеров через участие в волонтерской деятельности. Это может лечь в основу мер по удержанию опытных волонтеров как ценного трудового ресурса для оказания волонтерских услуг высокого качества. Также необходимо подчеркивать важность сопровождения и перепрофилирования волонтеров после окончания основного этапа волонтерского проекта (пост-олимпийский период для олимпийского волонтерства).

Библиографический список

1. Angosto, S., Díaz-Suárez, A., López-Gullón, J. M. [et al] Motivations and future intentions in sport event volunteering: A systematic review // Sustainability. 2021. Vol. 13, № 22. DOI [10.3390/su132212454](https://doi.org/10.3390/su132212454). EDN MVAFOS.
2. Okada, A., Ishida, Y., Yamauchi, N. [et al] Episodic volunteering in sport events: A seven-country analysis // Voluntas: International journal of voluntary and nonprofit organizations. 2021. DOI [10.1007/s11266-021-00428-5](https://doi.org/10.1007/s11266-021-00428-5). EDN JBFYXG.
3. Mair, J., Chien, P. M., Kelly, S. J., Derrington, S. Social impacts of mega-events: a systematic narrative review and research agenda // Journal of Sustainable Tourism. 2021. Pp. 1-22. DOI [10.1080/09669582.2020.1870989](https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1870989).
4. Sini, L. Human Resource Management in sport mega events: A study on volunteers' recruitment in China on the path to Beijing 2022 : Master degree thesis. Italy : Universit Ca' Foscari Venezia, 2021. URL: <http://dspace.unive.it/handle/10579/18945> (last request: 15.08.2022).
5. Wise, N., Kohe, G. Z., Koutrou, N. Sport volunteering, educational leadership and social transformation // Sport, Education and Society. 2021. Vol. 26, № 9. Pp. 945-951. DOI [10.1080/13573322.2021.1946028](https://doi.org/10.1080/13573322.2021.1946028).

6. *Сухарькова, М. П.* Олимпийские волонтерские программы в Китае // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : Матер. XI междунар. науч.-практич. конф. (Благовещенск, 11–12 мая 2021 г.) / Отв. ред. А. В. Друзяка. Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2021. С. 303-307. DOI [10.48344/BSPU.2021.10.16.029](https://doi.org/10.48344/BSPU.2021.10.16.029). EDN [FHJUCQ](https://www.edn.ru/entry/FHJUCQ).

7. *Cho, H., Wong, Z. E., Chiu, W.* The effect of volunteer management on intention to continue volunteering: A mediating role of job satisfaction of volunteers // Sage open. 2020. Vol. 10, № 2. Pp. 215-282. DOI [10.1177/2158244020920588](https://doi.org/10.1177/2158244020920588).

8. *Теленаева, Д. Ф.* Социологический анализ специфики и эффективности рекрутинга спортивных волонтеров в российском регионе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 3. С. 139-151. DOI [10.15593/2224-9354/2020.3.10](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.3.10). EDN [OSWJET](https://www.edn.ru/entry/OSWJET).

9. *Нове, Р., Kappeldes, P.* The psychological contract and volunteering: A systematic review // Nonprofit Management and Leadership. 2021. Vol. 31, № 4. Pp. 665-691. DOI [10.1002/nml.21446](https://doi.org/10.1002/nml.21446).

10. *Сухарькова, М. П.* Организационные аспекты работы волонтеров на социальных предприятиях в России и Индии // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 112-123. DOI [10.19181/nko.2022.28.2.9](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.9). EDN [SVQMTZ](https://www.edn.ru/entry/SVQMTZ).

11. *Краснопольская, И. И., Гусева, П. Д., Мейс, Л., Кнаан, Р.* Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2(168). С. 384-408. DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2113](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113). EDN [RCYDOR](https://www.edn.ru/entry/RCYDOR).

Дата поступления в редакцию: 26.06.2022.

Дата поступления финальной версии: 13.08.2022.

Принята к печати: 01.09.2022.

Сведения об авторе:

Марина Петровна Сухарькова, аналитик, Научно-учебная лаборатория междисциплинарных исследований некоммерческого сектора, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, Национальный Исследовательский Университет «Высшая школа экономики».

Москва, Россия.

e-mail: MSukharkova@hse.ru

Author ID РИНЦ: 822169

ORCID: 0000-0002-5461-7925

M. P. Sukharkova¹

¹ HSE University. Moscow, Russia.

HUMAN RESOURCES OF THE CHINA OLYMPIC VOLUNTEER PROGRAM “BEIJING 2022”

Abstract. The article presents the results of an online survey conducted among the volunteers of the Olympic and/or Paralympic Games 2022 (Beijing, China). The text discusses the experience of participation of Chinese Olympic volunteers in relevant activities before the Games, their motivation for participating in the Olympic / Paralympic volunteer program, the level of satisfaction from participating in the organization and conduct of the Games, life and value orientations and attitudes towards further participation in volunteer activities.

The results of the research show that more than half of the respondents had previous experience of participating in volunteer activities, as a rule, organized ones. Olympic volunteers have not only altruistic, but also selfish reasons in their motivation. Most of the volunteers of the Olympic and Paralympic Games in Beijing are satisfied with participation in this program, the largest proportion of respondents expressed a desire to participate in it again. Participants of the Olympic/Paralympic volunteer programs have demonstrated positive attitudes towards their current position and future, and a significant part

of them plan to continue volunteering. Olympic volunteers, based on data on the level of satisfaction and future plans, represent a valuable resource for volunteering and can form a personnel reserve for professional volunteering and providing quality volunteer services.

Keywords: volunteers; participants of the Olympic/Paralympic volunteer program; motivation of volunteers; satisfaction of volunteers; volunteer attitudes.

For citation: Sukharkova M.P. (2022) Human resources of the China Olympic volunteer program "Beijing 2022". Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 3. Pp. 152-164. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.11

References

1. Angosto, S., Díaz-Suárez, A., López-Gullón, J. M. [et al] (2021) Motivations and future intentions in sport event volunteering: A systematic review. *Sustainability*. Vol. 13. No. 22. DOI [10.3390/su132212454](https://doi.org/10.3390/su132212454) (in Eng.).
2. Okada, A., Ishida, Y., Yamauchi, N. [et al] (2021) Episodic volunteering in sport events: A seven-country analysis. *Voluntas: International journal of voluntary and nonprofit organizations*. DOI [10.1007/s11266-021-00428-5](https://doi.org/10.1007/s11266-021-00428-5) (in Eng.).
3. Mair, J., Chien, P. M., Kelly, S. J., Derrington, S. (2021) Social impacts of mega-events: a systematic narrative review and research agenda. *Journal of Sustainable Tourism*. Pp. 1-22. DOI [10.1080/09669582.2020.1870989](https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1870989) (in Eng.).
4. Sini, L. (2021) *Human Resource Management in sport mega events: A study on volunteers' recruitment in China on the path to Beijing 2022*. Master degree thesis. Italy, Università Ca' Foscari Venezia. URL: <http://dspace.unive.it/handle/10579/18945> (last request: 15.08.2022) (in Eng.).
5. Wise, N., Kohe, G. Z., Koutrou, N. (2021) Sport volunteering, educational leadership and social transformation. *Sport, Education and Society*. Vol. 26. Issue 9. Pp. 945-951. DOI [10.1080/13573322.2021.1946028](https://doi.org/10.1080/13573322.2021.1946028) (in Eng.).
6. Sukharkova, M. P. (2021) The Olympic volunteer program in China. In: *Russia and China: history and prospects of cooperation*. Mater. XI Intern. Scientific-Practical Conf. (Blagoveshchensk, May 11-12, 2021). Pp. 303-307. DOI [10.48344/BSPU.2021.10.16.029](https://doi.org/10.48344/BSPU.2021.10.16.029) (in Russ.).
7. Cho, H., Wong, Z. E., Chiu, W. (2020) The effect of volunteer management on intention to continue volunteering: A mediating role of job satisfaction of volunteers. *Sage open*. Vol. 10. Issue 2. Pp. 215-282. DOI [10.1177/2158244020920588](https://doi.org/10.1177/2158244020920588) (in Eng.).
8. Telepaeva, D. F. (2020) Sociological analysis of the specifics and effectiveness of sports volunteers' recruiting in the Russian regions. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. No. 3. Pp. 139-151. DOI [10.15593/2224-9354/2020.3.10](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.3.10) (in Russ.).
9. Hoye, R., Kappelides, P. (2021) The psychological contract and volunteering: A systematic review. *Nonprofit Management and Leadership*. Vol. 31. No. 4. Pp. 665-691. DOI [10.1002/nml.21446](https://doi.org/10.1002/nml.21446) (in Eng.).
10. Sukharkova, M. P. (2022) Organizational aspects of volunteer work in social enterprises in Russia and India. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 2. Pp. 112-123. DOI [10.19181/nko.2022.28.2.9](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.9) (in Eng.).
11. Krasnopolskaya, I. L., Guseva, P. D., Meijs, L. C., Cnaan, R. A. (2022) Determinants of the Episodic Volunteer Satisfaction. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2(168). Pp. 384-408. DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2113](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113) (in Russ.).

The article was submitted on June 26, 2022.
The final version arrived on August 13, 2022.
Accepted on September 01, 2022.

Information about the author:

Marina P. Sukharkova, Analyst at Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, National Research University "Higher School of Economics". Moscow, Russia.
e-mail: MSukharkova@hse.ru
ORCID: 0000-0002-5461-7925

DOI 10.19181/nko.2022.28.3.12

EDN IZREPU

УДК 316.6

Е. А. Тутынина^{1*}

¹ Северо-Кавказский федеральный университет.
Ставрополь, Россия.

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ НА ВЫБОР СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности профессиональной деятельности специалистов экстремального профиля и их влияние на выбор стратегий совладающего поведения в зависимости от преобладающих каналов эмпатии, параметров саморегуляции поведения, уровня эмоционального интеллекта, типа рефлексии. Совладающее поведение направлено на эффективную адаптацию к требованиям ситуации и снижению ее стрессовости. При этом использование стратегий совладающего поведения помогает сотрудникам экстремального профиля сохранить своё физическое и психическое здоровье. К числу специалистов, работающих в штатных и внештатных экстремальных ситуациях, относятся представители уголовно-исполнительной системы: охранники, контролеры за исполнением наказания, инспектора отдела безопасности, оперуполномоченные оперативных отделов, постоянно находящиеся в условиях стресса, с растущим психологическим напряжением. С целью выявления особенностей выбора стратегий совладающего поведения у данной категории специалистов на примере сотрудников «Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ставропольскому краю» в г. Ставрополь было осуществлено их тестирование по комплексной методике, включающей опросники эмоционального интеллекта «Эмин» (Д. В. Люсин), «Способов совладающего поведения» (Р. Лазарус), «Дифференциального типа рефлексии» (Д. А. Леонтьев, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осин, А. Ж. Салихова), методику В. В. Бойко «Диагностика уровня эмпатии», опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» В. И. Моросановой. По результатам исследования было выявлено, в частности, что большинство респондентов имеют хорошо развитый межличностный эмоциональный интеллект, системную рефлекссию, высокий уровень саморегуляции и, вместе с тем, сравнительно низкий уровень эмпатии.

Ключевые слова: эмоциональная компетентность, специалисты экстремального профиля, эмоциональный интеллект, саморегуляция, совладающее поведение, рефлексия, уровень эмпатии.

Для цитирования: Тутынина Е. А. Влияние эмоциональной компетентности на выбор стратегий совладающего поведения у специалистов экстремального профиля // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 165-180. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.12. EDN IZREPU

Введение. Управление эмоциями – необходимая предпосылка социальной адаптации, взаимодействия с другими, преодоления стрессовых ситуаций и принятия эффективных решений. Эмоциональная компетентность – в первую очередь, понимание и управление эмоциями (Г. В. Юсупова) [1], в то время как эмоциональный интеллект подразумевает механизмы социального влияния на эмоциональную компетентность личности (И. Н. Андреева) [2, с. 80].

* Научный руководитель – Артур Владимирович Атанесян, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Ереван, Армения). E-mail: atanesyan@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: 962408.

Эмоциональная компетентность является более широкой концепцией, интегральной характеристикой, которая состоит из компонентов эмоционального интеллекта, социальных навыков, показателей самосознания, волевых качеств, которую традиционно делятся на личные (самооценка, мотивация, саморегуляция) и социальные (социальные навыки и собственно эмпатия) компетентности [3, с. 4].

Инструментальным уровнем эмоциональной компетентности, рефлексии, эмпатии и саморегуляции мы считаем эмоциональный интеллект, который выступает в роли механизма функционирования и формирования непосредственно эмоциональной компетентности.

В данной работе мы рассмотрим следующие параметры эмоциональной компетентности, исходя из которых, индивид выбирает стратегии совладающего поведения:

- эмоциональный интеллект – «внутренний эмоциональный ресурс эмоциональной саморегуляции человека», исходя из которого субъект в проблемных ситуациях управляет своим поведением и контролирует эмоции [4, с. 16];
- рефлексия, которая представляет собой способность человека точно определять, что именно за эмоции он испытывает в настоящий момент, ориентируясь на физическое состояние и внутренний диалог; распознать изменение силы проявления эмоций и переход от одних эмоциональных состояний к другим;
- саморегуляция поведения – способность к определению источника и причин возникновения эмоций, их предназначения и возможных последствий развития, степени её важности в данной ситуации;
- эмпатия, которая является основным элементом эмоциональной компетентности, другими словами, это эмоциональная реакция индивида на переживания окружающих, проявляющаяся в виде сопереживания или сочувствия [5, с. 82].

Поведенческие модели и стратегии, направленные на преодоление стрессовых ситуаций, называются копингом (от англ. *to cope* – преодолевать, совладать), или совладающим поведением: копинг-поведение выступает в роли потенциальной готовности индивида пережить сложные ситуации с помощью использования конкретных стратегий совладающего поведения [6].

Адаптация индивида к требованиям возникшей ситуации, позволяющая совладать с ней, смягчить или ослабить требования, привыкнуть или же избежать их, погасив стрессовое воздействие ситуации – это психологическое предназначение совладающего поведения. При возникновении трудной жизненной ситуации, на основании личного опыта, своих психофизиологических особенностей и индивидуальных способностей (копинг-ресурсов), человек использует уже имеющиеся у него стратегии совладания (копинг-стратегии) [7].

Основными компонентами, из которых складывается совладающее поведение или копинг-стратегия, являются когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, а также значительная личностная «надстройка» – система факторов, воздействующих на выбор предпочтительной стратегии поведения [8, с. 82]. На основании этого складывается благополучность специалистов экстремального профиля при выполнении профессиональной деятельности, позволяющая с помощью адаптивных форм поведения справиться с экстремальными ситуациями.

Есть много профессий, которые вовлекают индивида в экстремальные ситуации. В частности, к ним относятся профессии из сферы уголовно-исполнительной службы. Специалисты, работающие в пенитенциарной системе, реаги-

руют на насущную потребность общества в защите населения от преступности. К ним относятся контролеры по исполнению наказаний, охранники, инспектора отдела безопасности, оперуполномоченные оперативных отделов, – все они постоянно находятся в условиях стресса, с растущим психологическим напряжением [9, с. 351]. К экстремальным ситуациям работы в пенитенциарной системе относятся массовая анархия, захваты заложников, неповиновение и т.д., что делает работу в таких условиях психологически сложной [10, с. 438].

Говоря об особенностях профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной службы отметим, что при выполнении профессиональных обязанностей они постоянно сталкиваются с нестандартными ситуациями, которые требуют принятия нестандартных решений для совладания с ситуацией. Готовность к профессиональной деятельности в условиях экстремальных ситуаций в большинстве своём связана не только с физиологическими, но и с психологическими ограничениями человека и его организма. Это в последующем сказывается также на восприятии специалистом самого себя в мире, окружающего мира в целом. Поэтому при изучении личности специалистов экстремальных профессий важно уделять внимание не только эмоциональной компетентности, но и их поведению, и способам справляться с теми непростыми условиями, в которых специалистам приходится работать.

Изучению поведенческих моделей специалистов экстремального профиля в стрессовых ситуациях посвящен целый ряд зарубежных и отечественных исследований [11]. Обращаясь к опыту исследований совладающего поведения за рубежом, обратим внимание на два явления: психологическую защиту и совладающее поведение. Термин «психологической защиты» З. Фрейд сформировал в психоанализе, более детально продолжила изучение его воззрений Анна Фрейд. Согласно подходу, рассматриваемому в психоанализе, механизм, который ориентирован на снижение тревожности и раздражения в обстановке внутриспсихического конфликта, чтобы сохранить самодостаточность и адаптацию личности – это психологическая защита. И для него характерны два основных критерия: потеря сознания и несвобода [12, с. 37].

Л. Мерфи привнёс свой вклад в формирование воззрений о взаимосвязях индивидуально-типологических черт личности, копинг-поведения и прошлого опыта борьбы со стрессовыми ситуациями. А также он выявил наличие в структуре копинг-поведения когнитивного и поведенческого элементов [13, с. 61].

В рамках когнитивной концепции Р. Лазаруса продолжилось изучение проблемы совладания и её ключевых позиций, он описал сознательные методы борьбы со стрессом, связанным с тревожностью и напряженностью [13, с. 61]. Лазарус обозначил копинг-поведение как «желание решать проблемы, которые человек проявляет в обстановке (связанной с экстремальностью или же успехом), которая требует активизации навыков адаптации для поддержания физического, психологического и социального благополучия» [13, с. 62]. Данные обозначения стали основой для создания трехфакторной концепции копинг-механизмов, содержащей стратегии и ресурсы совладающего поведения [9, с. 132].

Более пристально в западной психологии относятся непосредственно к систематизации стратегий преодоления трудностей, предложенных Э. Скиннером и названных «семьей копингов» [14, с. 5]. Она содержит двенадцать разделов, включая решение проблем, поиск информации, беспомощность, избегание, уверенность в себе, поиск поддержки, делегирование, социальную изоляцию, адаптацию, переговоры, подчинение, сопротивление. Каждый подраздел отличается своими собственными стратегиями, но при этом они схожи по фокусу и функциям. Изучение семей более высокого порядка способствует

выявлению сложной структуры копинг-поведения и раскрывает их адаптивные функции [14, с. 5].

Согласно утверждениям Дж. Вэйланта, устойчивость и адаптация человека могут быть определены как умение перестроиться после стресса с помощью адаптивных экологических копинг-стратегий [13, с. 63].

Обращаясь к отечественным исследованиям в области эмоциональной компетентности, стресса и управления в области экстремальных ситуаций, отметим, что многие труды посвящены работникам МВД России [15, 16].

Так, например, В. И. Солдат [17, с. 25] писал о том, что успешная и эффективная реализация и функционирование в профессии зависит от способности использовать адаптивные стратегии копингового поведения. Конструктивное применение стратегий совладания «социальный контакт», «манипулятивные действия» и «агрессивные действия» будут говорить о достаточном уровне развития копингового поведения. Автор также показал, что сотрудники оперативных отделов с низким уровнем совладания прибегают к таким копингам, как «поиск социальной поддержки», «социальных контактов», «осторожных действий» и «манипулятивных действий». С приобретением опыта и стажа специалисты уже более осознанно и определенно используют совладающее поведение.

А. П. Шихова [17, с. 25] пришла к выводу, что работники специализированных подразделений ОВД под действием рабочего стресса используют в его преодолении тактики неактивного, антисоциального и деструктивного типа, с применением психологических защитных механизмов типа «регрессия».

Их способность управлять и справляться со стрессом связана во многом с эмоциональной компетентностью и способностью использовать активные стратегии поведения и просоциальные стратегии, а применение контрпродуктивных стратегий совладания (асоциальных и пассивных) становятся причиной увеличения профессионального напряжения и стресса.

А. В. Бухвостов и Е. Н. Ашанина выявили зависимость совладающего поведения и эмоциональной компетентности сотрудников МЧС от характера ситуации (стандартная-нестандартная, опасная-неопасная), от сформированности совладающего поведения («адаптивного», «псевдоадаптивного», «неадаптивного»), выраженности основных стратегий совладающего поведения («поиск социальной поддержки», «решение проблем») и небольшой выраженности «избегания» [18, с. 174].

Таким образом, основной проблемой, которую мы попытаемся решить, является выявление психологических механизмов влияния эмоциональной компетентности на выбор стратегий совладающего поведения у специалистов экстремального профиля. Решение данной проблемы имеет как теоретический, так и прикладной аспекты, позволяя содействовать эффективности деятельности специалистов экстремального профиля в условиях стресса.

Методология и методика исследования. Целью нашего исследования является выявление психологических механизмов влияния эмоциональной компетентности на выбор стратегий совладающего поведения у специалистов экстремального профиля на примере сотрудников «Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ставропольскому краю».

Задачи исследования:

- 1) проведение эмпирического исследования параметров эмоциональной компетентности и преобладающих стратегий совладающего поведения у специалистов экстремального профиля;

- 2) проведение факторизации параметров эмоциональной компетентности для определения эмоциональных компетенций как отдельных компонентов её структуры;
- 3) определение различий между специалистами экстремального профиля, сгруппированными по признаку «преобладающая стратегия совладающего поведения», по уровню развития эмоциональных компетенций.

Соответственно, объектом исследования является совладающее поведение специалистов экстремального профиля, а предметом – влияние эмоциональной компетентности на выбор стратегий совладающего поведения у специалистов экстремального профиля. База исследования: 55 сотрудников «Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ставропольскому краю» в г. Ставрополь, включая 8 женщин и 47 мужчин в возрасте 22-51 года, со стажем работы от 6 месяцев до 26 лет. Исследование проводилось в январе-марте, анализ результатов – в марте-июне 2022 года.

Психодиагностические методы исследования:

1. опросник эмоционального интеллекта «Эмин» (Д. В. Люсин) [19];
2. опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса [20];
3. опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (Д. А. Леонтьев, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осин, А. Ж. Салихова) [21];
4. методика В. В. Бойко «Диагностика уровня эмпатии» [22];
5. опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» В. И. Моросановой [23].

Результаты исследования. С целью измерения общего уровня эмоционального интеллекта, нами был применен Опросник эмоционального интеллекта «Эмин» (Д. В. Люсин) (см. рис. 1).

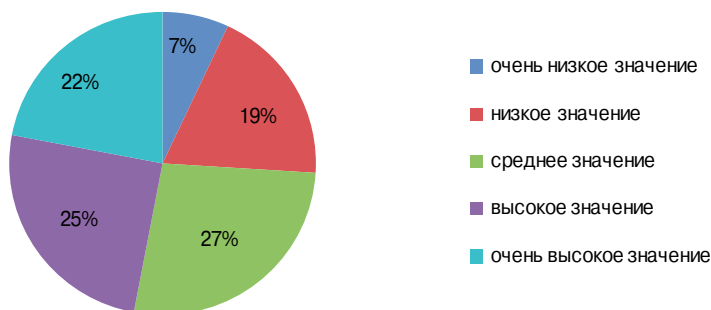

Рисунок 1. Общий уровень эмоционального интеллекта, %

Также с помощью данного опросника нами были выявлены компоненты, из которых складывается эмоциональный интеллект испытуемых (см. рис. 2).

Результаты показывают, что у большинства испытуемых развитость общего эмоционального интеллекта находится на среднем и высоком уровнях, это значит, что испытуемые, как правило, понимают, как вести себя в разного рода обстоятельствах, не обременяя себя ситуативными требованиями. Их поведение строится на основании ситуации без применения волевых усилий и исходит не только от собственного эмоционального состояния, но с ориентацией на эмоциональное состояние окружающих.

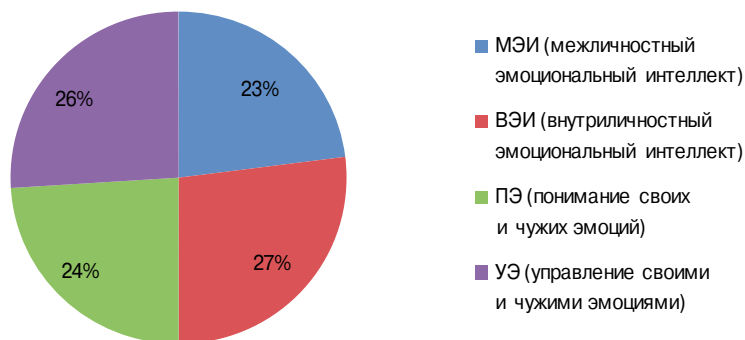

Рисунок 2. Компоненты эмоционального интеллекта испытуемых, %

Все компоненты эмоционального интеллекта развиты практически на одинаковом уровне.

С целью выявления копинг-стратегий и способов преодоления трудностей в разных сферах психической деятельности был применен опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (см. рис. 3).

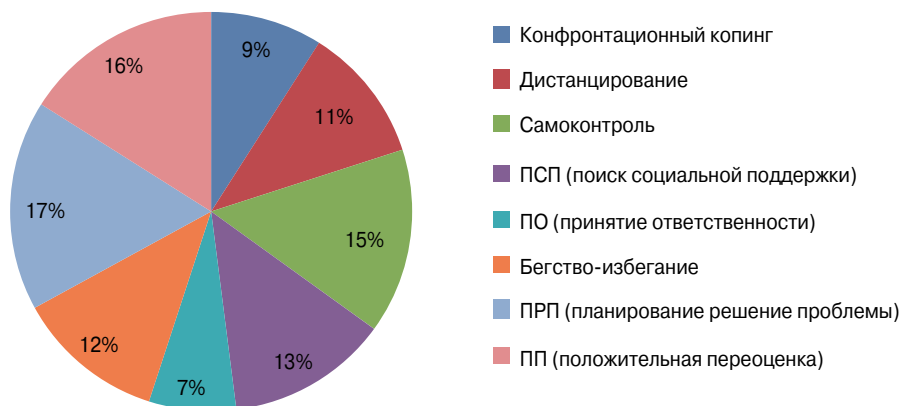

Рисунок 3. Исследование способов совладающего поведения, %

Можно отметить, что копинг-стратегия «планирование решения проблемы» предполагает попытку преодолеть проблемы путем целенаправленного анализа ситуации, составления плана собственных действий с опорой на объективные условия, опыт и ресурсы. Испытуемые, которые используют стратегию «положительная переоценка» пытаются преодолеть негативный опыт, связанный с проблемой через свое позитивное переосмысление и рассматривают его как стимул для личностного роста. Обращаясь к стратегии «самоконтроля», необходимо отметить, что он предполагает попытки специалистов преодолеть негативный опыт, связанный с проблемами путем уже целенаправленного сдерживания и подавления эмоций, с целью минимизировать их влияние на оценку сложившейся ситуации. Также таким испытуемым присущ высокий уровень контроля поведения и приверженность к самообладанию. Субъекты, которые справляются со сложной ситуацией с помощью «поиска социальной поддержки», целенаправленно стараются найти информационную, действенную и эмоциональную поддержку извне. Используя стратегию преодоления трудно-

стей «бегство-избегание» респонденты пытаются мысленно уйти от проблем, строя стену, пытаясь не думать о негативных факторах, которые доставляют им дискомфорт, тем самым убегая от проблемы, а не прилагая усилия для её решения. Использование испытуемыми преодоления трудностей в качестве «дистанцирования» предполагает, что они используют когнитивные усилия для того, чтобы отделить себя от травмирующей ситуации и уменьшить её важность путем дистанцирования. Использование испытуемыми «конфронтационного копинга» говорит о том, что прилагая агрессивные усилия, они пытаются справиться с ситуацией, которая приносит в их жизнь неудобства, при этом они с легкостью идут на риск. Субъекты, которые используют стратегию преодоления «принятие ответственности» понимают свою роль в разрешении проблемной ситуации и берут на себя ответственность с целью её решения.

Тип рефлексии специалистов экстремального профиля мы исследовали с помощью опросника «Дифференциальный тип рефлексии» (Д. А. Леонтьев, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осин, А. Ж. Салихова) (см. рис. 4).

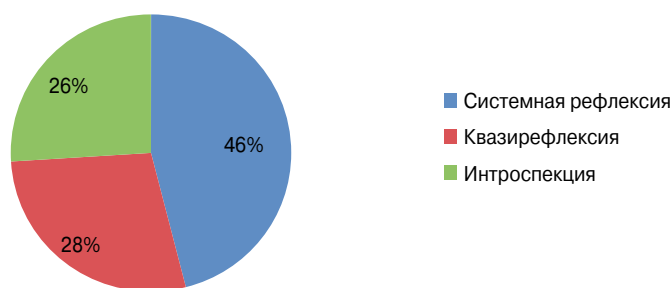

Рисунок 4. Исследование типов рефлексии, %

Полученные данные демонстрируют, что у большинства испытуемых преобладает системная рефлексия (46%), т.е. такие испытуемые в зависимости от ситуации могут оценить себя со стороны; для принятия взвешенного решения, с целью более эффективного воздействия на сложившуюся ситуацию, учитывают её особенности, а не только собственные желания. Развитость квазирефлексии (28%) говорит о том, что такие испытуемые направляют свои размышления на другой объект, а не на себя, часто уходят в своих мыслях куда-то в прошлое или будущее. Респонденты с типом рефлексии «интроспекция» (26%), наоборот, в фокус своего внимания берут только собственное внутреннее переживание, состояние, совершенно не ориентируются на тех, кто рядом с ними.

Далее для диагностики элементов формирования эмпатии, мы применили методику В. В. Бойко «Диагностика уровня эмпатии» (см. рис. 5).

Анализируя данные, полученные с помощью данной методики, можно сделать вывод, что испытуемые, у которых хорошо развита проникающая способность в эмпатии, имеют хорошо развитые коммуникативные свойства, которые помогают им быть открытыми, располагают к доверию и пониманию. Установки, способствующие эмпатии, характеризуют испытуемых как личностей, стремящихся к контакту, проявляющих любопытство к другим людям с эмоциональной отзывчивостью и эмпатическим восприятием. Испытуемые, у которых преобладает идентификация в эмпатии, умеют понимать окружающих на основании сопереживаний, ставя себя на место другого. Сама идентификация

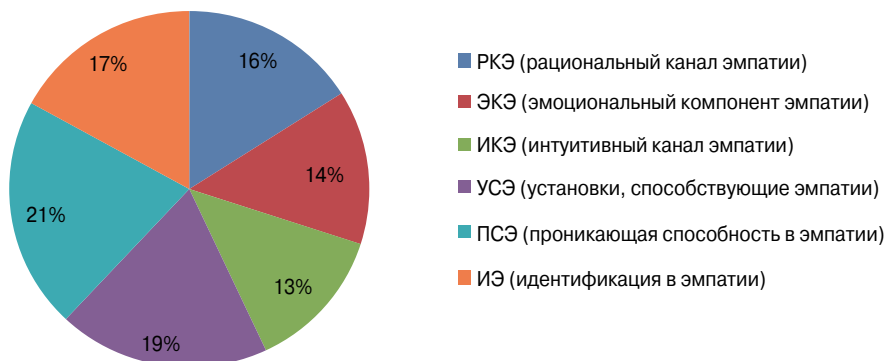

Рисунок 5. Элементы формирования эмпатии, %

основана на легкости, подвижности и гибкости эмоций, способности к подражанию. Рациональный канал эмпатии говорит о том, что такие сотрудники способны проявлять спонтанный интерес к другому, эмоционально и интуитивно отражая партнера. В рациональной составляющей эмпатии не стоит искать логичность или направленный интерес к эмоциональному состоянию партнера, такие испытуемые притягивают внимание своей естественностью. Эмоциональный канал эмпатии говорит о том, что испытуемые могут эмоционально резонировать с окружающими, т.е. проявлять сопереживание или соучастие. Эмоциональный отклик в таком случае будет являться средством «вхождения» в ментальный мир другого. Ведь только энергетически подстроившись к эмпатируемому, испытуемый сможет понять его внутренний мир. Хорошо развитый интуитивный канал эмпатии у испытуемых говорит о том, что они могут предугадать поведение партнера, действовать в условиях отсутствия исходной информации, полагаясь только на собственный опыт, который отложился в подсознании. На уровне интуиции данные сотрудники замкнуты и обобщают различную информацию об окружающих. Интуиция в меньшей степени зависима от оценочных стереотипов, чем осмысленное восприятие партнеров.

Диагностику развитости индивидуальной саморегуляции и её профиля мы провели с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» В. И. Моросановой. Полученные данные позволяют говорить о том, что у большинства испытуемых выявлен высокий уровень саморегуляции (52%), это означает, что они являются самостоятельными, гибко и правильно могут откликаться на перемены, осознанно выдвигая и достигая своих целей. У респондентов со средним уровнем общей саморегуляции (32%) цели определяются ситуативно, и их постоянство зависит от важности этих целей, при этом существующие навыки планирования используются не всегда. Низкие показатели по данной шкале (16%) свидетельствуют о том, что испытуемые в большей степени зависят от обстоятельств, в которых находятся и от мнения окружающих, у них плохо сформирована способность к осознанному планированию и программированию собственного поведения.

Также в результате применения данной методики мы выявили компоненты саморегуляции, на основании которых строится поведение сотрудников (см. рис. 6).

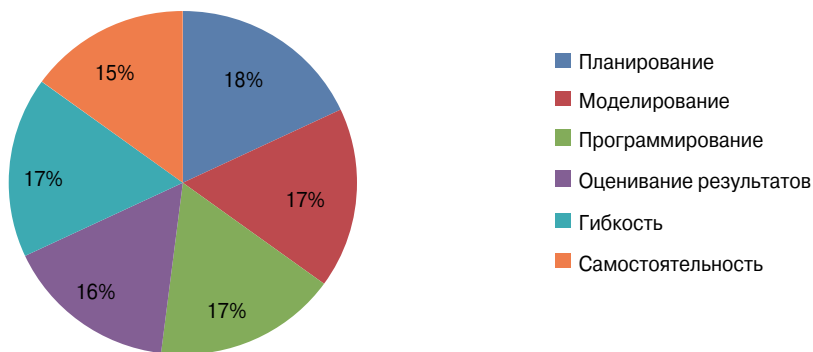

Рисунок 6. Компоненты саморегуляции, %

Испытуемые, у которых в саморегуляции преобладает «планирование», характеризуются потребностью в осознанном планировании деятельности. Испытуемые, у которых в саморегуляции на высоком уровне преобладает такой компонент, как «моделирование», умеют определять необходимые условия в достижении целей, не только в текущих ситуациях, но и в дальнейшей перспективе. Преобладание у испытуемых в саморегуляции «программирования» свидетельствует о сложившейся у них необходимости к продумыванию способов собственных действий и поведения для достижения намеченных результатов, детализированности и четкой продуманности разработываемых программ. У испытуемых с развитым компонентом саморегуляции «гибкость» проявляется пластичность всех регуляторных процессов. Высокие баллы по шкале «оценивание результатов» говорят нам об адекватной самооценке респондентов, сформированной и устойчивой системе критериев оценивания получения намеченных итогов. Данные сотрудники способны к адекватному оцениванию как самого факта несоответствия полученных результатов с целями деятельности, так и причин, которые привели к нему, гибко подстраиваясь к изменяющимся условиям. Преобладание у испытуемых в саморегуляции такого компонента, как «самостоятельность» указывает на автономность в организации собственной деятельности, способность самостоятельно разрабатывать не только планы деятельности, но и собственное поведение.

Гендерный анализ. Также в рамках эмпирического исследования был проведен анализ по всем методикам и сравнение результатов по гендерным признакам. Так, среднее значение уровня эмоционального интеллекта у женщин составляет 189, а у мужчин – 181. Анализируя общий уровень эмпатии можно отметить, что у женщин среднее значение равно 15, а у мужчин – 17. В результате сравнения полученных данных общего уровня саморегуляции видно, что у женщин среднее значение – 34, а у мужчин – 30.

Полученные сравнительные данные свидетельствует о том, что и у женщин, и у мужчин на достаточно высоком уровне развит эмоциональный интеллект, что характеризуется непредвзятостью и беспристрастным отношением к окружающим. Заниженный уровень развития эмпатии говорит о том, что такие мужчины и женщины сконцентрированы в основном на себе, на своих целях и желаниях, совсем неохотно проявляя интерес к чувствам и эмоциям других людей. У женщин высоко развитый уровень саморегуляции проявляется в их способности к эффективной компенсации личностных, характерологических

особенностей, которые препятствуют достижению поставленной цели, а у мужчин он средний, они стараются всё планировать, тщательно выбирая способы и очередность своих действий.

По результатам сравнения средних значений по преобладающим стратегиям поведения у мужчин и женщин мы можем сказать, что у мужчин преобладающими стратегиями совладающего поведения являются «планирование решения проблемы», «принятие ответственности» и «конфронтационный копинг», женщины в свою очередь прибегают к использованию таких копинг-стратегий, как «положительная переоценка» и «поиск социальной поддержки» (см. рис. 7).

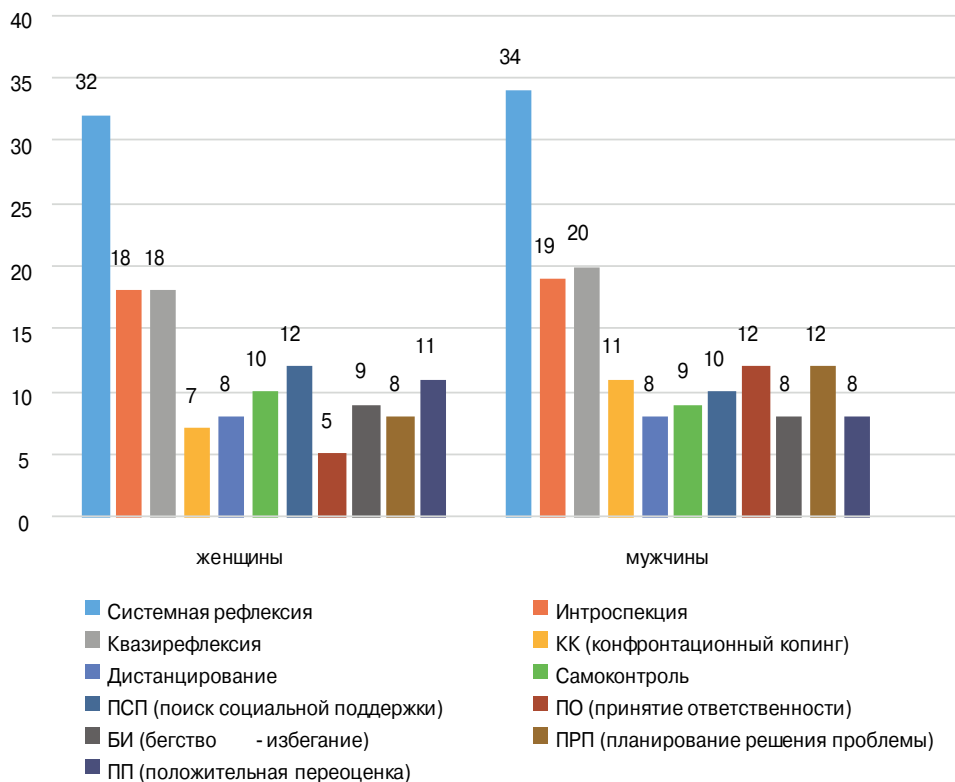

Рисунок 7. Результаты сравнения полученных средних значений у мужчин и женщин по опроснику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, опроснику «Дифференциальный тип рефлексии» (Д. А. Леонтьев, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осин, А. Ж. Салихова), %

Говоря о преобладающих стратегиях поведения у женщин и мужчин, заметим, что мужчины предпринимают произвольные, ориентированные на проблему усилия с целью изменения возникшей сложной ситуации, включая свои аналитические способности; основную роль в решении проблемы берут на себя; но в таких условиях могут быть агрессивными, несколько враждебными, готовясь к риску. Женщины, которые сталкиваются с трудными ситуациями, в свою очередь, стремятся найти информационную, действенную и эмоциональную поддержку; основное внимание уделяют положительной стороне ситуации с акцентом на саморазвитие.

Сравнивая полученные данные по типу рефлексии, можно сделать вывод, что различий в преобладающем типе рефлексии у мужчин и женщин нет, и тем, и другим присуща системная рефлексия.

Зависимость стратегии от должностной позиции. Также было проведено сравнение полученных данных между испытуемыми, занимающими разные должности и находящимися в разных профессиональных позициях. Так у начальников отделов наиболее развит эмоциональный интеллект (среднее значение 209) и общий уровень саморегуляции (36), у оперуполномоченных ОО среднее значение эмоционального интеллекта равно 190, а уровень саморегуляции – 29, далее по развитости эмоционального интеллекта идут инспекторы отдела безопасности, среднее значение в данной группе испытуемых равно 181, а уровень саморегуляции – 31, и менее развитым эмоциональный интеллект оказался у инспекторов отдела охраны (среднее значение 178), уровень саморегуляции у данных испытуемых имеет среднее значение 30. В свою очередь общая эмпатия у испытуемых разных должностей находится на одинаковом уровне, где среднее значение равно 30. Это говорит о том, что уровень эмпатии испытуемых не зависит от занимаемой должности.

Далее, сравнивая стратегии совладающего поведения у испытуемых, занимающих разные должности, мы видим, что у начальников отделов преобладающей копинг-стратегией являются «планирование решения проблемы»; оперуполномоченные ОО, в свою очередь, предпочитают в сложных ситуациях прибегать к использованию таких копинг-стратегий, как «положительная переоценка» и «самоконтроль»; у инспекторов отдела охраны преобладающими копинг-стратегиями являются «самоконтроль», «планирование решения проблемы» и «положительная переоценка»; инспекторы отдела безопасности наиболее часто выбирают такую стратегию совладающего поведения, как «самоконтроль» (см. рис. 8).

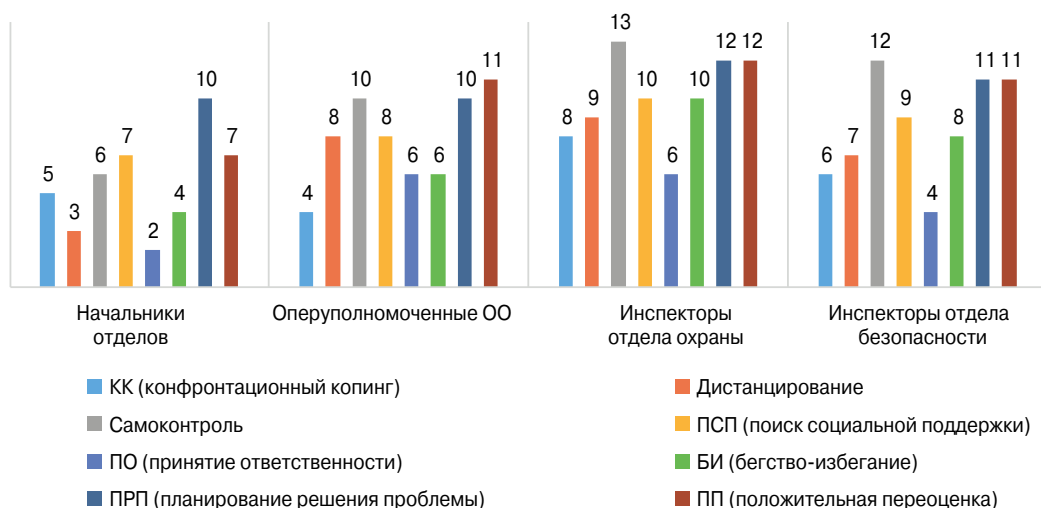

Рисунок 8. Результаты сравнения полученных средних значений у испытуемых, занимающих разные должности по опроснику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, %

Мы можем сделать вывод, что оперуполномоченные и инспектора в сложных ситуациях чаще всего прибегают к копинг-стратегии «самоконтроль». Из-за особенностей профессиональной деятельности, они сдерживают свои чувства и эмоции, стараясь оставаться в трезвом уме и памяти с целью решения возникшей ситуации. В свою очередь, начальники отделов предпочитают копинг-стратегию «планирование решение проблемы», можно предположить, что это связано с осознанием возложенной на них ответственности, поэтому в непростых ситуациях стараются более детально проанализировать её, выбрав наиболее конструктивный вариант решения.

Проведя сравнение преобладающего типа рефлексии, у испытуемых, мы видим, что вне зависимости от занимаемой должности, всем сотрудникам в наибольшей степени присуща системная рефлексия (см. рис. 9).

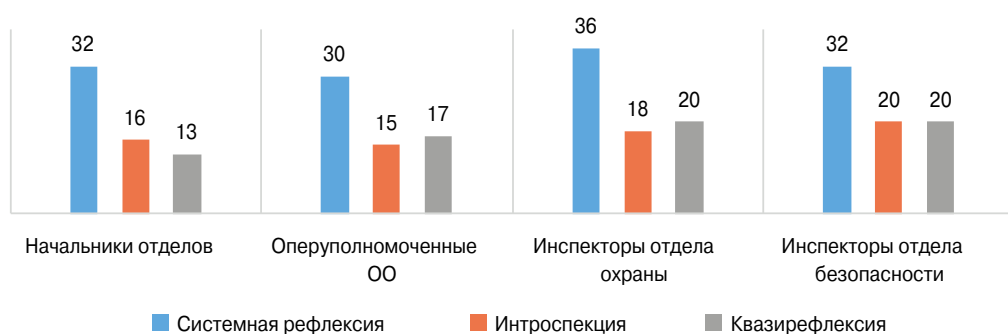

Рисунок 9. Результаты сравнения полученных средних значений у испытуемых, занимающих разные должности по опроснику «Дифференциальный тип рефлексии» (Д. А. Леонтьев, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осин, А. Ж. Салихова), %

Можно предположить, что в силу особенностей профессиональной деятельности и условий труда, вне зависимости от занимаемой должности, все испытуемые стараются анализировать как своё собственное поведение, глядя на себя со стороны, так и поведение окружающих людей, на основании чего формируют решения о дальнейших действиях, ведь работа в Управлении Федеральной службы исполнения наказаний – это огромная ответственность не только за себя, но и за тех, кто находится рядом.

Заключение. Рассматривая стратегии совладающего поведения специалистов экстремального профиля, мы отметили, что они используют поведенческие, когнитивные и эмоциональные стратегии преодоления экстремальных ситуаций. Выбор конкретных стратегий совладания влияет на успешность профессиональной деятельности специалистов экстремальных профессий и помогает справиться с непростыми условиями деятельности. При этом стратегии копинга могут быть как адаптивными, неадаптивными и относительно адаптивными, в зависимости от эмоционального интеллекта личности специалистов экстремального профиля.

Учитывая психологические особенности, влияющие на выбор стратегии совладающего поведения, мы выявили структуру эмоциональной компетентности, которая состоит из эмоционального интеллекта, рефлексии, эмпатии и саморегуляции поведения. Выбор стратегии совладающего поведения у специалистов

экстремального профиля – это принятие решений, состоящих из последовательных этапов, где каждый из компонентов эмоциональной компетентности имеет определенные функции и специфику.

Проведя эмпирическое исследование, мы выявили, что наибольшее количество респондентов обладают средним и высоким уровнем эмоционального интеллекта, то есть они с легкостью могут воспринимать и понимать не только своё внутреннее эмоциональное состояние, но и эмоции своих партнеров, что говорит о развитости межличностного эмоционального интеллекта. У испытуемых данной группы на хорошем уровне развита системная рефлексия, позволяющая видеть взаимодействие во всех его аспектах, учитывая имеющиеся альтернативные возможности. Такое видение позволяет открывать для себя новые качества, которые могут являться предпосылками к самопознанию и саморазвитию. Но здесь же стоит отметить, что достаточно большое количество респондентов имеют несколько заниженный уровень эмпатии, хотя межличностный эмоциональный интеллект у них развит достаточно неплохо, они сталкиваются с трудностями в построении межличностного взаимодействия, не могут осознанно проявлять сопереживание и сочувствие по отношению к другому, но в данном исследовании, учитывая особенности профессиональной деятельности испытуемых, это является для них положительной характеристикой, так как позволяет четко выполнять свои должностные обязанности. У большого процента испытуемых наблюдается также неплохо развитый уровень саморегуляции, что характеризует их как людей самостоятельных и умеющих планировать собственные действия, проявляя гибкость не только в общении, но и в выполнении профессиональных обязанностей. Поэтому анализируя наиболее предпочитаемые способы совладающего поведения, мы можем сказать, что выбор каждой из стратегий поведения во многом зависит от условий, в которых находится сотрудник, по средствам анализа, обобщения, моделирования и планирования сотрудники стараются прибегать к использованию того копинга, который будет более эффективным в сложившейся ситуации.

Применение в исследовании корреляционного анализа с помощью γ -критерия Пирсона и непараметрического анализа с использованием H -критерия различий Краскела–Уоллиса позволяет нам говорить о том, что уровень развития эмоциональной компетентности оказывает влияние на выбор стратегий совладающего поведения, и предопределяется преобладающим каналом эмпатии, параметрами саморегуляции поведения, а также гендерными особенностями.

Библиографический список

1. Юсупова, Г. В. Состав и измерение эмоциональной компетентности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Юсупова Гузель Валимухаметовна. Казань, 2006. 166 с. EDN [NNTTEOL](#).
2. Андреева, И. И. Об истории развития понятия «эмоциональный интеллект» // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 83-95. EDN [NBEWFT](#).
3. Мавлянова, О. В. Эмоциональная компетентность и целенаправленность поведения детей младшего школьного возраста с разными формами проявления агрессии : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Мавлянова Оксана Владимировна. Москва, 2011. 27 с. EDN [QNTCOL](#).
4. Киселева, Т. С. Эмоциональный интеллект как жизненный ресурс и его развитие у взрослых : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Киселева Татьяна Сергеевна. Москва, 2015. 26 с. EDN [ZPPOZZ](#).
5. Манойлова, М. А. Акмеологическое развитие эмоционального интеллекта учителей и учащихся. Псков : ПГПИ, 2004. 140 с. ISBN 5-87854-330-3.
6. Fteiha, M., Awwad, N. Emotional intelligence and its relationship with stress coping style // Health Psychology Open. 2020. № 7(2). DOI [10.1177/2055102920970416](https://doi.org/10.1177/2055102920970416).

7. Lazarus, R. S., Folkman, S. Stress, appraisal and coping. New York : Springer Publ. Co., 1984. 445 p.
8. Родина, Н. В. Глубинно-психологические детерминанты копинг-поведения менеджеров среднего звена в кризисных ситуациях // Наука и общество. 2006. № 5-6. С. 81-85.
9. Прикладная юридическая психология / И. И. Аминов, А. И. Афиногенов, А. Г. Гельманов [и др.]. Москва : Изд-во «Юнити-Дана», 2001. 639 с. ISBN 5-238-00200-9. EDN [YPHEDX](#).
10. Устинова, Л. Г., Султанова, М. В. Личная профессиональная безопасность сотрудников ОВД: структура и содержание // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2(69). С. 437-438. EDN [UORKQZ](#).
11. Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие // Материалы IV Междунар. науч. конф. (Кострома, 22–24 сентября 2016г.) / Отв. ред. Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. 340 с. ISBN 978-5-7591-1561-8. EDN [UZXJHY](#).
12. Климентова, О. А. Механизмы психологической защиты // Вестник Науки и Творчества. 2018. № 12(36). С. 36-38. EDN [VRQKRR](#).
13. Данилова, А. В. Обзор психологической литературы по проблеме совладающего поведения // Молодой ученый. 2021. № 43(385). С. 61-63. EDN [TDUBGM](#).
14. Тихонова, Е. А. Подходы к изучению понятия совладающего поведения в отечественных и зарубежных научных исследованиях // Психолог. 2021. № 6. С. 1-11. DOI [10.25136/2409-8701.2021.6.37005](#). EDN [JJYUMF](#).
15. Бергфельд, А. Ю., Мокрушина, А. А., Денисова, А. Ф. Субъективная оценка соматического здоровья и совладающее поведение работников экстремальных профессий // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1(3). С. 531-541. EDN [ZRMCNB](#).
16. Канунникова, Н. В., Седелкова, В. А., Беспалова, В. А., Демченко, А. С. Особенности синдрома профессионального выгорания среди специалистов экстремального профиля // Вестник СМУС Челябинской области. 2016. Т. 2, № 1(12). С. 30-32. EDN [VWVHNP](#).
17. Тулитбаева, Г. Ф., Лапкина, Е. В., Яннирова, В. А. Факторная структура личностных качеств и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 24-32. DOI [10.24412/1999-6241-2022-188-24-32](#). EDN [RPXRDE](#).
18. Земскова, А. А., Кравцова, Н. А. Стратегии совладающего поведения у сотрудников МЧС России и у курсантов Дальневосточной пожарно-спасательной академии МЧС России // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2015. № 2. С. 173-179. EDN [UGYEGJ](#).
19. Люсин, Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3-22. EDN [VZMIFN](#).
20. Лазарус, Р. С. Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу // Психологические факторы на работе и охрана здоровья. Москва; Женева, 1989. С. 121-126.
21. Куповых, Ж. Г., Лабынцева, И. С., Лызь, Н. А., Эксакусто, Т. В. Практикум по психологии управления личностными ресурсами: учебно-методическое пособие. Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2017. 178 с.
22. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара : Бахрах-М, 2015. 672 с. ISBN 978-5-94648-092-5.
23. Моросанова, В. И., Коноз, Е. М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 118-127. EDN [ZDQRNR](#).

Дата поступления в редакцию: 19.07.2022.

Дата поступления финальной версии: 26.08.2022.

Принята к печати: 06.09.2022.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Тутынина, магистр психологии,
профиль «Психология экстремальных и чрезвычайных ситуаций»,
Северо-Кавказский федеральный университет.

Ставрополь, Россия.
e-mail: tutininaelena@mail.ru

E. A. Tutinina^{1*}

¹ North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

THE IMPACT OF EMOTIONAL COMPETENCE ON THE COPING STRATEGIES AMONG SPECIALISTS OF EXTREME JOBS

Abstract. The authors discuss specifics of coping strategies which representatives of extreme jobs tend to demonstrate in stressful conditions; we examine coping strategies through various parameters, including channels of empathy, self-regulation, and emotional intelligence. A coping strategy aims at effective adaptation to the requirements of the complicated situation, allowing to soften, avoid or get used to them, and minimize the stressful influence on the decision-making. At the same time, coping strategies help the employees of extreme professions to maintain their physical and mental health and satisfy their need for social relationships. The extreme jobs also include penal system representatives, such as guards, execution controllers, inspectors of the security department, and operational department servicemen working in conditions of growing stress. In order to identify the features of choosing the strategies of coping behavior by this category of specialists, we tested representatives of the Office of the Federal Penitentiary Service for the Stavropol Region (Stavropol), using a comprehensive methodology including the Emin Emotional Intelligence Questionnaire (D. V. Lyusin), the questionnaire "Methods of coping behavior" (by R. Lazarus), the questionnaire "Differential type of reflection" (D. A. Leontiev, E. M. Lapteva, E. N. Osin, A. J. Salikhova), "Diagnosis of the level of empathy" (developed by V. V. Boiko), the questionnaire "Style of behavior-SSP-98" developed by V. I. Morosanova. As a result of the study, we found out that most respondents have a well-developed interpersonal emotional intelligence, systemic reflection, high level of self-regulation and, together with that, quite low level of empathy.

Keywords: emotional competence, specialists of extreme professions, emotional intelligence, self-regulation, coping strategies, reflection, empathy.

For citation: Tutinina E. A. (2022) *The impact of emotional competence on the coping strategies among specialists of extreme jobs. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 3. Pp. 165-180. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.12*

References

1. Yusupova, G. V. (2006) *Composition and measurement of emotional competence*. Candidate (Psych.) Degree Thesis. Kazan. 166 p. (in Russ.).
2. Andreeva, I. N. (2008) On the development of the notion "emotional intellect". *Voprosy Psichologii*. No. 5. Pp. 83-95 (in Russ.).
3. Mavlyanova, O. V. (2011) *The emotional competence and purposefulness of the behavior of children of primary school age with different forms of manifestation of aggression*. Abstract of Candidate (Psych.) Degree Thesis. Moscow. 27 p. (in Russ.).
4. Kiseleva, T. S. (2015) *Emotional intelligence as a life resource and its development in adults*. Abstract of Candidate (Psych.) Degree Thesis. Moscow. 26 p. (in Russ.).
5. Manoilo,va, M. A. (2004) *Akmeologicheskoe razvitie emotsional'nogo intellekta uchitelei i uchashchikhsya [Acmeological development of the emotional intelligence of teachers and students]*. Pskov, PGPI Publ. 140 p. ISBN 5-87854-330-3 (in Russ.).
6. Fteiha, M., Awwad, N. (2020) Emotional intelligence and its relationship with stress coping style. *Health Psychology Open*. Vol. 7. Issue 2. DOI [10.1177/2055102920970416](https://doi.org/10.1177/2055102920970416) (in Eng.).
7. Lazarus, R. S., Folkman, S. (1984) *Stress, Appraisal and Coping*. New York, Springer Publ. Co. 445 p. (in Eng.).
8. Rodina, N. V. (2006) Deep-psychological determinants of coping behavior of middle-level managers in crisis situations. *Nauka i obshchestvo*. No. 5-6. Pp. 81-85 (in Russ.).

* Academic coordinator – Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Armenia). E-mail: atanesyan@yandex.ru

9. Aminov, I. I., Afinogenov, A. I., Gel'manov, A. G. [et al]. (2001) *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*. Moscow : Unity-Dana Publ. 639 p. ISBN 5-238-00200-9 (in Russ.).
10. Ustinova, L. G., Sultanova, M. V. (2018) Personal professional security of ATS-staff: structure and contents. *The world of science, culture and education*. No. 2(69). Pp. 437-438 (in Russ.).
11. Kryukova, T. L., Saporovskaya, M. V., Khazova, S. A. (eds) (2016) *Psychology of stress and coping behavior: resources, health, development*. Materials of the IV Intern. Scient. Conf. (Kostroma, September 22–24, 2016). Kostroma, KSU. 340 p. ISBN 978-5-7591-1561-8 (in Russ.).
12. Klimontova, O. A. (2018) Mechanisms of psychological protection. *Vestnik Nauki i Tvorchestva*. No. 12(36). Pp. 36-38 (in Russ.).
13. Danilova, A. V. (2021) Review of psychological literature on the problem of coping behavior. *Young scientist*. No. 43(385). Pp. 61-63 (in Russ.).
14. Tikhonova, E. A. (2021) Approaches towards studying the concept of coping behavior in Russian and foreign scientific research. *Psychologist*. No. 6. Pp. 1-11. DOI [10.25136/2409-8701.2021.6.37005](https://doi.org/10.25136/2409-8701.2021.6.37005) (in Russ.).
15. Bergfeld, A. Yu., Mokrushina, A. A., Denisova, A. F. (2019) Subjective assessment of somatic health and coping behavior of workers of extreme professions. *Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*. No. 1(3). Pp. 531-541 (in Russ.).
16. Kanunnikova, N. V., Sedelkova, V. A., Bepalova, V. A., Demchenko, A. S. (2016) Features burnout among professionals extreme profile. *Vestnik SMUS Chelyabinskoi oblasti*. Vol. 2. No. 1(12). Pp. 30-32 (in Russ.).
17. Tulitbaeva, G. F., Lapkina, E. V., Yannurova, V. A. (2022) Factor Structure of Law Enforcement Officers' Personal Qualities and Coping Strategies. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. Vol. 27. No. 1(88). Pp. 24-32. DOI [10.24412/1999-6241-2022-188-24-32](https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-24-32) (in Russ.).
18. Zemskova, A. A., Kravtsova, N. A. (2015) Strategies coping behavior among employees of the MES of Russia and the cadets of the Far East fire and rescue academy of the MES. *Scientific and Analytical journal "Bulletin of St. Petersburg University of the State Fire Service of the MES of Russia"*. No. 2. Pp. 173-179 (in Russ.).
19. Lucin, D. V. (2006) New Technique for Measuring Emotional Intelligence: EmIn Questionnaire. *Psikhologicheskaya diagnostika*. No. 4. Pp. 3-22 (in Russ.).
20. Lazarus, R. S. (1989) Individual sensitivity and resistance to psychological stress. *Psikhologicheskie faktory na rabote i okhrana zdorov'ya [Psychological factors at work and health protection]*. Moscow; Geneva. Pp. 121-126 (in Russ.).
21. Kupovykh, Zh. G., Labyntseva, I. S., Lyz', N. A., Eksakusto, T. V. (2017) *Praktikum po psikhologii upravleniya lichnostnymi resursami [Workshop on the psychology of personal resources management]*. Taganrog, Southern Federal University Publ. 178 p. (in Russ.).
22. Raigorodsky, D. Ya. (ed.) (2015) *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy [Practical psychodiagnostics. Methods and tests]*. Samara, Bahrah-M Publ. 672 p. ISBN 978-5-94648-092-5 (in Russ.).
23. Morosanova, V. I. (2000) Style self-regulation of human behavior. *Voprosy Psikhologii*. No. 2. Pp. 118-127 (in Russ.).

The article was submitted on July 19, 2022.
The final version arrived on August 26, 2022.
Accepted on September 6, 2022.

Information about the author:

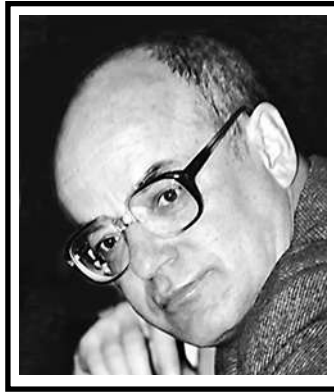
Elena A. Tutinina, Master of Psychology, profile "Psychology of extreme and emergency situations", North-Caucasus Federal University. Stavropol, Russia.
e-mail: tutininaelena@mail.ru

EDN JZEBVH

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЭДУАРДА МИХАЙЛОВИЧА АНДРЕЕВА (08.10.1938 – 17.08.2022)

Не стало Эдуарда Михайловича Андреева, доктора философских наук, профессора, главного научного сотрудника ФНИСЦ РАН, действительного члена Российской Академии социальных наук. Он был ярким человеком и большим ученым, много сделавшим для развития российской социологии и политологии. Эдуард Михайлович прожил большую жизнь и пользовался заслуженным авторитетом у всех, с кем ему приходилось работать.

Выпускник Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина по специальности «Русский язык, литература и история», через несколько лет работы он стал одним из самых молодых директоров школ. 1960-е годы были периодом молодежного энтузиазма и открытий, и увлечение Э.М. Андреева только становящейся на ноги в СССР социологией привело его в науку, которая стала делом всей его жизни. Он активно включается в проведение первых в стране социологических исследований, вступает в Советскую социологическую ассоциацию, поступает в аспирантуру. Жизнь сводит Э.М. Андреева с известным социальным философом и логиком Александром Александровичем Зиновьевым. Это знакомство и общение, в период еще до отъезда А.А. Зиновьева за границу, произвело такое сильное впечатление на Эду-

арда Михайловича, что он на протяжении дальнейшей научной карьеры относил себя к последователям «методологической школы Зиновьева». Далее следует защита кандидатской, затем докторской диссертации. Э.М. Андреев возглавлял кафедру в Московском горном институте, работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а позже преподавал в Академии народного хозяйства и государственной службы.

Взаимодействие с коллегами по социологической науке привело Эдуарда Михайловича в Институт социально-политических исследований РАН, в котором он с момента основания трудился на протяжении почти трех десятилетий. Сфера научных интересов Эдуарда Михайловича включала изучение проблем методологии и практики исследования социально-политических процессов реформирования России, а позднее, актуальных вопросов современных социально-политических процессов на евразийском пространстве и межстрановой интеграции. Э.М. Андреев как член Научного совета «Социально-политические проблемы формирования Евразийского экономического союза» под руководством Отделения общественных наук РАН, был инициатором и автором ряда аналитических документов, предоставленных государственным органам власти. На

заключительном этапе своей трудовой деятельности Э.М. Андреев работал в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН.

Помимо того, что Эдуард Михайлович опубликовал много важных научных работ, коллегам запомнилась и его редакторская деятельность: он был заместителем главного редактора журнала «Социально-гуманитарные знания», членом редакционного совета журналов «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки», «Социология образования», «Национальное здоровье», а также членом редколлегии научной издательской серии «Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции». Эдуард Михайлович активно пере-

давал свой опыт ученикам, работал в диссертационных советах, под его научным руководством были защищены диссертационные работы многих аспирантов и соискателей. За многолетний добросовестный труд и вклад в развитие отечественной социологии и политологии Э.М. Андреев неоднократно был удостоен государственных и общественных наград СССР и Российской Федерации.

Мы будем помнить Эдуарда Михайловича как талантливого учёного и творческого педагога, принципиального гражданина и патриота, отзывчивого человека и доброго друга. Скорбим в связи с утратой и выражаем искренние соболезнования родным, близким, друзьям и ученикам профессора Эдуарда Михайловича Андреева.

*Коллеги, друзья, товарищи.
Дирекция и ученый совет ИСПИ ФНИСЦ РАН.
Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество».*

Журнал «Наука. Культура. Общество» зарегистрирован Роскомнадзором
(ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30.06.2021).

Учредители:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Общественная российская академия социальных наук

Главный редактор:
В. К. Левашов

Ответственный секретарь:
О. В. Гребняк

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<http://www.journal-scs.ru/>

Журнал индексируется в национальной библиографической базе данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) Включён в перечень ВАК по социологическим и политическим отраслям науки

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.
Freely available online. No charges for authors.

ISSN 2713-0681

Подписано к использованию 29.09.2022 г.

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Контакты редакционного отдела:
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
тел.: +7(499) 530-27-32
e-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru